

АССОЦИАЦИЯ «ЛЕРМОНТОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ»
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД «ДОРОГА ЖИЗНИ»

Ежегодный альманах

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

XXI век

200-летию Михаила Юрьевича ЛЕРМОНТОВА

посвящается

МОСКВА · ВОРОНЕЖ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА «ПОДЪЁМ»
2014

УДК 821.161.1-1(082)
ББК 84(2=411.2)6-5(Я4) Д34

Издание осуществлено при финансовой
поддержке Ханты-Мансийского банка

Некоммерческое издание

Д34 День поэзии – XXI век. 2014 год.
Альманах: Стихи, статьи. – Воронеж:
издательство журнала «Подъём»,
2014 г. – 270 с.

200-летию Михаила Лермонтова,
125-летию Анны Ахматовой,
125-летию Николая Асеева,
100-летию Виктора Бокова,
90-летию Николая Старшинова
посвящается.

Издательство зарегистрировано в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране памятников культурного наследия.

Рег. ПИ № ФС77-25467 от 25 августа 2006 г.

ISBN 978544200319-2

На обложке:
П.Е. Заболотский.
Портрет М.Ю. Лермонтова в ментике лейб-гвардии
гусарского полка.
1837 г.. Картон, масло. 36,0x28,5.
Государственная Третьяковская галерея. Москва.

Редакторский совет:
Наталья ГРАНЦЕВА (Санкт-Петербург) –
главный редактор
Сергей МНАЦАКАНЯН –
главный редактор
Андрей ШАЦКОВ – креативный
главный редактор, автор проекта
Иван ЩЁЛОКОВ (Воронеж) –
выпускающий главный редактор

Составитель:
Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН

Редакционная коллегия:
Валерий ДУДАРЕВ –
председатель редколлегии
Лев АННИНСКИЙ
Александр КАЗИНЦЕВ
Геннадий КРАСНИКОВ
Евгений МИНИН (Иерусалим, Израиль)

Попечительский совет:
Михаил ЛЕРМОНТОВ,
председатель
Дмитрий МИЗГУЛИН (Ханты-Мансийск),
сопредседатель
Евгений БОГАТЫРЁВ
Валентин КЛЕМЕНТЬЕВ
Владимир КОСТРОВ
Виктор ЛИННИК
Александр СОКОЛОВ

© Коллектив авторов, 2014.
© Составление: Ассоциация
«Лермонтовское наследие», журнал «Подъём», 2014.
© Оформление: журнал «Подъём».

СОДЕРЖАНИЕ

Анатолий АВРУТИН	9	Алексей КОРОЛЁВ	117
Александр АНАШКИН	11	Владимир КОСТРОВ	118
Глеб АРТХАНОВ	12	Лев КОТЮКОВ	120
Юрий БЕЛИКОВ	14	Любовь КРАСАВИНА	122
Сергей БЕЛОРОУСЕЦ	15	Александр КУВАКИН	123
Николай БОРСКИЙ	16	Марина КУДИМОВА	125
Юрий БОЧКОВ	17	Станислав КУНЯЕВ	126
Владимир БОЯРИНОВ	19	Светлана ЛЕОНТЬЕВА	128
Виктор БУДАКОВ	21	Евгений ЛЕСИН	130
Александр БУНЕЕВ	22	Борис ЛУКИН	132
Лариса ВАСИЛЬЕВА	24	Игорь ЛУКЬЯНОВ	133
Александр ВОЛОБУЕВ	26	Светлана ЛЯШОВА	134
Александр ГЕРАСИМОВ	28	Новелла МАТВЕЕВА	136
Сергей ГЛОВЮК	30	Дмитрий МИЗГУЛИН	137
Александр ГОЛУБЕВ	31	Евгений МИНИН	139
Глеб ГОРБОВСКИЙ	33	Валерий МИХАЙЛОВ	141
Надежда ГОРЛОВА	35	Сергей МНАЦАКАНЯН	154
Александр ГОРОДНИЦКИЙ	37	Ирина МОИСЕЕВА	156
Наталья ГРАНЦЕВА	38	Геннадий МОРОЗОВ	157
Николай ГУГЛЯР	53	Виталий МУХИН	159
Валерий ДУДАРЕВ	54	Валентин НЕРВИН	161
Евгений ЕВТУШЕНКО	56	Галина НЕРПИНА	163
Ирина ЕГОРОВА-КРЕКНИНА	59	Александр НЕСТРУГИН	165
Наталия ЕЛИЗАРОВА	61	Олеся НИКОЛАЕВА	167
Геннадий ЁМКИН	62	Евгений НОВИЧИХИН	169
Александр ЗАЙЦЕВ	64	Николай ПЕРЕЯСЛОВ	171
Максим ЗАМШЕВ	70	Юрий ПЕРМИНОВ	173
Николай ЗИНОВЬЕВ	72	Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН	175
Вера ЗУБАРЕВА	74	Юлия ПОКРОВСКАЯ	177
Геннадий ИВАНОВ	75	Юрий ПОЛЯКОВ	178
Александр ИВУШКИН	77	Екатерина ПОЛЯНСКАЯ	181
Елена ИСАЕВА	78	Евгений ПОПОВ	183
Александр КАЗИНЦЕВ	80	Сергей ПОПОВ	185
Евгений КАМИНСКИЙ	82	Аркадий ПРЕСМАН	187
Диана КАН	84	Алексей ПУРИН	188
Бахытжан КАНАПЬЯНОВ	86	Алексей ПЬЯНОВ	190
Елена КАЦЮБА	88	Евгений РЕЙН	192
Константин КЕДРОВ	89	Валентин РЕЗНИК	198
Виктор КИРЮШИН	91	Наталья РОЖКОВА	200
Александр КЛИМОВ-ЮЖИН	93	Андрей РОМАНОВ	202
Александр М. КОБРИНСКИЙ	95	Роман РУБАНОВ	205
Кирилл КОВАЛЬДЖИ	97	Анатолий РЫБКИН	207
Наталья КОЖЕВНИКОВА	98	Ольга РЫЧКОВА	208
Кирилл КОЗЛОВ	99	Юрий РЯШЕНЦЕВ	210
Сергей КОЗЛОВ	101	Константин САВЕЛЬЕВ	212
Леонид КОЛГАНОВ	102	Елена СЕМЁНОВА	214
Зоя КОЛЕСНИКОВА	113	Евгений СЕМИЧЕВ	216
Владимир КОРКУНОВ	114	Владимир СИЛКИН	218
Андрей КОРОВИН	115	Владимир СКИФ	220

Валентин СОРОКИН	222
Евгений СТЕПАНОВ	224
Наталья СТРУЧКОВА	227
Олжас СУЛЕЙМЕНОВ	228
Светлана СЫРНЕВА	230
Марина ТАРАСОВА	232
Владимир ТЕПЛЯКОВ	233
Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН	235
Виктор ТИХОМИРОВ-ТИХВИНСКИЙ	242
Галина УМЫВАКИНА	243
Владимир ХОХЛЕВ	245
Светлана ХРОМОВА	246
Евгений ЧИГРИН	248
Андрей ШАЦКОВ	250
Владимир ШЕМШУЧЕНКО	252
Виктор ШИРОКОВ	255
Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ	257
Маргарита ШУВАЛОВА	259
Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ	260
Иван ЩЁЛОКОВ	262
Ирина ЮТАЕВА	265
Евгений ЮШИН	266
Нина ЯГОДИНЦЕВА	268

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Геннадий КРАСНИКОВ	6
Лев АННИНСКИЙ	41
Сергей МНАЦАКАНЯН	65
Валерий МИХАЙЛОВ	104
Лев АННИНСКИЙ	143
Максим ЗАМШЕВ	194
Геннадий КРАСНИКОВ	237

ЮБИЛЯРЫ 2014 года

Александр БОБРОВ
Алексей КОРОЛЁВ
Сергей МНАЦАКАНЯН
Новелла МАТВЕЕВА
Юрий ПОЛЯКОВ
Евгений СТЕПАНОВ
Владимир СИЛКИН

Редакторский совет, редакционная коллегия и попечительский совет альманаха «День поэзии – XXI век» сердечно поздравляют с юбилеями своих авторов и желают им дальнейших успехов во славу поэтического слова!

Михаил ЛЕРМОНТОВ

Автопортрет. 1837 г.

ПОЭТ

Отделкой золотой блестает мой кинжал;
Клинок надёжный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал —
Наследье бранного Востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди
    проводил он страшный след
И не одну порвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Тerekом отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножон,
избитых на войне,
Лишён героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на стене —
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь с зарёй,
Никто с усердьем не читает...

В наш век изнеженный
    не так ли ты, поэт,
Своё утратил назначенье,
Назлатопроменял ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был tolpe,
    как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух,
    носился над tolпой
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой
    и гордый твой язык,
Нас тешат блёстки и обманы;
Как ветхая краса,
    наши ветхий мир привык
Морицны прятать под румяны...

Проснёшься ль ты опять,
    осмеянный пророк!
Иль никогда, на голос миценья,
Из золотых ножон
    не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?..

Геннадий КРАСНИКОВ

Москва

ТАИНСТВЕННАЯ ПОВЕСТЬ

К 200-летию со дня рождения Михаила Лермонтова

Если Пушкин, как сказал о нём Гоголь, не оставил лестниц к себе, к своей недосягаемой высоте, то Лермонтов, напротив, окружил начатое им сооружение сложнейшей системой строительных лесов, за которыми лишь угадывается, сколь величественным и могучим могло стать воплощение неведомого нам замысла. Сравнение неизбежно, поскольку эти два драгоценных для России имени слишком близко и трагически пересеклись во времени и чрезвычайно долгим и благодатным эхом отзывались в русской истории и культуре.

Пушкин – это цельность и завершённость, гениальная гармоничность. Лермонтов – это ослепительно яркое начало, тревожный фрагмент таинственного целого, гениальный разлад гармонии. Вопреки сложившемуся мнению, он не был продолжением, знаменосцем, подхватившим выпавший из рук стяг. Пушкин завершил собой петровскую эпоху, он был её интеллектуальным и духовным апофеозом. Его взгляд, слух, вкус, патриотический восторг были обращены в прошлое. И даже горациансское изящество собственного «Памятника» для потомков он сочетал с петровской монументальностью. И для него неприятной крамолой прозвучали бы слова Лермонтова о том, что «у России нет прошлого: она вся в настоящем и будущем».

Парадоксально, но обращённый в будущее, равнодушный к исчерпавшей себя эпохе Петра, Лермонтов именно к ней имел прямое касательство. Сквозняком от «прорубленного» Петром «окна в Европу» занесло в молодой горячий ум поэта западное дыхание романтической эпидемии, со всеми соблазнами байронизма в том числе. То, чем на Западе между делом могут десятилетиями пробавляться теоретизирующие литераторы и университетские профессора, попав на русскую почву, немедленно становится навязчивым смыслом жизни, подвигом, чреватым умом – и душепомрачением. Ведь это какой доверчивой и отзывчивой должна быть почва, чтобы совсем ещё ребёнком, в пятнадцать лет, под влиянием Байрона начав писать своего «Демона», Лермонтов продолжал оставаться в этой опасной богооборческой теме фактически до конца своих дней. Что-то мистическое есть в том, что дата окончания поэмы «Демон» стала годом гибели поэта.

Но опыт отрицания, мятежа, сомнения, отъединения себя от мира и мира от себя в поэзии критического романтизма обострил в Лермонтове до галлюцинаций пророческий дар. Его взгляд, слух, вкус, патриотические упования были не просто обращены в будущее, он был болен будущим, сам не осознавая своей болезни. Он – человек ещё не наступившей эпохи. Он есть, но его как бы нет, и он всё время пытается в своих произведениях идентифицировать себя с самим собой (уникальный случай в мировой литературе!). («Нет, я не Байрон, я другой»; «Я не хочу, чтоб свет узнал // Мою таинственную повесть...»). Не случайно большинство близких к нему современников после его смерти не могли точно описать его лицо: каждый раз он казался разным, словно было несколько не похожих друг на друга Лермонтовых.

В нём, первом в русской литературе, преломился синтез гармонии мира, положив начало антиномичности и проблематики XIX века, развернувшихся позднее в прозе Л. Толстого и Ф. Достоевского. Он каждое мгновение видит протяжённо, а в этой протяжённости ему открыты начало и конец всякого события. Собственно, весь сострадательный психологизм и полифонизм романов Достоевского, как в малом зерне, заложен в лермонтовской наэлектризованной диалектике: «Мне грустно потому... что весело тебе». В определённом смысле его «Демон», его поднимающийся в холодную высь одинокий «кремнистый путь» – это предвосхождение (предвосхищение) Заратустры, «проекции» Ницше.

Его душу и ум сотрясают и смущают ещё не наступившие катаклизмы и расколы. («Что же мне так больно и так трудно? Жду ль чего? жалею ли о чём?...»; «И в даль грядущую, закрытую пред нами, // Духовный взор его смотрел»; «Гляжу на будущность с боязнью...»; «Не смейся над моей пророческой тоскою...»).

В шестнадцатилетнем возрасте он пишет провидческое стихотворение «Предсказание», в котором, как в известном Откровении, с вырастающими до мрачных символов точными деталями показан русский апокалипсис XX века:

Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь,
Когда детей, когда невинных жён
Низвергнутый не защитит закон...

Это вам не фрейдистские «сны Веры Павловны». Тут гениальный образец антиутопии до известных опытов Е. Замятиня и Дж. Оруэлла.

Можно себе представить степень одиночества Лермонтова, его «инопланетянство» посреди своего – не своего времени. Пушкинская плeядa и после 1837 года оставалась со своим кумиром, с воспоминаниями собственной юности. Лермонтовское поколение так в сущности и не появилось.

Страшно сказать, но этот гениальный юноша из отпущеных ему роковых 27 лет по-настоящему был счастливым лишь первые три года жизни – до столь же ранней смерти матери. «Когда я был трёх лет, – вспоминал Лермонтов, – то была песня, от которой я

плакал... Её певала мне покойная мать». Мы никогда не узнаем, какая это была песня, но можно не сомневаться, что в тех незабвенно-светлых слезах заслушавшегося материнской песней младенца — омылась и засияла в его душе жемчужина Божьего поэтического дарования. И каким бы скептицизмом или «горечью и злостью» ни дышали порой его стихи, самые нежные и тёплые строки у него прорывались, когда он писал о детях, о материнской любви:

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь перед собой...

Возле этого родного истока ещё держалась мятущаяся, ускользающая, двоящаяся жизнь поэта. В ясности и прозрачности этого истока, как в купели, освящены его удивительные шедевры «Когда волнуется желтеющая нива», «Бородино», «Песня про купца Калашникова», «В минуту жизни трудную»...

В. Розанов, заканчивая статью о поэте «Вечно печальная дуэль» — одну из лучших во всем лермонтоведении, — по чудесным контурам отдельных частей тоже сокрушённо ищет разгадку целого, того, что всегда будет волновать русский ум своей тайной и недо-сказанностью: «Как часто, внимательно расчленяя по годам им написанное, мы с болью видели, что, отняв только написанное за шесть месяцев рокового 1841 года, мы уже не имели бы Лермонтова в том объёме и значительности, как имеем его теперь. До того быстро, бурно, именно «вешним способом» шло, подымаясь и подымаясь, его творчество... Если бы ещё полгода, полтора года; если бы хоть небольшой ещё пук таких стихов...».

Анатолий АВРУТИН

Минск, Беларусь

* * *

Я иду по земле...
Нынче солнце озябло...
Перепутались косы на чахлой ветле.
За спиною —
                         котомка подобранных яблок,
И я счастлив, что просто иду по земле.
Что могу надышаться —
                         без удержу, вволю,
Что иду, отражаясь в болотце кривом,
Мимо русского леса,
                         по русскому полю,
Где мне русский журавлик
                         помашет крылом...

* * *

Чёрные отсветы чёрных прозрений,
Памяти чёрной прилипчивый страх.
Нету пронзительней, нету блаженней
Отсветов чёрных на чёрных губах.

Пусть же судьба именуется роком
Или же рок именуют судьбой —
Чёрные отсветы в небе высоком
Алыми кажутся в час роковой.

Сполохи стинут... Останутся тени...
Но и над ними закончится свет.
Нету пронзительней, нету блаженней
Отсветов чёрных, сошедших на нет.

Синая Родина! Божие светы!..
Над пепелищем поник чернобыл.
Сколько их, канувших, что не отпеты —
Люди забыли и Бог позабыл!

Небо расколото... Ясень расколот —
Недосмотрели Матфей и Иов.
Боже, какой это мертвенный холод —
Змейкой крадущийся вдоль позвонков.

Так, покалечено-неизлечимо
Нам и нести этот холод в спине.
Синая Родина шествует мимо,
И оттого-то дороже вдвойне.

И оттого-то, меж тягостных строчек,
Чувствуешь, корчась, как все же велик
Каждый проселочек, каждый листочек,
Каждый невзрачный болотный кулик.

* * *

A.K.

Что-то случилось на той стороне,
Где журавли улетают до срока...
В чёрное время на чёрной стерне
Белым журавликом быть одиноко.

Вот и возносятся в тусклость небес,
Чтоб ещё раз увидать с разворота
Мокре поле и сумрачный лес,
Да за откосом — туманное что-то...

Будто навеки запомнить хотят,
Не уповая на миг возвращенья,
Женский зелёный обидчивый взгляд,
После которого нету прощенья.

Будто им чудится — наперерез
Вечному, нудному зову разлуки,
Светлая музыка с тёмных небес
Медленно капает в женские руки.

* * *

Здесь есть дорога, но нет пути...
Питомец житейских бурь,
Ты если сможешь впёред идти,
То только в закат и хмурь.

У здешних женщин который год
Недобрый, тяжёлый взгляд.
И сколько ты ни иди вперёд,
В итоге придёшь назад.

Жестокий ветер шерстит лицо,
Башку отрывая с плеч.
И если сможешь шепнуть словцо,
То следом отнимет речь.

Но всё глядишь в эту тьму опять,
Лишь ропот ловя в ответ.
И остаётся одно — солгать,
Солгать, что ты видишь свет.

* * *

Снег покружится и ляжет...
Молча поклажу сложу.
Мать что-то грустное скажет,
Я ничего не скажу.

Лишь карандашиком скрипну,
Строчку отправлю в блокнот.
Знаю — про девочку-скрипку
Мать всё равно не поймёт.

Только в заветное спрячет
Адрес... Шепнёт: «Не забудь...»
Только неслышно заплачет,
Я не заплачу ничуть.

Выйду... Ступлю на дорогу,
Снегом умоется взгляд.
Эта дороженька — к Богу
Или от Бога назад?

Чуть оглянусь... И, охрипнув,
Мамино вспомню житьё,
Вдруг неожиданно вскрикнув
Тихое имя её...

* * *

Бредёшь...
И в зрачках твоих — мука...
Под галечий вечный галдёж
Ты, может, протянешь мне руку,
А, может быть, мимо пройдёшь...

Как знать...
Но, кляня непогоду,
Мне думать, бредя напрямки:
За что же ты руку мне подал?..
За что мне не подал руки?..

Александр АНАШКИН

Москва

ОКНО

Мир начинался с этого окна:
тяжёлой шторой, медленным движеньем
распахнутой одежды, наложенем
теней и света, временем без дна
и новым утром обнажённой ночи
с окном внутри: чем ближе, темльней.
Смотри, как вписан в грацию коней
объездчик, как меняется стекольщик,
когда дрожит от улицы стекло.
Как будто мало сверху вниз стекло
дрожащих капель, гибких ручейков:
солются два и тут же высыхают.
Вот если бы об этом не стихами,
не просто так, не для черновиков...

ХОДИКИ

Ходят ходики-холерики,
машет маятником май,
створи стихотворение,
либо в воздухе поймай.

Посади на лето в клеточку,
лист линованный вложив
между мёртвыми поэтами,
несспособными ко лжи.

Если к осени останется
хоть немножечко живым,
подари стишок красавице
с юморком сторожевым.

Пусть язвительная девушка
всё неправильно поймёт,
и сочтя его безделицей,
пустит голубем в полёт.

Улетит стихотворение,
вновь останешься один.
Только ходики-холерики
на всю зиму впереди.

КОСТЁР

горит костёр на неизвестном языке
мы тоже плазма белое над красным
за огоньком за словом за соблазном
приблизишься и тени на песке
поднимутся с колен запляшут резче
над первобытным лесом сладкий дым
протянеться под небом молодым
на восемь строк и оправдаться нечем

ИСХОДНОЕ

В Париже – кончается Франция.
В Москве – начинается родина.
А лирикам свойственно странствовать,
с невинным азартом юродивых.

На главных дорогах отечества,
на малых тропинках истории,
они выставляют конечности
и мир недоверчиво трогают.

Вплетаясь в строку журавлинью,
включив огоньки папироcные,
взлетают они пилигримами
над злыми земными вопросами.

Как будто их малое знание,
растущее в детских песочницах,
поможет поднять мироздание
с колен инстинктивного творчества.

А влажные сны придорожные,
ветвистые, словно растения,
расправят нам мятое прошлое
и выдадут тайны материи.

Внезапны, как братья по разуму,
поэты исходного ордена.
Поскольку кончается Франция,
и может закончиться родина.

ДЕНЬ П

Поэт – садовник в доме фей...
Герман Власов

Поэт — старьёвщик-инвалид.
Больное сердце
его особенно болит
за иноверцев.

Изобретатель пирамид —
он в птичьих гнёздах
крадёт природный динамит,
когда не звёздно.

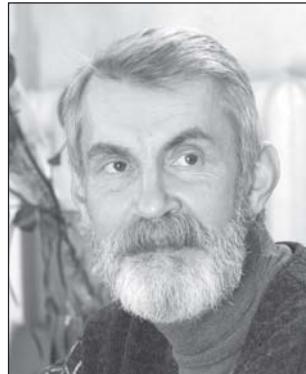
Он отвечает на звонки эпохи первым.
И любит трогать узелки центральной нервной.

Ему случается просить
о чём-то большем,
когда смолкает клавесин,
и немцы — в Польше

Когда внутри встаёт солдат
ребёнком рыжим...
И точно так же виноват,
когда не выжил.

Глеб АРТХАНОВ

Минск, Беларусь

* * *

Как будто где-то что-то исчезает.
Как будто это время ускользает.
Иль это я по времени скользжу? —
И будто я куда-то ухожу.
Как будто я чего-то ожидаю,
Но это никогда не наступает.
Вот-вот оно наступит...
Длится...
Длится...
Вот-вот оно во что-то превратится...

Невидимое длится нетерпенье.
Я сдерживаюсь каждое мгновенье,
Мучительно в руках себя держу.
В окончавших сумерках скользку

Я умер — узнали не скоро —
На юге в конце февраля.
Мятутся шторма в эту пору
Сквозь розовый дым миндаля

Алупка, сестра, быстроножка,
Бежишь ты с сиреневых гор.
Направо — туманная Кошка,
С другой — Святогор — Ай-Тодор.

На ялтинском кладбище горном
Под сизую зелень огня,
В лазурь, в родовые просторы —
К отцу положили меня.

Но снова сквозь дали нагие
Увижу в блаженном Крыму
И ваши черты дорогие,
И жёлтое море в дыму.

* * *

Опять о главном говорить не смеешь,
Опять не смеешь — и не говоришь,
Опять молчишь,
Немотствуешь,
Немеешь,
Потом опять немотствуешь,
Молчишь.

Но разве другу выскажешь за чаркой,
О том, что смерти стал бояться вдруг?
Она с размаха ударяет жарко...
Но от тебя и сам таится друг...

Прихвачены на нитку на живую,
Мы здесь укреплены едва-едва...
Уйти во тьму, в пучину штормовую —
Какие безнадёжные слова!

И шепчет только жаркий ком в груди —
И шёпот холодит навылет спину —
О том, что полыхает впереди,
И что осталось меньше половины.

* * *

Долгожданное снова ненастье —
То пуржит, то опять моросит.
Приблудилось какое-то счастье.
Я его не искал, не просил.

Отлегло понемногу, потиху,
А то взноет, бывало, как встарь,
Если прошлое вспомнится лихо, —
Забубнит, как хмельной пономарь.

И не спится,
Опять мне не спится,
Я блошиную начал игру.
Буква к букве прикопошится
И закончит блошиться к утру.

Утро белое и вороное,
И в окошко крупит сахарком.
Отрезвела душа от запоя
И не ноет уже ни о ком.

ЮРИЙ БЕЛИКОВ

Пермь

СЛЕД ЛЕРМОНТОВА

*Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной...
«Мцыри»*

По немытой России
поручик всевидящий едет —
возбуждённые очи
ему приказали взрасти,
пробудившимся слухом
поручик всеслышащий бредит
и, «Прощай!» восклицавший,
немытую просит: «Прости!».

Это я — за поручика.
А за попутчика — Мцыри.
Подбирает пространству
диоптрии поезд во мгле...
Мцыри мне говорит: —
Хорошо мы тебе отомстили?!
Под землёю не страшно,
а ты походи по земле!

Если б справа налево
Россия Машук прочитала
да к ушам приложила,
она бы тогда поняла,
что спроста не взмывает

голодный мартын с перевала,
что и смерть твою ныне обида,
Лермонт, прервала.

Речь героя поэмы
становитсятише и злее —
он на автора, видно,
составил давно протокол:
— «Парус» твой не белее
свидетельства в горном музее,
как ты маленьких
Мцыри штыком лейб-гвардейским колол.

И за то, что хотел
за стеною Кавказа укрыться,
ты сегодня слезами
исходишь на этой стене
за отпетые лица и за неотпетые лица.
Пьёт коньяк свой Бараев.
А Лермонтов что — в стороне?

Но напиток людей
отщепенца небес не уложит,
а заснёшь — так увидишь:
у самого края Земли
просит загнанный всадник
свою беспощадную лошадь:
«Пристрели! А воскресну —
ещё и ещё пристрели!».

— Мцыри, прочь! Не мерцай.
Ты же вымысел. Ты же — из глины.
На творца посягнуть?!
Передернуть божественный труд?!

...И кружат, как над свалкой,
с тех пор над Россией мартыны
и на дальней сторонушке
русскую печень клюют.

Сергей БЕЛОРОУСЕЦ

Москва

* * *

...И сказал тогда Зимин, —
Сквозь июнь — на мир глазея:
— Распустившийся жасмин —
Гордость нашего музея.

А ещё Зимин сказал:
— Выходные. Люди — с дачи...
Поспешите на вокзал.
Не уедете иначе...

* * *

* * *

Боком —
к мокнущим трассам,
Всей окрестной окрошке —
Доморощенным брасом
Ты плывёшь по дорожке.
Здесь корпишь
Над строкою,
Бъёшься неутомимо...
Жизнь течёт
Под рукою.
И — в тебе.
И — помимо...

* * *

Родины глоток.
Да из родника
(Хоть и не питок)
Выпьешь.
А река
Будет
(Хоть не вдруг)
На твоём пути
(Только —
Надо,
Друг,
Поле перейти...).

Вперёдсмотрящий свет.

Размытая опора...

У нас романа нет.
Но — будет.
Очень скоро...

По жёрдочке Земли
Бредём,
Об этом зная...
А что у нас — вдали?
Бесплотность неземная...

* * *

Лодочкой ладонной
По воде бездонной.
Млечностью попутной,
Вечностью минутной...

* * *

Дошкольник до поры, —
Близ дачного крыльца,
Выходишь из игры,
Не потеряв лица...

Под говор летних трав,
Под гомон певчих птиц...

Хоть можно — потеряв.
Ведь столько лишних лиц...

* * *

Вынимаясь из колоса,
Колосясь от початка, —
Ты сидишь в позе л о г о с а
(Это — не опечатка...).

Николай БОРСКИЙ

Мытищи, Московская область

ПЛАЧ ПО СОБАКЕ

Без собаки горестно гуляю
По дорожкам, где мы шли не раз.
Я в тоске по беганью и лаю,
Нет при мне смышлённых карих глаз.

Где теперь ты, Палли фон Ратхаус?..
За кустами — холмик травяной,
Над которым липы жёлтый парус
Под осенней хладной синевой,

Да в багете грустная мордаха
У меня на письменном столе.
Мне с овчаркой, ставшей горстью праха,
Не встречаться больше на земле.

С детских лет со мной бежали рядом
То Волчок, то Стрелка, то Дружок.
Шарик тоже. И, конечно, Атом —
Вислоухий звонкий лопушок.

Стыдно мне, что я ласкал их мало —
Скудноват мальчишеский умок —
И кормил не досыта, бывало,
И не слишком, в общем-то, берёг.

В этом мире, алчном и жестоком,
Лишь они живут не для грошей...
Грешен я, как всякий, перед Богом,
Перед ними — во сто раз грешней.

Крепко в сердце лапушки засели.
И, хоть стал морщинист я и бел,
От искуса бунинской затеи
Всё равно в конце не уцелел.

Скажет мне заводчица Наташа,
К сорока от женских бед седа:
«Лет тринацать будет счастье ваше.
После горе. Горе – навсегда».

В пятьдесят невесело без псины.
Вряд ли сам я долго проживу.
Ткнулся щен двухмесячный в штанины –
Какстерпеть? Знак свыше наяву.

Пережил ведь. Почему – не знаю:
Скуден хлеб мой, ни хором, ни благ.
Изредка могилу навещаю,
Пью на ней и плачу, как слабак.

Никуда не денешься от стужи.
Скоро снеги саваном падут.
Но найдутся родственные души
И меня, нелепого, поймут.

А когда, заезженного бытом,
Похоронят – пусть напишут так
На могильном камушке гранитном:
«Он любил блаженных и собак» –

Близких мне на родине когда-то
И теперь утраченных навек...
Я смотрю на дальний свет заката,
Как на райский позлащенный берег:

Даст Господь, их добрую ватагу
Встречу там, покинув круг земной.
До сих пор кормлю во сне собаку,
Год назад склоненную мной.

Юрий БОЧКОВ

Москва

* * *

*Война есть продолжение политики
другими средствами.*
Карл Клаузевиц

Протрубыли атаку, рванули горячие кони,
Эскадрон покатился
в горячечном блеске клинков
И, не помня себя,
растворившись в лихом эскадроне,
Франтоватый корнет
беспашно летел на врагов.

Дотянуться до славы хотел
этот сын человечий
Или думал о людях,
которые любят и ждут –
Но земля опрокинулась вдруг
и рванулась навстречу,
И от жизни осталось
каких-нибудь пару минут.

Оказалось неважно,
чи губы его обманули,
Что за шарфик на шее
и сколько крестов на груди, –
Вместо славы досталась гусару
случайная пуля.
А мечталось, что жизнь впереди,
впереди, впереди...

Укатился навстречу судьбе
ураган эскадрона
В сумасшедшем порыве –
настичь, изрубить, истоптать...
Отодвинулись в небыль обиды,
мечты и законы.
И остался корнет
уходящую жизнь провожать.

Он носил в себе мир,
освещённый мечтой и любовью,
Как и каждый из нас,
в чём-то мелок и в чём-то велик.
Только кто-то решил,
что политика требует крови, –
И от жизни гусара
остался мучительный миг.

* * *

Уходит время вереницей
Хороших дней и тусклых дней;
Порой ползёт, порою мчится...
Увы, чем дальше, тем быстрей.

Надежда так же легкокрыла,
И вновь в грядущее зовёт.
Но слишком часто слово «было»
Сбивает мыслей хоровод.

Всё было – звук нездешней скрипки,
Звенящей радости слеза,
Святая трепетность улыбки –
Лицом к лицу. Глаза в глаза...

Всё было. Вздёты и утраты.
Лавина боли. Свет костра.
Когда? Не в этом суть. Когда-то.
Недавно. Может быть, вчера.

Я знаю: есть и слово «будет». Поверить? Верю. Ждать? Я жду. Ищу, перебирая судьбы И примеряя на ходу.

Всё было... Разве только было?
Жить памятью? Пока живу.
Но так хочу, чтобы светило
Простое «будет». Наяву.

Хочу уверовать, что где-то
Нас ждут, и что не всё прошло;
Что в ноябре бывает лето,
А в жизни – радость и тепло.

Владимир БОЯРИНОВ

Москва

ТЕНЬ ВОЛНЫ

*И не слышны голоса и шаги,
Или почти не слышны.*

Георгий Иванов

Художник собственной страны
С лицом классического мима
Страдал с весны и до весны:
Неуловима тень волны,
Или почти неуловима.

Беду накликал маринист,
Она была не за горами.
Из преисподней жуткий свист
Взмыл рассекающее: цунами!

Огромней крепостной стены
Волна прошла отнюдь не мимо.
На лицах жителей страны
Неуловима тень волны,
Или почти неуловима.

ПАРОМ

Гудит паром, скрипит паром,
Трещит паром брускатый.
Храпит Харон, трубит Харон,
Мертвецким сном объятый.

И рёв, и стон со всех сторон,
И ветер свищет в уши:
«Проснись, Харон! Подай паром!
Явись по наши души!»

На заберег со всех сторон
Народ стекает с улиц:
«Настало время похорон!
Проснись, проснись, безумец!»

Завяз паром, застрял паром,
Засел паром на мели.
«Вы мне, — взревел стариk Харон, —
Смертельно надоели!»

Молите, пусть не грянет гром,
Не оскудеет Волга.
Не торопите свой паром —
Живите долго-долго...»

ПЛАЧ

На рассвете раным-рано
Угольком калёным жжёт
Рваная под сердцем рана —
Всё никак не заживёт.

Не заточками кинжала
Пригвоздили упыри —
Это полымя пожара
Полыхнуло изнутри.

Прахом пепельным и перцем
Припорошило края
Раны рваной, где под сердцем
Умерла любовь моя.

Я один на белом свете
За оградками утрат
В этой безрассудной смерти
Безысходно виноват.

Я грызу кулак и вою:
Как не плакать, как не выть,
Как с открытою, живою,
Злою раной дальше жить!..

РАКОВИНА

Инне Панченко-Миль

Я в руки взял её несмело,
Омыл волнюю голубой,
Прислушался, — она запела,
Зарокотала, как прибой.

В спираль закрученная тugo
Из нарастающих колец,
Она змеиста и упруга,
Великолепна, наконец.

Соль, перемешанная с желчью,
Со звёздной пылью и песком,
Знамение нечеловечье,
Глашатай в образе морском.

Какое тайное заданье,
Какой пронзительный намёк,
С ключом к загадке мирозданья,
Нам на крыльце оставил Бог!

ЗЕМЛЯНИКА

Медведь набрёл на грибника,
И в лес погнал его, пока
Грибник с обрыва не сорвался.
Он покатился кувырком,
Но зацепился пиджаком
За крепкий куст, и жив остался.

Висит над пропастью грибник
И замечает в тот же миг —
Внизу другой медведь возник —
Беда представилась двуликой.
От безысходности завыв,

Грибник увидел — весь обрыв
Усыпан крупной земляникой.

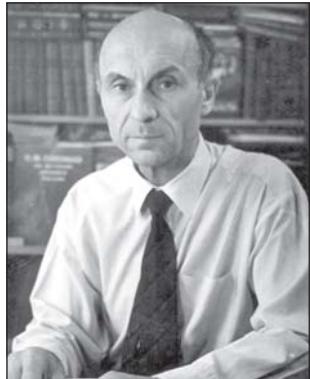
Держась одной рукой за куст,
Он плод сорвал...

Ах, что за вкус,
Насквозь пронизанный страстями!
Над пропастью,
на волоске
Подольше бы висеть в тоске
И землянику есть горстями!

Виктор БУДАКОВ

Воронеж

* * *

Студентка, Роберта Беллери,
Нечаянная встреча с тобой.
С тобой у нас — разная вера,
И всё же мы веры одной.

Старинного рода-колена...
Твой голос луцистый такой!
Мы — разных с тобой поколений,
И всё же эпохи одной.

Певунья, Роберта Беллери,
Да будет со счастьем твой дом!
С тобою нам — в разные двери,
И всё же мы в мире одном.

Девчонка, Роберта Беллери, —
Уже флорентийская ночь.
Уходишь, как дар и потеря...
Попутчица. Спорщица. Дочь.

* * *

По Италии, с книжных прилавков,
Этих книг набирается рать:
На обложках — в Россию отправка,
Итальянцы идут воевать.
Сорок первый. Бояться ли смерча
Им, весёлым и молодым?

О Италия, ариведерчи!
Возвратимся, как победим.
Из Милана, Турине и Пармы
Шли Авзонии славной сыны,
Шли красивые рослые парни
В мясорубку великой войны.
На Дону, где несчастные хаты
По зиме прозябали кой-как,
Прозревали альпийцы-солдаты:
Тот, кто делится хлебом, — не враг.
Ну а ежели сам не изведал,
С осужденьем своим не спеши.
Возвращались они без победы,
Но с победой прозревшей души.

УСЛЫШАТЬ ЛАСКОВУЮ РЕЧЬ

Давно ли проезжал я Беларусь,
Печальную, смиренную, ночную, —
Волнуемый, — зачем её миную?
И мнилось мне, что с поезда сойду я
И с нею, Беларусью, породнюсь.

Сойти с подножек... Взять её печаль,
Узнать её неизвестные вести,
Услышать её ласковые песни,
Чарующе зелёного Полесья
Увидеть нескончаемую шаль.

Но поезд Беларусью просквозил.
Куда девался? Жизнь помчалась дальше,
И мир всё злее предавался фальши, —
Так что смущались даже среди павших,
Готовые воспрянуть из могил.

О поезд юности, моя былая грусть,
Промчи опять нечаянной, ночною,
Печальною, смиренною, лесною,
Туманной, белотканной стороною,
Чьё имя необманно: Беларусь.

И я тогда бы с поезда — скорей!
 Пусть стал бы даже сирым осокорем,
 Где аист поселился бы, который
 Вознёс бы клики радости и горя
 Во славу белой родины своей!

В БЫЛОМ УВИДЕТЬ ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ

В краю днепровском Бунин, — молод был,—
 Искал былую молодость славянства;
 На тех полях, какие исходил,
 Таились и душа, и постоянство;
 И беззащитность грустную полей
 Вечерний свет подчёркивал сурово,
 И шелест шёл от древних ковылей,
 Шумевших здесь ещё в годину «Слова»...

В краю днепровском кто-то молодой
 Идёт и ищет молодость славянства.
 Быть может, я? Быть может, кто другой?
 В полон берут печальные пространства.
 Здесь редкие остатки деревень,
 И самый час — подумать бы о сущем,
 Да так, чтобы увидеть прошлый день,
 Да так, чтобы провидеть день грядущий!

Александр БУНЕЕВ

Воронеж

* * *

В Лавре теснимся. Виском о висок.
 Только назад? Только вперёд...
 И над бесцветным мёртвым песком
 Небо — стоит, Лавра — плывёт.

Дальше, к воротам. Боком, спиной.
 В нишах столетний розовый лёд.
 Я остаюсь, ты уже не со мной.
 День умирает, Лавра живёт.

Выбиты в камне навечно слова.
 Русские буквы, мёртвая речь.
 И над оградой твоя голова.
 Лавра дрейфует, город дал течь.

Сел на плиту. Заблудился в веках.
 Сморщился мрамор, изъеден гранит.
 Груз пустоты убаюкал в руках.
 Мир забывает, Лавра хранит.

Золота, зелени, времени нет.
 Палец порезан, падает кровь
 Капля за каплей, цветом на цвет.
 Жизнь — заблужденье, Лавра — любовь.

Плащ зацепился за перья крыла,
Так и остался, как на гвозде.
Кепку пронзила тупая стрела.
Правда – в кармане, Лавра – везде.

Ангел, амур и диковинный зверь,
Каменный голос, что тихо звучит.
В мёрзлой земле открывается дверь.
Ты умолкаешь, Лавра кричит.

Нас уводили раздельно с тобой...
Встану, дойду и останусь служить.
Вытесан грубо, поставлен судьбой
Тем, кому попросту выпало жить.

Птица присядет ко мне на плечо.
Люди проходят, вянут цветы.
Мне уходить от тебя – горячо.
Холодно, если приблизишься ты.

* * *

Трава меж плит густа и высока,
Как сон, как память, как святое слово.
Седьмая жизнь, забытая строка.
И звук пророс сквозь половицу снов.

На нет сошли подножия мостов.
Я как лекарство эту гладь приемлю.
Кресты пусты. Куда ушли с крестов?
Лежат в земле или глядят на землю?

Трава густа и высока меж плит,
Как ревность меж покоем и любовью.
Как меж копьём и телом древний щит,
Она спасает и врачует болью.

Она ползёт, как в щель ползёт рассвет
Меж хмурым утром и безумством ночи.
Как правда прорывается меж бед,
Всё тоньше становясь и всё короче.

Здесь каждый обретает боль свою.
И череду правдивых дней итожа,
Присядешь у ограды на скамью
И станет ложь понятней и дороже.

И в одиночку проще, чем вдвоём.
И снова веришь истинам забытым.
И легче, и труднее с каждым днём,
Поскольку ближе и к траве, и к плитам.

Но ранним утром (ещё звёзды тут)
Я вижу и светло моё виденье:
Меж нами скоро травы прорастут.
И будет день, и кончится забвенье.

* * *

Я видел, как церковь плыла по волнам
Под облачным парусом сизым.
И ветер трепал и показывал нам
Её белоснежные ризы.

Я видел мальчишку, кормящего пса
И деву, что локоть разбила.
И сдавшись врагам, попросить небеса
Заблудшая церковь забыла,

Чтоб вечно мальчишка собаку кормил
Без окрика и опозданья.
И чтобы у девушки локоть саднил,
Покуда живёт мирозданье.

Лариса ВАСИЛЬЕВА

Москва

МАРТ

Белоснежные кудели
завиваются.

По Москве метут метели,
мётлы маются.

Дуют в щели ветры марта, воя, звякая,
дома в шали ходит мама, молча, зябкая.
— Мама, мама, ты любила?

Всё мне выложи!

— Мало, мало счастья было.

— Да ведь было же!

Расскажи про то, как слёзы
проливала,
расскажи мне, как в морозы
целовала.

Белоснежные кудели
завиваются.

По Москве метут метели,
мётлы маются.

* * *

Сплелись две тёплых руки,
мы вышли из тёплой реки.
Где дикие груши растут,
тропинки туда не ведут.
Репейник бежит по пятам
и в пятки врезается нам.
На солнце ещё не просох

твой чуть седоватый висок.
Малиновый сок шелковиц,
поток моих кос шелковист,
а груши терпки и тверды,
и мне улыбаешься ты,
и слов обрывается нить,
и не о чём тут говорить.

* * *

И как ни примеряю строго,
чтоб было всё с руки, с ноги,
а вот ботинки жмут немного,
а рукавицы велики.

То из чего-то вырастаю,
а то никак не дорасту.
То сложность мира постигаю,
то постигаю простоту.

Уже морщина, как лощина,
на белом взгорье лба видна,
а жизнь — то клоква, то малина,
то волчья ягода одна.

Живу. Души не занимаю.
От жизни я не прячу глаз,
но ничего о ней не знаю.
И каждый раз, как в первый раз.

* * *

Заревая трава луговая
и сладка, и кисла, и горька.
Капли белых дождей проливая,
красновато плывут облака.

Засыпаешь у летнего стога,
а проснёшься у зимней скирды.
Не беда, что бывает дорога
из разорванных тропок беды.

Ты попробуй, попробуй, попробуй,
ощущая морщины на лбу,
всей судьбою своей неособой
приготовить иную судьбу.

Чтоб ребёнок, идущий по следу,
говорил своей Родине:
— Вы! —
нёс бы в сердце светло, как победу,
память матери, леса, травы.

* * *

Зори бились кумачом.
Солнце в речке плыло.
Не жалею ни о чём,
что со мною было.

Как умела — не лгала,
дожидаясь завтра,
тяжко на душу легла
истинная правда,

но нести её не стыд,
а святое право.
Тучами закат закрыт
густо и кроваво.

* * *

С какого ближнего куста
трель соловьиная звучала?
Дорога к Пушкину приста,
но где лежит её начало?

Какую шутку он сыграл
с великой лёгкостью предтечи,
какою карой покарал
он стихотворцев русской речи,

что, достигая высоты,
невиданной, казалось, ране,
никто не достигал черты
и не переступал той грани,

которая вот-вот близка
и, кажется, преодолима,
но вдохновенная строка
всё мимо пролетает, мимо...

Однако счастье — сознавать
таинственность простого слога,
как Солнцу окна открывать,
как в тёмном Небе видеть Бога.

* * *

Владимиру Кострову

Птенцы взлетают у стрехи,
предгрозью рады.
Не жди награды за стихи,
не жди награды.

Птенец тебе её не даст,
желая воли,
ты для него всего балласт,
увы — не боле.

Но не сердись и не грусти,
птенца не мучай.
Придут наградою дожди
из чёрной тучи.

Не прикрывай птенца крылом,
пусти на ветер.
Наградой молния и гром
тебя отметят.

Птенец по-своему поёт,
твоя в том сила.
И гром гремит,
и дождь идёт.
Всегда так было.

Александр ВОЛОБУЕВ

Москва

СВОЙ ГОЛОС

Вот повезло — родился соловьём.
Другие — воробьём, сорокой, галкой.
Он так талантлив в щёлканье своём,
Так неуклюжи те в попытке жалкой.

Но их никто не может упрекнуть —
Не связана беспомощность их с ленью,
Не виноваты, бедные, ничуть —
Не мелодичны и по вдохновению.

И мы вот все по-своему поём,
С душой — не уподобясь пустозвону.
Но если кто родился соловьём —
Позорно имитировать ворону.

* * *

Стали частыми волны печали —
Слишком много смертельных хвороб.
Вот опять в ЦДЛ, в Малом зале,
Обречённо покоится гроб.

Смерть незримо стоит за спиною
И лягут, играво разя,
И уходят в пространство иное
Литераторы, наши друзья.

В этой жизни — чумной и корявой —
На поверхности плавает хлам.
А таланты с недоданной славой
Оставляют наследие нам.

Чтобы мы в суете и заботах,
Бултыхаясь в разврате и зле,
Не забыли беспечно кого-то,
С кем общались на этой земле.

ХОРОШО В ДЕРЕВНЕ ЛЕТОМ...

Хорошо в деревне летом —
Я сказал бы: благодать!
Любит в воздухе прогретом
Живность всякая летать.

Тут и бабочки резвятся,
И хватает ос и пчёл.
И стрекозы суетятся —
Чтобы я и их учёл.

И я солнечными днями
Создаю кормушку тут —
Пусть синицы с воробьями
Крошки хлебные клюют.

А на яблонях знакомых
С самой утренней поры
Дятел любит насекомых
Доставать из-под коры.

Кто-то в грядках кверху задом —
В погреба готовит кладь.
Мне же этого не надо —
Я приехал отдыхать.

Надо мной шумят листочки,
Сине небо без границ.
Я придумываю строчки
И подкармливаю птиц.

* * *

Непогода вблизи и над чашей,
И в душе, и на улице — хлябь,
И бежит по осине дрожащей
Хлипких листьев зелёная рябь.

Распищались тревожно пичуги —
Им даётся предвидеть беду.
От окутанной в тучи округи
Я хорошего тоже не жду.

Нет, не злюсь на небесную воду,
Лужи, грязь — всё приемлю вполне.
Хуже то, что в такую погоду
Жизнь удачной не кажется мне.

И успехи мои мне не милы,
И страна в разрушеньях и зле —
Словно мне неподвластные силы
Испоганили жизнь на земле.

Я страдаю до боли сердечной,
Но смиряю бунтарскую прыть —
Знаю, что непогода не вечна,
Нам бы только её пережить.

Александр ГЕРАСИМОВ

Подольск, Московская область

* * *

Мама кормит живность микрорайона:
Даст здоровым каши, больным – бульона.
Оттого-то стайки щенков-котят
Ей мяучат, лают и вслед летят.

Каждый день у мамы полно забот:
Покормить, погладить, принять окот...
Чтобы всякий меньший наш брат-сосед
Мог сильнее цепляться за белый свет.

И уже не может мама пройти
Мимо тех, кто встретился на пути.
А они, словно чувствуя доброту,
У подъезда встречают её поутру.

И на ужин приходит такой же отряд;
Со стоянки на окна квартиры глядят
Или даже скребут у входных дверей,
Превращаясь в диких зверей.

И про каждого мама знает секрет:
У такого-то котика усиков нет.
У такой-то собачки хозяйка была,
Есть ошейник, но бабушка умерла...

А вот этот выводок – из садов
Появился осенью, в дни холодов,
Потому что окончился дачный сезон,
А животных в дома тащить не резон...

Воронёнку прохожий сломал крыло,
Либо сам он ударился о стекло...
По-хорошему надо бы к ветврачу;
Отвечает мама: «Я вылечу!»

Вот я думаю: так подставлять плечо
Ни Запашные братья, ни Куклачёв
Безымянным животным не стали бы?!
А у мамы моей нету алиби.

И поэтому каждый дворовый пёс
Задаёт глазами немой вопрос:
«Ты же дашь мне – гав! – хоть чуть-чуть еды?
Ты спасёшь меня от беды?»

И, вздыхая, мама кивает псу:
«Спасу!»

* * *

Семье Зураба Хуцишвили

Михаил, Софико! Я от вас далеко;
Не сидеть нам, увы, за столами...
Но напутствую с радостью и легко.
И своими словами я с вами!

От Москвы до Тбилиси – всего ничего,
Если слушать сердечную ноту.
Небо трассами рейсов иссечено...
Слава Богу и Аэрофлоту!

Слава общему прошлому – СССР,
Слава лозам, сплетающим дружбы...
Это знает любой боевой офицер,
Воевавший за мирные нужды.

А поэтому пусть будет тиши-благодать!
Пусть безоблачной будет погода!
Чтоб никто не был вынужден голодать,
Чтобы шло умножение рода!

Чтобы дети, которым ещё предстоит
Вам на радость на свет появиться,
Продолжали движение ваших орбит,
Повторяли чертами лица

Вас самих и родителей ваших, и тех,
Кто остался в семейных портретах.
И пускай в вашем доме всегда будет смех,
Как бывает припев при куплетах.

Софико, Михаил! Всё, что я говорил –
Не слова, а «дорожная карта».
Невозможно прожить без руля, без ветрил
И без критики «Критики» Канта.

Берегите друг друга! И пусть небеса
Ваши судьбы сплетут воедино,
Чтоб согласно дрожали у вас голоса
Перед равноапостольной Ниной.

Не сумел я предстать перед очи родни,
Не ходил при кинжале да в бурке,
Но поверьте: я – рядом, и вы – не одни!
А Россия к вам ближе, чем турки!

* * *

Малютка-дочь не хочет спать,
Я глажу ей пушок
На голове, а сам опять
Читаю ей стишок.
Об умной мышке Мауси
И кошаке Котауси.

Сюжет истории не нов:
Кот хочет съесть мышь,
Но не свершается улов,
И спасена душа...
Находчивая Мауси
Сбежала от Котауси!

А дочка так ещё мала;
От смыслов далека...
Её «агу» и «ла-ла-ла» –
Все знанья языка.
Но как скажу ей: «Мауси!» –
Она мне улыбауси...

Конечно, я безумно рад и счастлив.
Но слеза
Уже стекает наугад и солонит глаза.
Поскольку знаю, что судьба –
не кремовый эклер.
А ежедневная борьба –
простой тому пример.
И хрупок наш подлунный мир...
И незатейлив быт...
Душа воздушна, как эфир,
но ноет и болит...
Ещё бывает, что друзья меняются.
Да так,
Что в тыл врага идти нельзя,
нельзя отбить атак...
И скачешь белкой в колесе: работа, суeta...
Чтоб быть не хуже; чтоб, как все;
чтоб сыр – не мимо рта...
У тут же, рядом, частокол
лжецов и подлецов...
И поколенческий раскол юнцов и их отцов...
Там – внешних недругов кольцо, тут –
внутренних Бог весть.
И трудно сохранить лицо,
достоинство и честь.
Народ, как климат, непростой –
замёрзшая стерня:
От революции в застой, от слёз до кистеня...
Сомнений черви точат суть –
надежду, веру и
Нас всё пытается свернуть
от вектора любви...
Короче, кочки на пути, ухабы и туман.
Прожить – не поле перейти,
не пролистать роман...

Пускай всё зримое есть тлен,
Но счастье тоже есть!
Пусть кот – метафора проблем,
А всех котов не счастье...
Ты будь смелее, Мауси,
И во вселенском хаосе!

Сергей ГЛОВЮК

Москва

ТЫ и Я

Ты — такая как все,
но стоит тебе
обронить несколько слов,
и я тону в их
обволакивающей патоке.
И не хочу сопротивляться
в мучительной агонии,
а жадными быстрыми глотками
поглощаю их сладкий яд.
Когда Ты поёшь,
Ты держишь моё обнажённое сердце
рукой искусного хирурга,
а я, застывший, лежу под софитами,
уставившись на острый скальпеля,
и умоляю не делать анестезии.
Ибо анестезия ослабляет страдания.
А мои страдания — это Ты,
и чем меньше страданий,
тем меньше Тебя,
а мне нужна только Ты.
Так зачем вычитать Тебя из Тебя.
Меня давно уже нет.
Есть только Ты....
И я уже боюсь произносить
тот странный звук — я.
Потому что за ним ничего нет,
кроме секундного сотрясания воздуха.

Без тебя я ноль или даже минус единица
из разряда мнимых чисел.

Время от времени
я судорожно вонзаю ледоруб воли
в холодный лёд небытия,
делаю очередную попытку выбраться
и опять срываюсь и лечу
по отвесной, скользкой скале
своего одиночества.
Лечу, разматывая клубок надежды,
зависая над пропастью,
едва ухватившись за уступ веры и любви.
Напрягаю последние силы
и ползу вверх,
ибо там Ты!

Я не знаю — сколько ползти ещё.
Но Ты там!
Каждый раз, начиная с той же точки.
Но почему я не вижу Тебя?!

Ведь Ты есть,
и мир вращается вокруг Тебя.
Бруно и Коперник ошиблись,
и пусть меня обвинят в ереси
и поведут на костёр,
но мир вращается вокруг Тебя.
Потому что вселенная это Ты.
А галактики это осколки Твоих слёз.
Слёз радости и горя.
Млечный путь,
красные и белые карлики,
чёрные дыры,
туманности и пульсары —
это всего лишь формы твоего воплощения,
зависящие только от Твоих капризов.
Они только подчёркивают

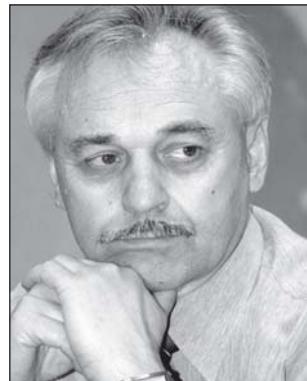
ничтожность моего я.
Которое, я — жалкий шут,
дерзнул выставить на всеобщее обозрение.
Ибо Альфа и Омега это Ты,
и я даже не могу исчезнуть без Тебя.
Без Тебя я не могу заснуть
и не могу проснуться.

Я могу только закрыть глаза
и провалиться в мираж сна, а с лучами
Твоего солнца снова открыть их.
И думать, что и вправду проснулся.
Даже бодрствовать без Тебя я не могу.
Ничтожная, бродячая сомнамбула, ибо
даже веса и размера без Тебя у меня нет!
И плоть моя – фикция.
Без Тебя я – zero nihil.
Ибо вся материя, только Твоё облачение,
сотканное из Твоих тонких энергий.
А все гравитации, турбулентности,
взрывы и сжатия
это только следствия
Твоего гнева и радости,
только производные вариации
от твоего настроения.
Без Тебя у меня нет
ни формы, ни смысла,
меня нет в пространстве.
Есть только нечто,
движущееся к Тебе и за Тобой.
Слепо, безмолвно, покорно
ведь только Ты
можешь остановить
ход моего времени.

Александр ГОЛУБЕВ

Воронеж

* * *

Нам рано хоронить Россию.
Унынье – беспредельный грех.
Россия мощь, напор и сила.
И вера в бешеный успех.
Её судьбы крутая ноша
свою стезю упорно гнёт.
Но Русь, как загнанная лошадь,
ещё везёт, везёт, везёт.
Та ноша весит многотонно
подобъем тяжкого креста.
Под ней, до земи преклонённый,
войду я в Царские Врата.
И там скажу слова о братстве:
«Поймите, люди, наконец,
чтоб нам соборными остаться
нужно созвучие сердец.
Наш путь туда, где хлад и ветер,
где штурмом бьётся непокой.
Где нам пророк в тумане светит
века пронзающей рукой».

ПАМЯТИ ЕГОРА ИСАЕВА

Опять туда, в осенние поля.
Туда, к омёту аржаной соломы.
Поклон тебе, родимая земля...
Исаев в Коршево, Исаев дома.
Кипит под солнцем трепетный Битюг.
Вновь подорожник млеет у калитки.

И мама, выронив ведро из рук,
в слезах навстречу бросилась с улыбкой.
Русоволосый, в разговорах скор:
мужик бобровский с пламенем Востока.
Он так похож на замыканье тока,
что обжигает истиной в упор.
Ему давно понятен гул земли.
Что рядом с этим будничные крохи?
Его удел: кремень и ковыли,
что зрели с кровью в пустошах эпохи.
Он жил в ладу и с Богом, и с судьбой,
но мог открыто по-солдатски драться.
Я знаю без пророчеств – этот бой
торил дорогу в откровенье братства.
Но это там, за степью, вдалеке.
А здесь не место тешиться словами.
Здесь пахнет ягодой в березняке,
сухой мякиной и чуть-чуть мышами.
Над Коршево толпятся облака,
над Коршево орёл залётный кружит...
Стоит он в кепке, дорогой мой друже,
а что под кепкой – в думах мужика.

ПИСЬМО НА НЕБО

Пришла пора на извлеченье корня
моей судьбы застенчиво-прямой.
Тот корень не в земле, а в выси горней,
и манит он к себе, как будто бы домой.
На небе нынче тихо, но я четко слышу:
бесшумно – мягкий по-кошачьи шаг.
Так ходит дождик обложной по крыше
и женщина с серёжками в ушах,
которой нет давно на белом свете.
И тщетно гнать в луга велосипед.
Та женщина ушла, как май уходит в лето,
не взяв с собой мной собранный букет.
Она ушла покорно и нелепо,
надеясь, что в кремнистой вышине
ей все простит спасительное небо,
и там она забудет обо мне.
Да что там я?
Она забудет осень,
бодрящий дух увянувшей листвы.

И поздних птиц, что ветром в степь относит
по краешку студёной синевы.
«Скажи мне, милая, как кажется-живётся
там, в сумраке среди чужих людей.
Ведь ты теперь не поишь у колодца
расседланных казачьих лошадей?
Там, говорят, мужья во всём покорны,
чтят отчий дом, золовку и уют.
Питаются на завтрак лишь поп-корном,
а водку даже в праздники не пьют.
Но я-то, помнишь, из другой породы:
к смирительным уздачкам не привык.
Люблю по-нашему сырой погодой
гранёный уронить за воротник.
И мне тогда не страшен пост ГАИшный.
Куда-то, неуёмно торопясь,
брedu в свой мир, где значусь
третьим лишним,
найти, пытаясь прерванную связь
с той женщиной,
по всем земным приметам,
похожей на Полярную звезду.
И мне искать её упорно, до рассвета,
но почему-то верю, что найду.
Ведь я по ней соскучился безмерно.
Люблю глаза её, походку, стать.
И кроткую мирскую верность,
желанную, как Божья благодать.
Любовь моя надёжная, земная,
за все прости и в мой последний миг
явись, прощённым светом озаряя,
нескладной доли отрешенный лик.
Я нынче сам с собою в дикой скоре.
Уныло как-то всё, и всё не так.
Ищу, как пёс, своих проклятий корень,
но слаб на нюх мой следственный чердак.
И всё-таки уйдите прочь, сомненья,
тягучие, как предосенний дым.
Вернись, прошу, нечаянным спасеньем,
понятным, может, только нам двоим.
Но бликом нежным с крыши мирозданья
скользнёшь ты вниз, сгорая без следа.
Оставив поневоле на прощанье
пустынную дорогу в никуда...

Глеб ГОРБОВСКИЙ

Санкт-Петербург

ЛЕРМОНТОВ

В час, когда он упал, разразилась гроза.
Ливень бил по земле бесноватой шинелью!
Все, кто против поэта и якобы — «за»,
разбежались, накрыв дуэлянта шинелью.

Не осталось ни друга вокруг, ни врага.
Только небо, лицом покернев, горевало.
Никого на земле... Лишь сияли сугна
выше молний и туч — на груди перевала.

В доме, что заменял ему клетку тюрьмы,
где он солнечный разум иронией пичкал,
простоватый священник, как после чумы,
покропил по углам вездесущей водичкой.

...Мать-Россия, сколь много в веках твоих зла,
сколько в душах холодных — гнетущего пыла.
Небывалого миру итенца родила,
а когда он до неба поднялся, — убила...

* * *

Не любила его Варвара,
из похода не дождалась...
Или мнила, что он — не пара,
или попросту — извелась?
И носил он по всем дорогам

этот горький в душе цветок...
И клубилась, как пыль, тревога,
оседала на городок.
Пятигорские будни выли,
точно волки. Пришла беда...
У царя на красивом рыле
нет ни облачка от стыда...
Схоронили Мишу, сложили
в милой пензенской стороне...
...Вы, Варвара, о нём тужили?
Вы встречали его во сне?
Восковую свечу, простите,
вы затеплили на Земле?
Вы же знаете: был он мнительным...
Посветите ему во мгле.

КИРПИЧНОЕ ДЕРЕВО

Деревце случайное — осина
не семиэтажной высоте
прилепилось к дому... Как кузина-
приживалка — к родственной среде.

Однокое, что ешь и пьёшь ты?
На кирпичной почве — чем живёшь?
Не вином и хлебушком хорошим —
серым небом, непроглядным сплошь...

Из окна больничного, слепого
на тебя смотрю, возвысив дух,
как на крылья ангела святого...
И читаю Лермонтова. Вслух.

* * *

Вот-вот задует свечку —
свет жизни золотой.
Устал... Хочу на речку.
На бережок крутой.
Как воробей в навозе —
копаюсь сам в себе.
Устал... Хочу на воздух,

к архангельской трубе,
к целительной церквушке,
к избушке без страстей,
где Лермонтов и Пушкин
меняли лошадей.

ПОЭТ

В его стихах – дыхание стихии,
дух Божества и разум сатаны.
Их не расслышат заживо-глухие:
лишённым сердца – песни не нужны...

Его лицо я наблюдал в стремнине
людейской толпы и там, где вешний сад.
И город был ему мертвей пустыни.
И сад – не рай, а лишь цветущий ад...

Он был один. И обречён на муки –
себою быть, но проникать во всех!
Но прорастать в движения и звуки
любой судьбы, в любой покой и грех...

ХРАНИТЕЛЬ

По небу полуночи ангел летел...
М.Ю. Лермонтов

Длинноволос. В глазах бесстрашье
и доброта... Как пустота.
И тьмой небесною окрашен
зрачок, не ведавший стыда...
Рука, не знавшая работы...
И шея, чуждая петли...
А на ногах белеют боты
из лепестков живых земли.
И сердце есть, да нету пульса...
И голос звонок, но – как лёд.
«Ну, здравствуй, дядя! Я вернулся.
Я – ангел твой! К тому ж, пилот.
Вот, улетал... На время пляски
бесовской – в вашей стороне...
Ну, как вам тут без Божьей ласки

жилось? Небось, как на войне?..
А всё – гордыня! Мир разрушить
до основанья – кто грозил?!
А в результате – нету кушать...
И сказку строить – нету сил...
Ну, всё! Теперь я рядом. Хватит
балдеть...» И глянул на часы.
И лёг в прихожей на полати –
на чемоданы и тазы.

* * *

Там жили поэты...
А. Блок

Там – это где? На неком пустыре?
Или – везде? То бишь – в толпе безликой?
Но только не в Кремле и не в монастыре,
а – в коммуналочке,

где мыло пахнет земляникой...

Они живут всегда по-одному –
в убогих комнатушках, норах, склепах.
Они предпочитают свету – полутьму
и водку пьют неряшливо и слепо.

Поэты – над! Над смыслом, над собой,
над дьяволом! Вот только – не над Богом...
Но пуще прочего поэты – над толпой
и над властителем земным,

в понятыи строгом.

Поэты – там... Там где-то, кое-где –
за горизонтом... Запада? Востока?..
Они – во вторнике, и нету их – в среде.
Они – в себе. И участь их – жестока.

* * *

*«Каждый сверчок –
знай свой шесток!»*

«Что за напасть – не понимаю:
ведь я теперь – служитель муз?
Так почему не принимают

меня к писателям в Союз?!
Я беззащитен... Вместе — лучше
работать: мыслить и светить!»

А Пушкин, Лермонтов и Тютчев
свой дар сумели защитить:
без единения в союзы,
имея только Божий дар,
стрелялись, старились — не трусы,
но рыцари! И млад, и стар!

Так что — уймись, молчи, приятель.
А хочешь денег, так воруй!
Глядишь: всё — в норме! ...А писатель —
Он из других солей и струй!

Надежда ГОРЛОВА

Москва

РАКИ

Мы все как раки: всё, что нам дано —
Трусливым душам в панцирях обид —
Так это — обживать ту муть,
    что заволакивает дно,
А вверх посмотришь — облаком висит;
Питаться падалью воспоминаний,
На дне судьбы возиться в илистой грязи,
В былое пятиться, и тень ловить в тумане
Грядущего, и — Боже помози,
Тащить к себе неведомое что-то,
Уже убитое, сократь, не различив,
И вдруг мучение внезапного полёта
Познать, увидеть сверху весь залив,
И ждать суда в узилище сосуда.
Потом вариться в адском кипятке,
И понимать, что Бог, Кого ты чтил покуда, —
Какой-то мальчик с ложкою в руке.

АЛХИМИЯ

Как изворотливо врёшь,
извиваешься, словно в огне,
Я же — сгораю, припёк твой,
мой грешник любимый,
Жена я — сбоку припёка,
не половина твоя, и мне —
Слёзной солью в осадок,

Да прахом в остаток
Яко плоть двоих, неделимый.

Я прозреваю, зачем небеса
нашу смешали кровь,
И от обид очищаюсь, словно от лепры.
Ложь твоя — пламя,
в тигле — моя любовь.
Я не страдаю, это Господь
золото варит из пепла.

БРАТЬЯ

Памяти моего отца

Спасибо, брат, что ты убил меня.
Теперь я сторожу тебя повсюду.
Спасу от холода дрожанием огня,
В жару ручьём я принесу остуду.

Я стал землёй, водой, скотом, травой,
Питьём и пищей, и вином и хлебом,
И воздухом, — так я всегда с тобой,
Я брат тебе на всякую потребу.

Согрею, накормлю и обниму,
Как я не мог, когда был телом скован.
Теперь я сторож брату своему.
Любовь свободна, но лишилась слова.

Смерть — немота. «Люблю» —
мне не сказать
Без голоса беспомощного тела.
Дано лишь крови от земли взывать,
А мне — любить, служеньем без предела.

«Спасибо, Каин», — кровь моя вопит,
Мой поцелуй на лбу твоём алеет...
Но Каин от любви моей бежит,
И дух его томится и болеет...

ЧЕЛОВЕК В АДУ

Надежду я с собою не возьму,
И веру у дверей оставить надо,
Чтобы её, когда войду во тьму,
Не потерять, узрев теснину ада.

Ну, а любовь.... Любовь пошла со мной.
Она во ад вперёд меня ступила.
Тьма стала светом и прохладой — знай,
Так всё вокруг любовь преобразила.

Услышал я любви такие речи:
— Ты, человек, однажды сам сказал:
«Во ад сойду — там ты». И я — навстречу.
Так что же, встречи ты не ожидал?!

— Да, не был я к свиданию готов.
Своих друзей у входа я оставил.
Не брачный, траурный я взял
с собой покров...
И огнь стыда стечь меня заставил.

Александр ГОРОДНИЦКИЙ

Санкт-Петербург

АНГЕЛ НАД ГОРОДОМ

Евгению Анисимову

Ангел, летевший над городом

Санкт-Петербургом,

В прежних веках

и минувшем столетии бурном,
В здешнем музее пылится, уйдя на покой.
Вместо него, продолжая во времени гонку,
В небе витая с трубою, трубящую громко,
К будущим дням устремляется ангел другой.
Видно, лететь ему далее не было мочи.
Он пролетел сквозь блокадные чёрные ночи,
Крылья свои обморозив на зимнем ветру.
Он в облаках зависал неподвижно когда-то
Над взбудораженной площадью возле сената,
Бой барабанный услышав внизу поутру.
Он пролетал,

поводя своей женской головкой,
Над усыпальницей царскою и Пискаревкой,
Зимним дворцом

и свинцовым разливом Невы.
В дни наводнений

и шумных народных волнений,
Он избавлял нас

от горестных наших сомнений,
И избавлял иногда понапрасну, увы.
Вечно парящий над городом ангел-хранитель,
С ним навсегда нас связали прозрачные нити,

С ним неразрывна нелёгкая наша судьба.
И воплотятся надежды в грядущие были,
Если крыло его вспыхивает на шпиле,
В небе трубит, за собой увлекая, труба.

ДОМ КНИГИ

Светлая паркетная дорожка,
И собор Казанский за окошком.
У прошедшей жизни на краю,
Вспоминая давнее былое,
В Доме книги, как у аналоя,
Между полок с книгами стою.
Время стрелки неотступно крутит.
Улыбнётся с супера Тарутин,
Северный напомнив Енисей,
И опять под солнцем вспыхнет ярко
Снегом замятённая Игарка, —
Вспоминай, печалься и лысей.
Вот, раздвинув классиков легонько,
Между ними влез Агеев Лёнька,
Что витает нынче в облаках,
И опять заденут за живое
Бдения над чёрною Невою
С початой поллитрою в руках.
Слепакова Нона и Соснора.
Вспомню комаровский лес сосновый,
Берег под опавшую листвой,
Тот роман наивный изначальный
С быстрою развязкою печальной,
Электрички сумеречный вой.
Бронза солнца плавится на весте,
Радио несёт дурные вести,
Потемнела невская вода.
Неужели все мы были вместе
В те полузабытые года?
Старики седые и старухи,
Стали мы беспомощны и глухи,
Те, кто на Земле ещё пока.
Мы идём во тьму поодиночке.
Наши напечатанные строчки
Не войдут в грядущие века.

Ссоры, пересуды, кривотолки.
 Век наш завершается недолгий,
 И оставит на песке волна,
 Времени минувшего осколки,—
 Книжечки, стоящие на полке,
 На которых наши имена.

УЛИЦА ВРЕМЕНИ

В Петропавловской крепости
 улица Времени.
 Из какого бы ни был ты рода и племени,
 На соседей похожий, постой и задумайся,—
 Ты всего лишь недолгий прохожий на улице.
 В Петропавловской крепости
 улица Времени.
 Из таёжной веками вела она темени
 Двухголового кочета с тощими перьями
 От уездного царства к великой империи.
 В Петропавловской крепости
 улица Времени
 Равнодушной Неве придаёт ускорение,
 Направляясь навстречу земному вращению,
 И не будет обратно уже возвращения.
 В Петропавловской крепости
 улица Времени,—
 Звон задевшего саблю гусарского стремени,
 Метронома блокадного стуки нечастые.
 Здесь ни дня не могу задержаться, ни часу я.
 Повстречать не могу здесь ни в зиму,
 ни в лето я,
 Тех, кто раньше прошёл, и за мною последует.
 В Петропавловской крепости
 улица Времени,—
 Поминальных огней пискарёвских горение
 Над травою могил, что закопаны наско로,
 Грохот пушек над площадью зимней
 Сенатскою.
 По торцам громыхают кареты старинные.
 За собою уводит дорогою длиною
 В Петропавловской крепости
 улица Времени,
 Что уходит всегда лишь в одном направлении.

Наталья ГРАНЦЕВА

Санкт-Петербург

* * *

История не то, чтоб завралась,
 А просто правду вымолвить не в силах.
 То лбом надменным бьёт с размаха в грязь,
 То, в пляс идя, хохочет на могилах.

Словесных всесожжений петухи
 Ей по нутру, как древнее наследство.
 Она себе простит свои грехи
 И оправдывает избранные средства.

История весь мир перевернёт,
 Докажет, что Всевышний невменяем,
 И нас научит задом наперёд
 Идти за ней — туда, куда не знаем...

ОБЛАКА

1

Я стою на Дворцовой в окне слюдяном,
 Ходит лето вокруг золотым ходуном,
 О любви вавилонским наречьем твердит,
 Полу-Азией, полу-Европой глядит.
 Любопытства нашествие, пир мотыльков,
 Шелковистые сети речных сквозняков —
 Быстроногий июль, говорливый Гермес,
 В янтаре возрождённая площадь чудес,
 Самоцветье былого, летучий Пергам —
 Он ли брат кочевым кучевым облакам?

2

Какие облака из иноземных стран
Приходят увидать простор необозримый,
И ливень голубой, и вянущий туман,
И сахарных снегов рассыпчатые зимы.

Мы не сошли с ума,
чтоб с места брать в карьер –
Куда глаза глядят, лететь по их примеру.
Оптический обман, пугливый глазомер –
Всего лишь бедный дар
игрушкам атмосферы.

Но подлинная жизнь сияет изнутри,
А корни родников
в укромных линзах зренья
Летят во тьме земной, как душ поводыри,
На тёмной стороне всевышнего творенья.

* * *

Искривился разума кристалл,
Онемели воли сухожилья.
Мир от мира, кажется, устал,
Заскучал в объятьях изобилия.

Это было, кажется, вчера –
А сегодня, упоённый риском,
Вспомнил мир о власти топора,
Озверев в раю консьюмеристском.

В топку все бумажные права!
Под бульдозер – плацебо и фэки! –
Память крови? Сила вещества?
Постзаветный плач о человеке?

* * *

Отбивается мир безоружный от рук,
Управляемый хаос клубится вокруг.
И лица не скрывают народов отцы –
Фабриканты разора, разбоя творцы.

Это новый формат сверхтяжелой войны –
Увлекательный триллер, где мы не вольны
Обезвредить словесный пластид и тротил.
Мы – в расходных статьях

у крутых воротил.

Дымовая завеса поддельных речей:
Куш грядущего – в кассе, и снова ничай!
Ловкость рук виртуозна, опасна игра.
За столом – политических карт шулера.

Бьёт удача наотмашь, навзыд, наповал.
Кто заплатит собой за победный финал?
Всем ни жарко, ни холодно! Всем всё равно!
Мне не нравится это Большое Кино!

* * *

Это грёз музыкальные сети,
Забытья золотистый дурман:
Нино Рота, Фаусто Папетти,
Морриконе и Клаудерман.

Почему-то их зыбкие тени
Оживают в объятьях земных,
В мимолетных волненьях сирени,
В крестоцветьях аккордовочных.

Почему-то лишь эти звучанья,
Как невидимых сил благодать,
Воскрешают минуты прощанья
С тем, кто мог бы вселенною стать.

Мандолины щемящие стоны,
Плач янтарный скрипичных пустот,
И отчаянье аккордеона
Сквозь бесшумных мехов разворот...

Неужель оркестровое соло
Так и сгинет за жизнью живой
И взорвётся сверхновой Пьяцолы,
Чтоб исчезнуть во тьме мировой?

МАЛЕФИСЕНТА

Как будто тайна одинокая,
летит меж солнечных туманов
Малефисента чудноокая —
царица фей и великанов.
Летит от благ цивилизации,
от пут враждебного убранства,
В своей болотной резервации
летит сквозь время и пространство.
Непостижимо непокорная,
влетает в жизни киноленту
Метаморфоза животворная —
волшебница Малефисента!
Мечтательница винтокрылая,
владычица подземных тварей —
Твоё величие постылое
постичь не в силах бестиарий.
Собрав свои полки бессильные —
бескрылые, как наважденья —
Все энтомологи стерильные идут
громить твои владенья.
За то, что воля к левитации тебе
милее грязной власти,
За то, что вне классификации —
тебе дарованное счастье
Не быть в гербариях старательства,
лукавой сказки воспитанья,
За то, что вне щедрот предательства —
твоей природы мирозданье.

* * *

Я тебя не забуду,
создатель апрельских чудес!
Я тебя сохрани,
как судьбы талисман календарный —
Возрождающий жизнь,
воскрешающий молодость лес,
Победительный плен
многозвучной игры благодарной.

Сколько можно обнять
здесь зёленьых душевых глубин
И, поняв, полюбить
сквозь туман театральных законов
Артистичные лица берёз, тополей и рябин,
Вдохновенные жесты дубов триумфальных
и клёнов.

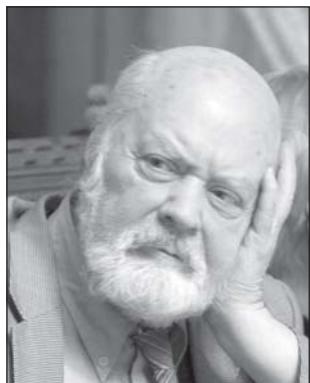
Как дышать здесь легко
в серебре атмосферных даров
И дружить с тяготением,
и с шёпотом вод осторожным.
Расставанье с душою —
предчувствие новых миров —
В этой жизни весенней
задумано быть невозможным!

Да и где мы отыщем,
когда б захотели найти,
Совершенством подобные
этим твореньям химеры?
Зеркала золотые, смятений небесных пути,
Необъятную радость,
магнитную дрожь атмосферы...

Лев АННИНСКИЙ

Москва

«...В РОССИЮ ПРИШЛА НИОТКУДА»

К 125-летию со дня рождения Анны Ахматовой

В августе 1946 года, числа 16 или 17-го, Анна Андреевна Ахматова явилась в Союз писателей за лимитом. В коридоре от неё шарахнулся какой-то начальник — она отнесла это за счёт обычного хамства. Секретарша, здороваясь, отвела заплаканные глаза — видно, у неё были какие-то неприятности. На обратном пути встретился Зощенко; он неожиданно перебежал Шпалерную, остановил, поцеловал обе руки, посмотрел в глаза: «Что теперь делать, Анна Андреевна? Терпеть?» Она подумала: у него очередные бытовые неурядицы, в тон ему ответила: «Терпеть, Мишенька, терпеть» — и спокойно последовала дальше.

Она НИЧЕГО не знала о том, что с нею произошло.

Современному читателю надо объяснить в этом эпизоде два обстоятельства. Одно простое: что значит прийти за лимитом? Это значит получить особый талончик, «единичку» на промтовары, «лимит» на продукты в «распределитель»; в военные и первые послевоенные годы такое отоваривание было в порядке вещей; соответствующие термины объяснения не требовали.

Сложнее понять другое обстоятельство: как это Ахматова НЕ ЗНАЛА? Уже день или два, как принято и обнародовано смертельное для неё «историческое постановление ЦК партии» — акция, определившая идеологическую политику на десятилетия вперёд; уже в школьные программы его готовятся внести, и Ахматову поминают как главное пугало; уже Жданов читает о ней доклады. О Постановлении знают все. Ахматова — не знает.

Это можно объяснить так: друзья не решились сказать, знакомые отвернулись в страхе, сама же она газет не читает и радио не включает. Она действительно МОГЛА не знать: и день, и два. Но всё это оказалось возможно, потому что она и жила так, чтобы ничего не знать: в затворе. Она и рассказывала потом эту историю, гордясь тем, что — «не знала». Она — НЕ ХОТЕЛА ЗНАТЬ.

Точно так же она «не знала», что о ней было Постановление ЦК «году в двадцать пятом». Лидия Чуковская (на «Записки» которой я во многом опираюсь, воспроизводя ахматовский «имидж») — искала это Постановление и не преуспела; с чисто «чуковской»

иронией она заметила: наверное, оно сильно засекречено. Но дело не в том, было или не было такое Постановление. Дело в том, что Ахматова и о нём «не знала». Она не знала даже: «что такое ЦК».

Свидетельство другой Лидии, Гинзбург: «Она держала себя, как экс-королева на буржуазном курорте».

Она жила, не видя, не слыша, не признавая «этой» реальности. Переходя улицу, в ужасе кричала спутникам: «Уже можно?!» — уверенная, что её спишут. Хромала на одном каблуке, потому что не ведала, где чинят обувь. Не умела подняться в лифте... то есть подняться умела, но не знала, «как нажимать кнопки». Не знала, как расставить в своих стихах знаки препинания, и поручала это другим.

Она многое поручала другим, и другие с радостью делали. Она была окружена поклонниками и поклонницами, в облаке почитания она величественно несла свою неустроенность. Она была — «царица», «королева», «Первая дама Империи», «Екатерина Великая»; величие её облика не противоречило нищете, но лишь подчёркивалось ею. Халат мог быть порван от плеча до бедра: зашить нельзя, с царственной небрежностью носить — можно. Шуба — без пуговиц: пришить нельзя, носить, уверенно запахиваясь, — можно. Перевязанный верёвкой чемодан с рукописями на табуретке посреди комнаты — символ кочевья: найти нужный листочек нельзя... но — можно быть уверенной, что любую строчку окружающие, знающие её стихи наизусть, — подскажут мгновенно.

Впрочем, то, что действительно нужно, Анна Андреевна делала с молниеносной и точной хваткой. И от скорбной извяянности могла неожиданно перейти к обыкновенной весёлости — словно невидимым выключателем щёлкала. И даже сознавалась с обезоруживающей прямотой: «Я всё умею, а не делаю из одного злорадства».

Это был имидж, образ — миф, ставший её реальностью. «Я не умею шить». «Я не умею готовить». «Мне неважно, напечатают ли мои стихи». Беспомощность и надменность разом. Гордыня наперекор хамству. Программная «нежизнь». О, как остро, как ревниво почувствовала это Марина Цветаева, когда в 1941 году Лидия Чуковская в Чистополе, переводя её через лужу, неосторожно заметила: хорошо, что Анна Андреевна не здесь: она ведь ничего не может... Марина Ивановна взвилась: «А думаете, я — могу?!»

Они обе — не могли и не хотели жить в «этой реальности». Цветаева пыталась бороться. Ахматова с царственным безразличием и как бы машинально принимала «рабский зрак». Рубище и бездомье.

Оба дома её детства были уничтожены: и тот, что в Царском Селе, и тот, что в Севастополе — она говорила об этом, как о факте провиденциальном. «Горят мои дома». Кочевые стало её пожизненным крестом, уже и добровольным. «Королева-бродяга». Под её ногами не было земли — пустыня, бездна, пропасть. «Мне подменили жизнь...»

Жизнь — островок, гощение. Что-то было «до» и что-то будет «после». Жизнь до «начала» и «жизнь после конца».

«Себе самой я с самого начала то чьим-то сном казалась или бредом, иль отраженьем в зеркале чужом, без имени, без плоти, без причины»...

Что значит: с самого начала? Это значит, что в начале — подмена. Одна неподлинность подменяется другой. Самое рождение Ахматовой как поэта — словно скачок из невесомо-

сти в невесомость. Отец – нормальный инженер – ещё до всяких стихов дразнит её «декадентской поэтессой» (магия предвоплощения!). Прочитав стихи, говорит: «Не срами моё имя». Она отвечает: «Не надо мне твоего имени!» И из Ани Горенко делается – Анной Ахматовой.

«Ахматова» – фамилия бабки. Древняя, Чингизова корня. Важно это было? Абсолютно нет: «шальная девчонка» выбрала татарское имя для русской поэтессы, совершенно не вникая в то, что оно – татарское. Жила на Украине, была похожа на украинку, но совершенно Украиной не интересовалась, даже отталкивалась.

Нет Украины. Нет Татарии.

И России нет. Есть пустое пространство и загадочно молчащее время.

Ещё есть – поэтический вакуум. В родительском доме – «один том Некрасова», и ничего более. Конечно, это тоже позднейшая стилизация; имелся в доме ещё и Державин. И, между прочим, Бодлер в подлиннике. Кроме того, определив дочь в Царскосельскую гимназию, родители водили её по всем полагающимся столичным музеям, театрам, вернисажам и концертам. Но избирательность памяти корректирует всё это, подводя под знак опустошения: поколение отцов не чувствовало поэзии! Выкормыши Писарева, они удовлетворялись Розенгеймом.

Вакуум, пустота – вот что застает в поэзии «декадентская поэтесса». До Анненского и Пушкина надо ещё дойти. Идти надо сквозь символистскую мглу. Она чувствует: Брюсов – это «девятнадцатый век». Акмеисты хотят быть – «в двадцатом». Серебристым туманам они противопоставляют гравировку подробностей.

От первых книг, от «Вечера» и «Чёток» – сцепление «нечаянных деталей», чётко врезанных в стих. Устрицы во льду, нераскрытий веер, брошенный хлыстик, сломанное перо на шляпе, перчатка не на той руке. Вереница угадываемых обликов, из которых только «приморская девчонка» соответствует облику реальному (рваное от плеча до бедра платье, туфли на босу ногу), остальные – навеяны: несчастная невеста, скучающая светская бездельница, блудница среди бражников, богомолка-монашенка… Последние два варианта, обыгранные сочувственной критикой, треть века спустя смертным приговором встанут в ждановский доклад (по миновании опасности Ахматова Жданову посочувствует: «Референты подвели»), первые два варианта становятся немедленным образцом для подражания «несчастных барышень» (полвека спустя Ахматова обронит знаменитые строчки: «Я научила женщин говорить… Но, боже, как их замолчать заставить!» – а заодно признаётся, что и поэтическая несчастная любовь её с самого начала – выдумка).

Выдумкой кажется любая «маска», любое «основание», но сокрушительна крутая логика чувства, отталкивающегося от этого «основания». Тут может подвернуться даже и паркетина. Из ахматовских строчек: «Как будто под ногами плот, а не квадратики паркета» – Мандельштам извлекает критическую формулу: СТОЛПНИЦА НА ПАРКЕТИНЕ; этот образ Ахматову обижает, но намертво входит в ахматоведение, и недаром: тут не «паркетина» удивительна, она очевидна; поражает уловленное Мандельштамом в этом стоянии – столпничество; оно отнюдь не очевидно, но именно оно реально.

У Ахматовой в молодости была внешность послушницы, вспоминают мемуаристы. Они же свидетельствуют: когда в гумилёвском имении затевались шуточные цирковые пред-

ставления, Ахматова, уступая желаниям своего заводного мужа, соглашалась изображать «змею»; природная гибкость позволяла ей «закладывать ноги за шею»; при этом лицо оставалось недвижно: лицо инокини.

Истинность этого лица казалась маской. Участвуя в общем маскараде, Ахматова в то же время как бы отсутствовала. Она оживлялась, только когда речь заходила о стихах. И притом — прятала от знакомых свои первые публикации: подробности жизни, врезанные в стих с гравюрной точностью, говорили вовсе не о реальной жизни; неловко, стыдно, если бы так подумали; подробности свидетельствовали совсем о другом, даже о противоположном: об «отсутствии», о зиянии на месте жизни.

Это — тайна, магия стихов Ахматовой с первых же публикаций: стих чёток, ясен, но штрихами вразброс очерчивается зияющее поле смысла, который неясен, зловеще неясен, смертельно тёмен, могильно тёмен. Сад — традиционный поэтический символ — у Ахматовой леденеет. Холодные руки, саван, смертельный сон, летаргия, вороний крик, предчувствуемое вдовство — вот мотивы. Мотивы, модные в тогдашней поэзии. Но соединение, сплетение, слияние мотивов — уникально. Свет тёмен, тьма светла. Дом и домовина — одно. «Я место ищу для могилы: не знаешь ли, где светлей? Так холодно в поле. Унылы у моря груды камней. А она привыкла к покою и любит солнечный свет. Я келью над ней построю, как дом наш на много лет». Келья над могилой, дом над бездной — в стихах 1911 года задана мелодия, которая будет звучать до последних мгновений: полвека спустя Ахматова ответит сама себе гениальными строками — всё о том же:

Забудут? — вот чем удивили!
Меня забывали сто раз,
Сто раз я лежала в могиле,
Где, может быть, я и сейчас.

О, как чуяли её близкие, её чуткие читатели этот запредельный зов! Мандельштам говорил: «Кассандра!» Цветаева окликала: «Чернокосынька моя, чернокнижница!» Николай Гумилёв догадывался: «Из логова Змиева, из города Киева я взял не жену, а колдунью». Эпоху спустя боевые пролетарские критики интеллигентского происхождения печатно спрашивали Ахматову, отчего она не умерла до 1917 года, и удивлялись, что она ещё жива, — критики соединяли игру с доносом, не подозревая (а может, и подозревая), какой запредельной тайны ахматовского бытия-небытия касаются своими щупочками.

Тайна бытия — запредельность. Тайна ЭТОГО бытия — обречённость. Спасено может быть только что-то ЗА ПРЕДЕЛАМИ. Стих очерчивает — пределы.

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти Господа моля.
Но всё мне памятна до боли
Тверская скучная земля.

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.

И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра slab,
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб.

Редкостный случай, когда среди сломанных перьев и забытых перчаток появляются «представители народа». От них веет отчуждением и непредсказуемостью. Но это не «социальная краска» — это всё тот же ахматовский вакуум бытийной тревоги. Приметы России разрознены и беглы. Колоколенка по соседству и Библия, заложенная кленовым листом на Песни Песней, — вовсе не признаки клерикальности, как загорелые бабы — не знак народности, и Исаакий из «литого серебра» с «конём Великого Петра» — не эмблемы державности: в отличие от Мандельштама, этого соблазна Ахматова не знает. У неё есть ощущение пространства, которое чернеет и светится, и есть ощущение времени, которое «бежит», но нет чувства страны: ни как религиозной, ни как этнической, ни как революционной силы. Героиня Ахматовой — не православная богомолка, она скорее действительно «чернокнижница», «колдунья». И она не «славянка»; много лет спустя она признается, что у Хлебникова приемлет всё, кроме «славянской» стилистики (не только у Хлебникова).

И, разумеется, ничего «революционного»: ни словечка, ни отзыва, просто вообще никакого отношения. Вспоминает: *«Я была в Слепневе зимой. Это было великолепно... Сани, валенки, медвежьи полости, огромные полуушубки, звенящая тишина, сугробы, алмазные снега...»* (загорелых баб не видно: сидят по избам. — Л.А.). Там я встретила 1917 год. После угрюмого военного Севастополя, где я задыхалась от астмы и мёрзла в холодной наёмной комнате, мне казалось, что я попала в какую-то обетованную страну. А в Петербурге был уже убитый Распутин и ждали революцию, которая была назначена (! — Л.А.) на 20 января... В этот день я обедала у Натана Альтмана. Он подарил мне свой рисунок и надписал: *«В день Русской Революции... Солдатке Гумилёвой от чертёжника Альтмана»*.

Можно заметить, что весёлая издёвка в этом воспоминании более объяснима настроениями 1957 года, когда Ахматова пишет свой мемуарный этюд, чем чувствами года 1917-го. Но в данном случае издёвка как итог и лейтмотив даже показательней накатывавших ужасов «того времени». И по стихам видно: 1917 год проигнорирован начисто. Переломный для Ахматовой год — не 1917-й, а 1914-й. Начало Двадцатого века.

Именно тут поворот. Интонация «весёлой грешницы» уступает место одышке и подавленному рыданию. Исчезает серебро...

Много лет спустя, ретроспективно, оглядываясь «из года сорокового», в «Поэме без героя» Ахматова на мгновенье вернёт эпитету общепринятую эмблематичность: «И се-

ребяный месяц ярко над серебряным веком стыл». Холодом веет от этого серебра. «Серебристая ива» вернётся в поздние стихи воспоминанием, уже нереальным, — реальной окажется «серебряная седина». Но колотящий озноб с самого начала заложен в этот колер. «Серебряный смех» проваливается в «серебряный плач». Серебро вытесняется белизной, резкой и ясной: это цвет смерти. Белое и чёрное встык. «В белом инее чёрные ёлки». И даже с обменом смыслами: чёрная голубка — белый крест. Чёрное — знак прозренья. Чёрным подбито всё, и только раз чернь дана как толпа — в иерусалимских, евангельских декорациях. Та чернь, что творит историю за царскосельскими окнами, Ахматову не интересует. В её стихах «идёт другая драма».

Эта драма не имеет ни ясного имени, ни внятных очертаний. Нужен удар, несчастье, катастрофа, обвал в смерть, чтобы имя открылось, и очертилась драма.

1914 год — вот черта.

«*Думали: нищие мы, нету у нас ничего, а как стали одно за другим терять...*» Россия выявлена потерей; в воздухе бытия она очерчивается как небытие. В сущности, у России и теперь нет очертаний — очерчена только боль о ней. Мучительно ожидание неотвратимого вдовства. Мучительно видение: гибнет «сероглазый король».

«Сероглазый» — пленительный образ у ранней Ахматовой, может быть, потому так сильно действующий в спектре её стиха, что два непримиримо контрастных тона: белый и чёрный — на мгновенье соединяются, примираются здесь. На мгновение — перед гибелью.

Где, как погибнет герой — непонятно. То ли это сказка, подслушанная «у самого моря», то ли проза мобилизационного предписания (плач деревенских солдаток эхом отдаётся в душе «солдатки Гумилёвой», замершей в ожидании похоронки) — но это неотвратимо. Не от германской пули — так от чекистской, не в 1914-м — так в 1921-м, — всё равно неотвратимо. «*Сколько гибелей шло к поэту, глупый мальчик, он выбрал эту, — первых он не стерпел обид...*» — Словно подслушала допрос: не «таганцевский заговор» сгубил Гумилёва, а то, как отвечал вызывающее.

«*Опустел прародительский дом...*» Ахматова откликается: «Позабудь о родительском доме» (предчувствие из 1914-го года). «И разрушен родительский дом» (эхо из 1940-го). Отныне дом — это скитанье. Жизнь — нежизнь. Зазеркалье. Жизнь до... жизнь после... а в середине — провал, пустота. В реальности нет серединной, соразмерной части. Только катастрофа может эту реальность обозначить. Только один раз, глянув на расплосованную гитлеровскими танковыми стрелами карту, Ахматова роняет «мандельштамовскую» ноту: «От старой Европы остался лоскут»: в ее сознании живёт не «Европа», но дышащая гибелью бесконечность, поглощающая Европу.

Тою же гибелью Россия очерчивается дважды. И оба раза — это не «государство», не «история», не «строй», не «национа», не «место» и не «эпоха». Это либо мгновенно схваченные, застывшие фигуры: деревенская вдова, расстрелянный офицер... либо — бездна, в которую уносится всё.

Впрочем, нормальные патриотические чувства «солдатке Гумилёвой» не чужды. Привожая своего друга, художника Бориса Анрепа на Запад, попрекает его: «*Высокомерный дух твой помрачён, и оттого ты не познаешь света. Ты говоришь, что вера наша —*

сон и марево – столица эта. Ты говоришь – страна моя грешна, а я скажу – твоя страна безбожна.» ...«Твоя страна» – это Англия, куда Анреп и раньше отъезжал периодически. Но в 1917 году (в январе, до революции, «назначенной», как мы помним, на конец месяца) Ахматова воспринимает его отъезд как предательство. «Ты отступник: за остров зелёный отдал, отдал родную страну, наши песни и наши иконы, и над озером тихим сосну...»

Сегодня эти стихи могли бы служить пропуском в патриотические круги... но поэзию это не спасает: перед нами расстилается плоскость «доводов»; «родная страна» воспринимается как пропагандистский штамп; «тихая сосна» – как штамп лирический. «Иконы» – такая же деталь хрестоматийного атласа, как и «наши песни». Знаменательная неудача: там, где Ахматова (в редчайших случаях) вступает на «серединную землю», в пределы общеупрятой geopolитики, – кажется, что стих её мгновенно теряет ощущение реальности: для него здесь нет реальности. Реально другое: «голос», зовущий НИОТКУДА – Божий глас, вещающий из надчеловеческой выси. И ответ – туда же: в бездну, в небытие. В «никуда».

Но для этого всё реальное: народ, вера, город – должно рухнуть.

Так рождается гениальное:

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал
И дух суровый византийства
От русской церкви отлетал,

Когда приневская столица,
Забыв величие своё,
Как опьяневшая блудница,
Не знала, кто берёт её, –

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца вину чёрный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид.

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не омрачился скорбный дух.

Стиль пророков. Готовность к худшему. Остаться – значит непременно принять поражения и обиды, кровь и стыд, скорбь и горечь. И ТОЛЬКО ТАК – если останься.

А ведь в «личном плане» всё пока ещё более или менее «благополучно». Но и личное начинает рушиться, отвечая катастрофическому зову небес. Трудно судить, что делается причиной окончательного разрыва с «этой реальностью»: расстрел Гумилёва чекистами или «сильно засекреченное» Постановление ЦК, но к середине 20-х годов окончательно твердеет в стихе Ахматовой «зазеркальный», перевернутый тип духовного самоутверждения. Теперь только так: любовь равна нелюбви, жизнь – нежизни, встреча – невстрече. Радость безрадостна. И именно теперь вынашиваются стоические формулы: «не проси у бога ничего»; «мы ни единого удара не отклонили от себя», «когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Отныне «лохмотья сиротства» – «брачные ризы». И свет рождается – во тьме: когда «всё расхищено, предано, продано». И разлука – подарок. И забвение – благодать.

Если бы Ахматова хоть одной нитью была связана с авангардом, эти мотивы можно было бы осмыслить как абсурдистские. Но классическая ясность стиха не позволяет этого. Перевёрнутый мир Ахматовой – точное, гравюрно резкое отражение перевёрнутой реальности. Внешняя судьба – выявление внутренней. «*А я иду, за мной беда, не прямо и не косо, а в никуда и в никогда, как поезда с откоса*». «Поезда с откоса» замыкают абсурд нежизни в ситуацию надвигающейся войны. Тюремная очередь в Кресты замыкает абсурд в ежовщину. Ад воплощается в мертвеннюю (то есть в жизненную) достоверность. Нежизнь – это форма жизни:

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл –
Я была тогда с моим народом
Там, где мой народ к несчастью был.

Эпиграф к «Реквиему». Реквием – кульминация судьбы, апогей сопротивления, он же – перигей, нижняя точка схождения в ад, который есть жизнь. Душа, явившаяся «ниоткуда» (оттуда, где небосвод и крылья), облекается в жизнь народа. Та ли это душа, которую мы знали? «Показать бы тебе, насмешнице и любимице всех друзей, царскосельской весёлой грешнице, что случится с жизнью твоей. Как трехсотая, с передачею, под Крестами будешь стоять и своей слезою горячею новогодний лёд прожигать». Предсказанные в молодых стихах «Кассандрий», «Пифией», «Сиреной», очерченные первонациально в «пустоте» круги ада наполняются кровью и плотью. Ощущение подмененной жизни: «*Нет, это не я, это кто-то другой страдает. Я бы так не могла...*» Омертвение как спасение: «*Надо, чтоб душа окаменела, чтобы снова научиться жить...*» Народная вдовья заплачка: «*Муж в могиле, сын в тюрьме, помолитесь обо мне*». Запредельные координаты отлетающей жизни: «*Мне всё равно теперь. Клубится Енисей, звезда Полярная сияет. И синий блеск возлюбленных очей последний ужас застилает...*» К Мандельштаму стон, к Гумилёву?

«Реквием» закончен накануне войны. Ещё мгновенье – и личное горе тонет в общем,

«народ» и «страна» совпадают в немыслимом зеркально-зазеркальном фокусе, фронты: «наш», «вражий» и снова «наш» — смешиваются. Мир обрушивается, и душа встает на место.

Как и в 1914-м, катастрофа возвращает Ахматовой ощущение России. Опять поднимается со дна памяти первое отроческое потрясение: Цусима — весть о гибели русского флота. «Я плакальщиц стаю веду за собой. О, тихого края плащ голубой...» — это уже 1940-й. Год спустя тихий плач сменяется звоном оружия: того единственного реального оружия, которое Родина доверяет пятидесятилетней чернокнижнице, мобилизуя её на рытьё окопов: «Копай, моя лопата, звени, кирка моя. Не пустим супостата на мирные поля».

«Мирные поля» — не вариант ли «тихой сосны» двадцатипятилетней давности?

Но бездна должна ещё раз очертиться. В 1914-м её очертили фигуры солдаток. В 1941-м её очерчивают идущие в атаку «незатейливые парнишки». «Питерские сироты», оставшиеся в блокадном городе. Сосед по ленинградской коммуналке Валя Смирнов, погибший под бомбёжкой. Он увековечивается для мировой лирики в самом потрясающем стихотворении ташкентского цикла:

Постучись кулачком — я открою.
Я тебе открывала всегда.
Я теперь за высокой горою,
За пустыней, за ветром, за зноем,
Но тебя не предам никогда...
Принеси же мне горсточку чистой
Нашей невской студёной воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.

Сильнейшее стихотворение военных лет — предельно конкретно. Чуть дальше к «обобщённому образу» — и сила гаснет. «Ваньки, Васьки, Алёшки, Гришки», перечисляемые в стихотворении «Победителям», уже отдают скользящей реляцией, хотя Ахматова и покрывает перечень воплем плакальщицы: «Внуки, братики, сыновья!» Ещё слабее — зачинный образ этого стихотворения, по иронии судьбы ставший у ахматоведов чуть не эмблемой её патриотизма:

Сзади нарвские были ворота,
Впереди была только смерть...
Так советская шла пехота
Прямо в жёлтые жерла «берт»...

Суконо. Нужны комментарии. Нужна сноска к «бертам» (опять память о 1914-м: о «Большой Берте», нацеленной тогда на Францию). И этот единственный случай, когда Ахматова употребляет слово «советский», свидетельствует о полной ирреальности для неё

и этого понятия, и образа страны, которая таится где-то в неощутимо мёртвой зоне между фигурами людей и зовом бездны. Ещё немного, и эти попытки дают поздравительный лозунг 1950 года: «Ты стала вновь могучей и свободной, страна моя!» Рядом — прокатные мотивы из классики: «От Каспия и до Полярных льдов...» Уже не на Пушкина похоже — чуть ли не на Лебедева-Кумача. Ритм лесозащитных полос: «Где танк гремел — там ныне мирный трактор»... «Прошло пять лет — и залечила раны»... «Встают громады новых городов»...

Положим, это тот самый цикл («Слава миру»), которым Ахматова хотела спасти близких; хотела, кинувшись «в ноги палачу», вызволить сына с каторги (хотя чувствовала, что — не поможет). Этот цикл, напечатанный в 1950 году в «Огоньке» и как бы обозначивший послабление автору после ждановского погрома, она, естественно, никогда не переиздавала; несколько лет спустя она впала в бешенство от одного намёка со стороны редактора, попытавшегося предложить ей это. Но и «неверный звук», извлечённый из лиры в минуту слабости, выдает общий закон: в лирике Ахматовой нет срединных координат: исторических, социальных, geopolитических. Есть — потрясающее ощущение конкретной судьбы, психологического «жеста». И есть — гениально чуемая «запредельность».

В какой-то момент душа пытается опереться на «азиатский камень». Ташкентская эвакуация даёт эту возможность. «Ты, Азия, родина родин!»... «На этой древней сухой земле я снова дома»... «Рыси глаза твои, Азия, что-то высмотрели во мне».

«Что-то» — из прапамяти, из татарской бабкиной родословной?

Нет. Не связалось. Не восстановился Дом. Азиатских стихов, по позднейшему свидетельству Л. Чуковской, Ахматова не любила. С азиатским эпизодом рассчиталась пятнадцать лет спустя, написав четыре строки. «Имя»:

Татарское, дремучее
Пришло из никуда,
К любой беде липучее,
Само оно — беда.

Нет, не складывается евразийский мотив. Но вот провиденциальность судеб: сын, тот самый «мальчик», которому петы колыбельные песни в 1915-м и ношены тюремные передачи в 1938-м, — возвращается с каторги евразийцем: великий историк Лев Гумилёв, автор «Древней Руси и Великой Степи», находит России уникальное место в координатах Востока и Запада.

Ахматова так и не находит координат. В ту и в эту сторону — анафема. «Восток ещё лежал непознанным пространством и громыхал вдали, как грозный вражий стан, а с Запада несло викторианским чванством, летели конфетти и подывывал канкан...» Значит, ни Востока, ни Запада. С одной стороны — зловещая бездна, с другой — сыплющиеся подробности, отлетающие, как куски ржавчины.

Что же посредине? Россия. Раздвоившаяся. Распавшаяся на две России. И каждая идёт в гибель. Одна — на Восток, другая на Запад:

От того, что сделалось прахом,
Обуянная смертным страхом
И отмщения зная срок,
Опустивши глаза сухие
И ломая руки, Россия
Предо мною шла на восток.

И себе же самой навстречу
Непреклонно в грозную сечу,
Как из зеркала наяву, —
Ураганом — с Урала, с Алтая,
Долгу верная, молодая,
Шла Россия спасать Москву.

Этим трагическим портретом расколотой родины завершается главное произведение Ахматовой — «Поэма без героя».

Поэма — без Героя. Родина — без Дома. Судьба — без просветления.

По-человечески-то просветление есть. Кончается война. Возвращается с каторги сын. И даже стихи, публикации которых Ахматова «уже не хочет», — начинают печататься. Но каждый раз, когда чумная, чёрная полоса жизни (и истории) остаётся позади, — из-под внешнего просветления опять показывается бездонь, которой нет ни имени, ни объяснения, ни причины, а только ужас, приходящий, как и всё, ниоткуда:

Что войны, что чума? — конец им виден скорый,
Им приговор почти произнесён.
Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречён?

При всей библейской утяжелённости, «бег времени» как всеразрешающий символ — легковат и плохо выдерживает гигантскую нагрузку, которая на него падает. Это выражение слишком похоже на аналогичные метафоры, залоснившиеся от частого употребления в официальной советской словесности: «веление времени», «в долгу перед временем» и т.д. Даже книгу свою так называя, Ахматова не может переломить инерции. Но ощущение слабого звена потому и возникает в её стихе, что это звено пытается удержать цепь запредельной тяжести, и давление на него огромно.

Есть «что-то» превыше всех земных горестей и радостей, глубже всякого горя, страшней всякого глада и мора, таинственней всякого имени. Сама жизнь — лишь скоротечное гостевание на этом фоне, лишь «привычка». Оглядываясь на прожитое, Ахматова оплакивает даже не страдания, из которых оно составилось, она оплакивает невозможность понять: за что? За что были «на горе себе рождены»? Зачем пришла «плодоносная осень» после растоптанной весны?

Посреди плодоносной осени она мысленно воскрешает своё поколение, перебирает

воспоминания, шевелит далёкие тени, вновь погружаясь в «десятие годы», пытаясь за этим кружением подробностей, словно выгравированных в памяти, открыть то, что ими прикрыто: смысл. Два десятилетия пишется «Поэма без героя», много раз объявляется законченной и вновь правится, дописывается — так неистребима надежда дойти до начала начал. Но начало ускользает. Куда ведёт дорога? «Не скажу куда...» Что за голос зовёт? «Голос вечности»... Кончится ли мука вместе с закатом этой жизни, проклинаемой, нищей, горькой?

Нет ответа.

А сам закат в волнах эфира
Такой, что мне не разобрать,
Конец ли дня, конец ли мира,
Иль тайна тайн во мне опять.

Из всех великих современников-сверстников своих, так или иначе втянувшихся в титаническую борьбу, Ахматова в наибольшей степени причастна той таинственной, запредельной, «лермонтовской» пропамяти, которая из земной юдоли уводит в «никуда» и возвращает в жизнь «ниоткуда». Чем дальше отлетает пережитое, тем горше ощущение изначальной, доначальной, бытийной опустошённости, оплакать которую не хватает слёз, и слёзы эти миру невидимы.

По иронии судьбы в «этой юдоли» ей достаётся долгая старость. Пережив всех великих поэтов своего поколения (из которого каждый второй либо убит, либо покончил с собой, а умершие своей смертью редко переходят за четвёртый десяток), она доживает до настоящей светлой старости. Дождавшись мировой славы, она отправляется в Европу (где встречается с художником Анрепом, «променявшим» когда-то родину на «зелёный остров»), принимает в Лондоне Оксфордскую мантию, а на Сицилии — лавры «Этна-Таормины». Вернувшись на родную землю, она умирает, окружённая почитателями, не дотянув трех лет до восьмидесяти и исчерпав до дна отпущененный ей в распределителе судьбы бытийный лимит.

Николай ГУГЛЯР

Москва

СТИХИ О МАМЕ

В поезде скором я к маме лечу,
Встречами с мамой я душу лечу.

В поезде скором спешу на Алтай,
Там моей юности прожитый рай.

Там моё детство, и мама моя,
И родники золотого огня.

В поезде скором гляжу я в окно...
Вот и алтайских пшениц полотно,

Есть там и мамы моей колосок...
— Мама, я дома...
— Спасибо, сынок...

* * *

Как быстро жизни пролетают —
Быстрей, чем тополиный пух...
Давно уж юность золотая
В гербарий угодила вдруг.
Теперь она цветком засохшим
Моё царапает нутро...
Бреду я по летам оглохшим,
Щетиною стихов обросший,
Несостоявшийся пророк...

* * *

Время не дождик — не спрячешься,
Всюду настигнет тебя.
Глядь... и почти отдурачился —
Трубы закатов трубят.

В юности верилось в вечное,
Думалось, годы — пустяк...
Глядь... и над детскими речками
Радуг пронёсся косяк...

Глядь... и над грустными парками,
И над усталым жнивьём —
Юные лебеди — парами —
К юному счастью — вдвоём...

* * *

Годы растворяются во мгле,
Превращаясь в золото закатов.
Чем живу я дольше на Земле,
Тем больнее чувствую утраты.

Никакой тут нету новизны,
Жизнь и Смерть —
две тайны неизменных,
А за ними — бездна тишины!..
Новой жизни — необыкновенной!..

Вглядываясь в солнечную даль,
Постигаю таинство земное.
И себя — как Вечности деталь,
И надеюсь, что чего-то стою.

* * *

Ирине

Тебе всё просто. У тебя запас
И времени, и юности, и вёсен...
И глубины необмелевших глаз,
А у меня в запасе — только осень...

* * *

Вячеславу Волкову

Как мы, браток, постарели,
 Что с нами время творит.
 Выцвели чувств акварели,
 Глаз потускнел лазурит.
 Сколько погасло на небе
 Звёзд, затерявшихся во мгле!..
 С думой житейской о хлебе
 Тихо живу на Земле.

Всё, что назначено Богом,
 В сердце моём отболит...
 Вижу: земная дорога
 С Вечностью рядом пылит.

Валерий ДУДАРЕВ

Москва

МАРИЯМ

M. K.
Неистов и упрям
Гори, огонь...
 Булат Окуджава

Разметалось зарево по темени.
 Чирк!
 Огонь – неистов и упрям!
 Сквозь огонь бесстрашно и потерянно
 На дорогу смотрит Мариям.

Не пыталась, как бабье дремучее,
 Избежать тернового венца.
 Шла с утра за солнцем и за тучами.
 Почитала маму и отца.

О любом – рождённом в мире – гении
 Знала всё!
 Но, может быть, не всё...
 Но смотрела жизнь, как сновидение,
 И читала позднего Басё.

Не прельстившись златами и вечами,
 Свой собрав неброский скарб и снять,
 Вдруг спросила нас однажды вечером,
 Как поэт иной: «Куда ж нам плыть?»

Плыли в звёздах притчи и предания –
Нежности истерзанной земли.
Плыл Дербент – столица мироздания –
И чужой станицы журавли.

Не начавшись, – кончилось столетие.
Мир застыл,
распался

и оглох.

Но одно светилось междометие,
Как один востребованный Бог.

Не прервутся светлые мечтания.
Не пройдут кручинь ни о ком.
Это, словно сабель очертания
И сиянье взора под платком.

И пока за стынью, за оврагами
Будет нам казаться это всё,
Напитают зарево отвагами
Ученицы позднего Басё.

* * *

Бог со мной.
И больше никого.
Спал потоп.
Сияние земное
Катится.
Я думаю о Ное,
Чей ковчег, приставший роково.

Господи, в пучину нет возврата!
Как же это вдруг произошло?!

Гулкое гуденье Араката
Голубя поставит на крыло.

У случайно уцелевшей речки,
Что питала пропасти надысь,
В кущах светлоокие овечки
Станут одинаково пастись.

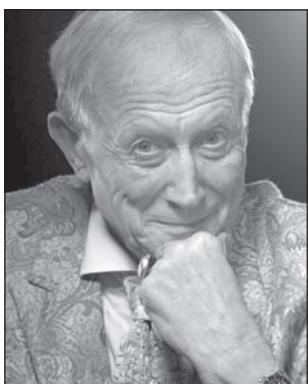
Где пахать и что потом посеять?
Хворости таскаю на горбу.
Пусть потом слепцы и фарисеи
На мою позарятся арбу.

А пока –
чумазый и премудрый –
В шалаше,
где звезднее всего,
Я займусь с девчонкой златокудрой
Продолженьем рода своего.

Евгений ЕВТУШЕНКО

Москва

ДВАЖДЫ ВПЕРВЫЕ

Как бы мне — опять впервые,
но не где-нибудь — в России
снова встретиться с тобой,
чтоб рука в предчувствие вспышки
робко вздрогнула на книжке
тонкой жилкой голубой.

То невидимое пламя
не погасло ль между нами —
и не греет, и не жжёт.
В нём теперь немного толку,
ибо, тлея втихомолку,
лишь теплинку бережёт.

Милая, ты так устала.
Ты женой прекрасной стала —
просто я боюсь, что мы
ну не то, что разлюбили —
перестали быть, кем были.
Ты пойми и обними.

Есть всегда несчастье в счастье,
и оно не в нашей власти,
нашей молодости страсти
невозможно повторить.
Но пока что мы живые,
можно дважды жить впервые
и друг другу и России
вновь друг друга подарить.

ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЬ
ХУЛА-ХУПОВ*Памяти Чабуа Амирэджеби*

Это ж надо — выпало мне в небе
ухватить счастливую звезду,
будто с Чабуа Амирэджеби —
с лагерной легендою — иду.

Мало ль было, что ли, чудных ночек,
я их не забуду никогда,
только тянет вновь на огонёчек —
может, он и есть моя звезда.

Запахи магнолий так магнитны —
что-то листья шепчут в полумгле, —
может быть, самой земли молитвы,
чтобы счастье было на земле.

Дразнят ресторанчиками Гагры,
где нас ждёт любое что-нибудь —
то ли, может, нас возьмут за жабры,
то ли мы — красавицу за грудь.

И плакат с артисткой голопупой,
но не голой в целом, нас привлек.
«Девяносто девять хула-хупов!» —
Это же ведь райский уголок!

Мы уселись, будто бы в Париже,
и от сцены всласть недалеко
в экс-имене княжеском, «в Гагрипше» —
видите: рифмуется легко!

И когда Она вальяжно вышла
только с хула-хупами двумя,
стало до дыхания всё слышно
в зале, усмирённо не шумя.

И была она чуть-чуть большая,
с выгибом дразнящим позади,
нехотя как будто обольщая
родинкой, где вырез на груди.

Было наливное тело спело,
и живот вибрировал, и грудь.
Бабочка, присев, едва успела
из-под хула-хупа ускользнуть.

Ну а хула-хупы прибавлялись,
змеями плясали на ногах,
с бёдрами и шеей забавлялись,
не могли насытиться никак.

А глаза страдальческими были
от такого тяжкого труда,
но казалось мне — меня любили
и, быть может, даже навсегда.

И соединились наши души
её взглядом: ты смотри, смотри...
«Девяносто шесть! — сказал ведущий. —
Добавляю ей последних три!»

И сказались нервы и усталость,
и в глазах был горестный укор.
Еле устояла.
Зашаталась.
Рёв раздался: «Мировой рекорд!»

Подошла ко мне, как бы по краю
собственной судьбы,
спросив: «Как быть?
Я всегда глазами выбираю
в тот момент,
кого могу любить.
И не нахожу.
А ты мне, мальчик,
кажешься таким...»
Но в этот миг
кожи крокодильей чемоданчик
лёг на стол, и кто-то напрямик,
за моей спиной, как невидимка,
так сказал: «А ну-ка, поглядим-ка.
Женщина, я вам хочу помочь.
Мне от вас нужна одна лишь ночь».

Щёлкнул чемоданчика замок.
Я смотреть, что было в нём, не мог.

Женские слова были просты:
«Я — мать-одиночка. Ты прости».

Чабуа похлопал по плечу:
«Утешать тебя я не хочу.
Но запомнил я ещё с тюрьмы:
«Не были мы, кореш, матерьюми».

Вздрогнули на всей земле халупы
и дворцы. Всё как рукой сняло.
Девяносто девять хула-хупов
осыпались медленно с Неё.

ПРОВЕРКА ПОТОПОМ

Валерию Якову

История наша — сплошное кочевье
на шаре земном — ненадёжном ковчеге.
И мы устоим ли назло мизантропам
в проверку потопом, в проверку потопом?
В потоп отвратительно мародёрство,
начальственной деятельности притворство,
А кто не впадает порою в отчаянье
во льду равнодушья, без веры в отаянье?
Мы часто друг к другу завистливы, злобны,
так дохристианны, так междуусобны
и тонущих рядом спасать не способны.
За чей-то успех мы готовы загрызть, и
мы в бедноститонем, в богатстве, в корысти.
Позорная мания чуть ли не в каждом
придумывать снова врагов из сограждан.
Живём, будто каждый врагами притиснут,
и нам не поможет ни тыщепартийность,
ни стадность попсовых притопов-прихлопов—
лишь те, кто избавит нас всех от потопов.
Вот что помогло нам, когда на Кубани
потоп зарычал и попёр по-кабаны,
ломая все двери и люльки калечा,
разбив тишину, как с цветочками глечик.

И плыли иконы сквозь грязь и окурки,
плыл рядом Христос в эмчеэсовской куртке,
родной, как в солдатской былой гимнастёрке,
деря двух мальцов-близнецовых на загорбке.
Неужто нужны все потопы, несчастья,
чтоб вспомнили мы, что такое участие?
И вдруг фронтовая забытая сила
воскресла во многих и нас воскресила.
Цветы зацвели по заросшим окопам
в проверку потопом, в проверку потопом.
И только когда и в потопе не дрогнем,
мы право имеем называться народом.

ШЕСТИДЕСЯТНИК

Л. Жуховицкому

Как выжил я в двадцатом диком веке?!
В бесчеловечьи вышел в человека,
ушёл из-под назойливой опеки
сначала только партии одной,
а после от соблазнов прочих партий,
не уступая драгоценных пядей,
свободы, как земли своей родной.

Я был и есть и буду я свободен.
Весь шар земной мне родина всех родин,
и если он шепнёт — присядь, приляг,
избегнув клятв пустых «лжепатриотства»,
пускай лишь сердцем об землю потрётся,
и это будет выше всех присяг.

В двадцатом веке я не ждал напрасно,
что будет в двадцать первом всё прекрасно —
двадцать второго всем накладно ждать...
когда шестидесятников плеяда,
и та порой друг в друга так плевала,
что нам пришлось все бастионы сдать.

Мы думали, что антисталинисты
все на подбор душою чисты-чисты
и только сталинисты все нечисты,
хотя на шеях и у них кресты.

Но можно называться демократом
и быть таким бесстыдно вороватым,
что Бог брезгливо смотрит с высоты.

Немного надо вам сейчас отваги,
чтоб в телике съязвить мне свысока,
что был я, правда, против танков в Праге,
но ведь потом не вывели войска.

О, наши доморошенные будды!
Со мною говорите вы, как будто
вы написали «Бабий Яр» — не я.,
и это вы,
не я,
слёз не лия,
на почту, что была, на счастье, близко,
вбежали и не испугались риска,
vas пропустить к окошечку моля,
особо важной телеграммы для —
из Коктебеля прямо до Кремля,
и выпала из пухлых губ ириска —
так вздрогнула тогда телеграфистка,
спросив за телеграмму три рубля, —
забыв про мелочь, так дрожало лицо,
и полетела птичка-невеличка,
из рук твоих, моя сестра-сестричка,
вторжение трусливое клеймя.

А в этот день по Праге так могутно
Шли танки. Им там было неуютно.
Не вывели их... Чья вина? Моя!
Ну а потом в Москву летел я к Гале,
и на костре мы самиздат сжигали
и ожидали всё-таки ареста,
но, может, в тюрьмах не нашлось мне места,
И долго-долго танки без идилий
не выводили и не выводили...
К сомнениям фрондеристой Москвы
не арестован был поэт, увы!
И низко посчитал наш высший свет —
живучий подозрительно поэт.

Но самая страдальческая участь
средь мертвчины,
может быть, живучесть.

Такой высокомерности породу
я знаю – это ныне наша знать...
Не лезьте проповедовать свободу,
Когда вы – за свободу оскорблять.

Пока в деревне бабушек лампады
от их ночных молитв дрожат в углу,
работают вовсю уже лопаты,
чтоб склонить все, что перечит злу.

Зло и во власти, служащей лишь власти,
но и в безвласти хаоса толпы,
и в умных подлецах, и в глупом счастьи,
когда гордятся тем, что так тупы.

Зло не в идеалистах, так ерпистых,
а в тех, кто рвутся вверх, нам всем грозя,
и чуточку похожи на фашистов,
а это нам ни чуточки нельзя.

И я, шестидесятников наследник,
кто с детства помнит слово Магадан,
из могикан, но только не последних, –
наивных, но бессмертных могикан.

Мы сами – двадцать первый век. Мы сами
в ответе перед ним и небесами.
Так что же мы у собственных ворот,
порой в трясине, а порой разини,
чего-то ожидаем от России,
когда она от нас так много ждёт?

Ирина ЕГОРОВА-КРЕКНИНА

Саров, Нижегородская область

СВЕТ МОЙ...

Ночи старанья сводящий на нет
Ты появился – серебряный свет,
Каждый листок, каждый зелени клок
Ты своей светлостью вдруг обволок.

Ель завздыхала и каждой иглой
Стала прощаться с природною мглой.
Ивы запели. И тётка-ольха
Заправляла шальные меха.

И, отразившись в сиянье лесном,
Быль показалась мигающим сном.
Свете мой тихий, откуда возник?
Я твоей силы целебной – должник.

Зря меня ждёшь ты, пустышка-кровать,
Буду свой свет до утра целовать...

МОСКВА-РЕКА

Пронизав текучестью извечной,
Отразившись в окнах и крестах,
По пути создав Замоскворечье,
За века как будто не устав –
Ты струишься. В солнце замирая.

Золотая, тёмная вода.
 Так ли важно — первая, вторая —
 Важно, что питаешь города.
 Свеженосна, каменнобережна...
 Оттого особенно милей,
 Когда ты, светло и обережно,
 Плещешь у Коломенских церквей.

В коей разруха — обычная пища.
 Не оторваться от бывшей программы,
 И окружившие калейдоскопы
 Просят вести немедлительно маму...
 Маму, что выжила после Потопа.

ЗВЕЗДЁНЫШ

Эту ночь, как водку, испей до дна —
 И сиди в окошке, да волком вой.
 Ты не бойсь, не выплыvu у окна,
 Уподобясь молнии шаровой...
 Да не бойсь, не выйду — умом светла,
 Да не всякой горести свет — в окне.
 Я и так ведь с неба к тебе сошла
 Голышом понежиться в простыне...
 Помню, вслед кричала мне мать-звезда:
 «Да не делай лишнего, свет блуди!..»
 И текли небесные поезда
 Вниз — с её звездёнышем на груди.
 Буду телом, гладеньkim, как яйцо,
 Прижиматься к войлочной тишине...
 Ты хмельное — к небу — держал лицо,
 И оно навек полюбилось мне.

ШКОЛА

— Знаю, за что получались пятёрки —
 Белых немало грязнил я сорочек.
 Новая школа — и новые сроки,
 Точки-тире вместо стареньких точек.
 Вместо уютных почтенных стараний —
 Полупрорывы к каким-то границам.
 Сны — вместо формул,
 миры — вместо зданий,
 Вместо теорий — убитые птицы.
 Эта учёба — поток наваждений,
 Здесь дисциплина — насмешка для нищих.
 Школа познаний своих заблуждений,

Наталия ЕЛИЗАРОВА

Москва

* * *

Я спрячусь от осени, не дам ей себя оплакать.
Стоят вдалеке скамейки без горожан.
Старушка гуляет с внучкою, и собака
Стоит чуть поодаль, от холода хвост поджав.
Старушек-то было трое, но только эта
От них отличалась ярко-рыжим пальто
и тёмно-бордовой ягодкою берета,
Но только писала я вроде бы не о том...
И дедушка с палочкой тихо идёт по скверу,
И ветер осенний лезет за воротник.
И я принимаю слово «развод» на веру,
Как будто бы фразу, вычитанную из книг.

* * *

Где-то под левой твоей ключицей – дом,
Слепо уткнуться и потерять ключи.
И ни к чему «почему» и незачем ни о ком –
Надо же было так походя приручить.
Эта тропа на склоне, закате дня,
И отправная точка – твои следы.
Я задыхаюсь – не прогоняй меня,
Лучше давай постоим у седой воды,
У ледяного зеркала, тереблю
Пуговицы и лацканы на пальто.
Тихо. Мороз. Дыханье твоё ловлю.
Ни почему, ниоткуда и ни за что.

* * *

И уйти – не уйдёшь из судьбы
не взаправду своей.
Видишь, клён облетел
и безвременник ветер качает.
Видишь, снова печаль подошла
и лежит у дверей
И, помимо неё,
у калитки никто не встречает.
Ощущаю рукою зарубки истёртых перил,
Вижу вещие сны –
дождь едва заполощет по крыше –
Ты приходишь сюда,
ведь всегда я тебе говорил:
«Ноги нужно в тепле...»
Впрочем, что вам, явившимся свыше.
Хоть пол слова побудь,
хоть немножечко мне расскажи.
Улыбаешься ласково,
дождь потихоньку стихает.
И рассвет... Для чего?
Для чего я опять-таки жив?
И воюю с собой и с тобой
непременно стихами?!

* * *

На кладбище светло.
На кладбище светло.
Там чистые снега
и снега – по колено.
И фото на меня
взирает под ветлой,
как будто восстаёт
из плена и из тленна.
Да, памятник хорош!
Стоит уже давно.
И, видно, только я
его недоглядела.
Но ей-то всё равно!
Теперь уж всё равно.
А вам... ну что за спрос...

Кому какое дело?!
 И тряпкой протерев
 гранитную плиту,
 и положив цветы —
 следы мои — провалы —
 обратно я уйду,
 по снегу я уйду
 в день крайний февраля,
 зимы и Калевалы.

Геннадий ЁМКИН

Саров, Нижегородская область

* * *

Сентябрь.
 Несильные грибные
 Идут дожди об эту пору.
 Редеют кроны проливные,
 Ещё притягивая взоры.

Сквозь тучи,
 Хрупок каждый, тонок,
 Пробываются редкие лучи.
 И, как застенчивый ребёнок,
 Природа мудрая молчит.

И мне молчанье станет в счёт.
 Оно — сродни молитве в храме.
 А то, что по щекам течёт —
 Не объясняется словами.

Учусь молчанию листа.
 Внимаю таинству долины,
 Где вспыхнул каждый куст рябины
 Библейской раною Христа.

БРОНЗОВЫЙ ЖУК

Вот и в наши края добралось
 Травяное славянское лето.
 Все леса и озёра насквозь
 Нисходящим пронизаны светом.

Смолянистый, душистый, лесной
Дух летает на каждой поляне.
Жук из бронзы гудит надо мной:
— Тут молились и пели славяне!

Древний житель из прошлого дня,
К смене лиц и наречий привычный!
Ты запомни теперь и меня,
И ладони в соку земляничном.

Может быть, через тысячу лет,
Прилетая на детские крики,
Прогудишь: — Тут когда-то поэт
Перепачкался весь в землянике!

Будешь древнею бронзой гореть.
Будут травы дышать чудесами.
Будут дети на это смотреть
Голубыми моими глазами.

ФЛЕЙТИСТКА

Она нашла божественные звуки!
Зачем флейтистке маска и слова.
О, как печально оголились руки!
О, как склонилась низко голова!

В каких краях душа её парила?
Какие тайны вдруг открылись ей?
Что быть собою тело позабыло,
Что зал, не слушал — а летел за ней!

Пусть судит Бог поэтов и паяцев,
Но ей — простит, что дышит в эту трость.
Что ради страстных губ и нервных пальцев
От жизни этой тело отреклось.

* * *

К вечеру немного порошит.
Даже чуть присыпало оконце.
Первый снег, он долго не лежит,
Он водою талою проснётся.

Первый снег, он в том не виноват,
Что земля про лето не забыла,
Что река до хруста не простила,
И едва, но теплится закат.

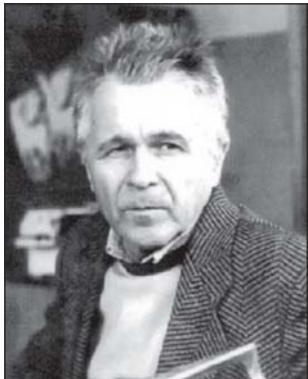
Что мороз не вызвенил дорогу,
Что пока ешё по вечерам
Месяц вновь бредёт от стога к стогу,
Словно нищий в праздник по церквам.

Но уже, поигрывая силой,
Всюду рыщет ветер-снеговей.
Дышит в спину осени постылой
И подол обтрёпывает ей.

Александр ЗАЙЦЕВ

Санкт-Петербург

ФЕВРАЛЬ

И радостно, и устало
Осилив смиренно даль,
У храма Петра и Павла
Молитву творит февраль.

Про снежное бездорожье,
Про ветреные дела,
И слышит – как слово Божье –
Запели колокола.

А следом, рассыпав трели,
От светокрыла зари
Зажжённые полетели
Синицы и снегири.

И, не пуская в душу
Усталости боль и лёд,
Февраль, как монах-слушник,
В ближайший лесок идёт,

В глубинку, где лёг валежник
И, спрятав от глаз свой склеп,
Монашек – седой подснежник
Свечой согревает снег.

* * *

Октябрь пришёл без опозданья.
В том нет особенной беды,
Когда вершитсяувяданье
Деревьев, воздуха, воды.

Когда в цене особой – печка,
А дням безветренным – почёт,
В моей душе осенней речка
На ощупь, кажется, течёт.

Над ней, и серой, и остылой,
Не слышен звонкий птичий гам.
Набрякло холодом светило.
Тяжёлый снег по берегам.

В последний раз взлетела рыбка.
Вот-вот и схватит воду лёд,
Но и сейчас твоя улыбка
Застьять той речке не даёт.

МАМА

Устала ты, родимая, и вот,
Передник сняв, повязанный с рассвета,
На лавку села, и который год
Тревожно смотришь на меня с портрета.

Побыть с тобой мнеечно недосуг,
И всё-таки, робея от волненья,
Забыв про всё, принёс тебе на суд
Свои удачи, беды и сомненья.

И ты врачуешь боль и судишь ложь,
И кажется порою мне в безмолвье,
Что ты, очнувшись, медленно вздохнёшь,
И оживут глаза, и дрогнут брови,

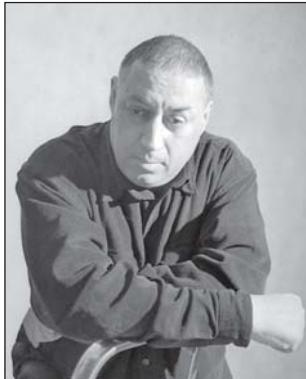
И просветлеет в комнате чуток,
И передумав многое ночами,
Сумеешьтихо вымолвить: «Сынок!»
Обветренными жёсткими губами.

И пусть с годами память устаёт,
Но я так ясно вижу, вижу, мама,
Пикирующий чёрный самолёт
Над эшелоном, мчащимся полями.

Укрыв меня собой, могла ль ты знать,
Что никуда от пуль уже не деться?..
И будеттихо, мама, угасать
Твоё большое, солнечное сердце.

Сергей МНАЦАКАНЯН

Москва

ВЕЩИ ГЕНИЯ*К 200-летию со дня рождения Михаила Лермонтова*

Думая о Лермонтове, мне хочется привести огромную цитату. Я предполагаю, что она вам неизвестна, так как за сто шестьдесят последних лет была напечатана всего дважды — в книге известного литературоведа Павла Щёголева, 1929 года издания, и в этой же книге, переизданной в наши дни мизерным тиражом. А цитата, по-моему, феноменальная. Это «всего-навсего»:

«Опись имения, оставшегося после убитого на дуэли Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова*

Учинена Июля 17 дня 1841 года»

*Опись приводится с сохранением особенностей орфографии по подлиннику, хранящемуся в собраниях Пушкинского дома (сноска П. Щёголева).

Итак, «Опись имения»:

«№№	Название вещам	число вещей и денег
1.	Образ маленький Св. Архистратиха Михаила в Серебрянной вызолоченной рызе	1
2.	Образ не большой Св. Иоанна Воина в Серебрянной вызолоченной рызе.	1
3.	Таковый же побольше Св. Николая Чудотворца в Серебрянной рызе с вызолоченным венцом	1
4.	Образ Маленькой	1
5.	Крест маленькой Серебрянныий вызолоченный с мощами	1
6.	Собственных сочинений покойного на разных ласкоточках бумаги кусков	7
7.	Писем разных Лиц и от родных	17

8. Книга на черновые сочинения подарена покойному Князем Одоевским в кожанном переплете	1
9. Карманная книжечка маленькая	1
10. Бумажник Сафияновый	1
11. Шкатулка Орехового дерева с бронзом	1
12. Денег Ассигнациями две тысячи Шесть Сот десять рублей	2610
13. Ножик перочинный с ножницами и другой небольшой сломанный	2
14. Бритв в черных черенках в футляре	2
15. Кисть для бритвия с ручкою Нейзильбер	1
16. Ремень для точений бритв	1
17. Карманный гребешок складной роговой	1
18. Лорнетка с двумя стеклами золотая складная в перламутровых черенках	1
19. Погребец обит тюленевою кожею с жестяною оковкою с внутренним Замком	1
20. В нем рюмка стеклянная одна	1
21. Солонка таковая же	1
22. Банок стеклянных с крышками	3
23. Тарелок фаянсовых	5
24. Ложек Серебрянных столовых	3
25. « « чайных	3
26. Ситичко чайное Серебрянное	1
27. Ложка Соусная Серебрянная	1
28. Ножей простых с вилками пар	3
29. Сертуков суконных форменных поношенных с красною подкладкою	2
30. Сертук Летний шерстяного ластику	1
31. Сертук суконный форменный на калмыцком меху	1
32. Мундир поношенный	1
33. Брюк одни новые другие поношенные суконных форменных	2
34. Шаровары поношенные	1
35. Таковые же верблюжие серые	1
36. Таковые-же Серого Сукна поношенные	1
37. Эпалет мишурных пар три	3
38. Черкеска простого темного сукна	1
39. Желет Шелковый Черный поношенный	1
40. Бешмет Белый каленкоровый	1
41. Халат Бохарский Кашемировый	1
42. Халат Малашовый на меху кримских Мерлушки	1
43. Шинель Светло серого Сукна с красным воротником Летняя на декамитовой подкладке	1
44. Таковая же на вате светлосерого сукна с бобровым воротником подкладка таковая же	1
45. Персицкий войлок цветной двойной	1

46. Подушек пуховых три малых	3
47. Одеяло фланелевое	1
48. Калмыцкий Ергак	1
49. Шапка Шерстяная вязаная синяго цвету старая с красным окулоншком	1
50. Рубашек канаусовых старых	7
51. Шаровары летние белые	1
52. Рубах холщевых белых старых	2
53. Подштанников холщевых старых	7
54. Подштанников холстинковых одне	1
55. Платков носовых цветных шелковых	8
56. Батистовых белых платков	5
57. Полотенцев личных ткацкого холста	8
58. Фуфаек фланелевых три и летняя канифасовая одна итого	4
59. Рубашка фланелевая длинная	1
60. Подштанники фланелевые	1
61. Салфеток белых разной величины	15
62. Скатертьей три	3
63. Носков нитяных пар	12
64. « « шерстяных пар	3
65. Фуфайка и подштанники лосинные	2
66. Банное полотенце	1
67. Наволочек на подушки холщевых	6
68. « « Ситцевых	6
69. Простынь	2
70. Шарф шерстяной красный	1
71. Стирочных полотенцов	13
72. Шейных косынок шелковых черных	3
73. Платок бомажный шейный же	1
74. Портупей Четыре	4
75. Темляков мишурных	2
76. Шапочек вязанных бомажных	2
77. Перчаток белых замшевых пар пять	5
78. Мыльница апплике	1
79. Головная щеточка двойная	1
80. Печать Гербовая Стальная с ручкою	1
81. Одеяло Персицкое на подобие скатерти пёстрое большое	1
82. Папах форменных с прибором из коих одна старая две	2
83. Полусабли с серебрянным темляком	1
84. Шарф мишурный	1
85. Фуражка Суконная белая с красным околушком	1

86. Пистолет Черкесский в серебрянной обделке с золотою насечкою в чехле азиятском	1
87. Кинжал с ножиком с белою ручкою при нем поясок с серебрянным с подчерникою прибором 16 штук и жирничка Серебрянная же	1
88. Шашка в Серебрянной с подчерникою оправе с портупеею некоей 12 пуговиц Серебрянных с подчерникою	1
89. Перстень Англицкого Золота с берюзою	1
90. Кольцо червонного золота	1
91. Подсвечников Аплике малых	2
92. Оловянных тарелок	6
93. « мисок	2
94. Кастрюль красной меди небольших	4
95. Самовар желтой меди складной	1
96. Железная кровать складная без прибора	1
97. Чемадан коженный	1
98. Сундуков колясочных обтянутых кожею	2
99. Седло Черкесское простое с прибором	1
100. Лошадей две, мерин масти тёмносерой грива на правую сторону лет 4 на левом боку на передней и задней ноге тавро О, и 2-й Мерин масти светлосерой Лет 10. Грива на правую сторону на левой задней ноге тавро О	2
101. Крепостных людей Иван Вертюков и Иван Соколов	2

Подполковник *Маноенко.* (?)

Пятигорский Плац Адъютант Подпоручик *Сидери.*

Квартальный Надзиратель *Марушев.*

При описи находились: Пятигорский Градской Протоирей *Павел Александров.*

При описи находился Пятигорский Градской Глава *Рыжиков.*

Словесный судья *Тупиков.»*

Что это? Завершение трагедии? Стилизация постмодерниста? Летопись и реестр ломбарда? Конспект романа? Ну, и т.д.

Да, здесь есть, над чем подумать... Над состоянием русского дворянина. Над гардеробом имперского офицера. Над бытом русского поэта... Над «всеобщей грамотностью» тогдашнего офицерства. Ну, и т.д. ...

Перед вами эпохальный документ. Пронзительный своей «последней прямотой». Запечатленная в списке вещей жизнь человека.

Вообще-то не густо «имение», оставшееся после смерти, говоря красиво, великого сына России. Конечно, сделаем скидку на походные условия. Но не факт, что в его столичном доме оставалось много личных вещей. Все моё, как говорится, ношу с собой. Каждая вещь на счету, и наличие каждой можно толковать по-разному, и эти толкова-

ния и объяснения могут быть необычайно интересными. Например, можно отметить некоторую тягу к роскоши. Погребец всё же обит «тюленевой кожей». В этом есть некий изыск. Правда, содержание его небогато. Да, денег всё же при себе Лермонтов держал немало: две тысячи шестьсот десять рублей – большие деньги по тем временам. Однако такие, что можно и проиграть в карты за неудачный вечер. А вот с подштанниками у поэта было неважно – «холщевых старых» семь штук, холстинковых «одне», фланелевых тоже «одне».... Зато имеется знаменитая в описаниях и воспоминаниях **«шинель светлосерого сукна с красным воротником»** и шарф шерстяной – тоже красный... А в целом имение поручика говорит о бедности, понятно, в рамках его сословия, а также о небрежении бытовыми удобствами. Совершенно поразительно, на мой взгляд, завершение списка «вещей» убитого на дуэли поэта. Это завершение – тоже характеристика его времени, отношений к вещам и людям. Две лошади под номером 100 и последними в описи под номером 101 двое крепостных людей Иван Вертюков и Иван Соколов – **две последние вещи**. Таково отношение в России к человеку. Лорнетка золотая или иконка в вызолоченной ризе явно приоритетнее коня или – уж точно! – человека. Людей – много, вещей – мало...

При этом «имение вещей» Михаила Юрьевича, конечно же, просто баснословно огромно по сравнению с подобной же описью, сделанной после смерти какого-нибудь безвестного крепостного раба.

Сегодня эти ценности всё же начинают меняться местами. Спасибо китайским чипам, led-телевизорам, мобильникам и ноутбукам, производителям «мерседесов» и «тойот», ну и так далее...

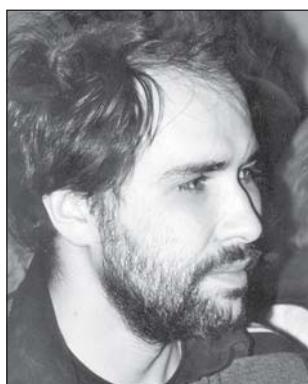
А что Лермонтов по нынешним потребительским понятиям? «Мундир поношенный....1», «шаровары поношенные», «чемадан коженный....1»... Да ещё «Собственных сочинений покойного на разных ласкоточках.....7». Но есть ещё что-то, что прорвалось сквозь время и стало легендой. Вот это, наверное, восклицание:

О, КРАСНЫЙ ШЕРСТЯНОЙ ШАРФ ЛЕРМОНТОВА! О, КРАСНЫЙ ВОРОТНИК ЕГО ПОТРЕПАННОЙ И ПРОПАХШЕЙ КОНСКИМ ПОТОМ ШИНЕЛИ!.. ПЛЮС РАЗНЫЕ «ЛАСКУТОЧКИ». ВОТ В НИХ-ТО, НАВЕРНОЕ, ВСЯ СУТЬ...

Максим ЗАМШЕВ

Москва

* * *

Раздави в руках хоть что-нибудь,
Сахар, ягоду, мелок.
Убежать босому по небу
Не поможет даже Бог.

Я спрямить пытался линии,
Заменял хвалой хулу,
Я сжигал романы длинные
И ложился на золу.

Льются ливни изумлённые,
Глохнет крик: — Меня не тронь.
Положу зрачки солёные
Попрошайке на ладонь.

Пусть о чём-нибудь заплачет он,
Вспомнит маменькин уют.
Пусть за что-нибудь заплатит он,
Сдачи точно не дадут.

Раздави в руках хоть что-нибудь,
Грифель, яблоко, орех.
Убежать босому по небу —
Не такой уж страшный грех.

Вечной жизни мне не надобно,
Сам себя смогу сберечь,
Мне бы только выпить снадобье,
Чтоб иную вспомнить речь.

Чтобы те меня не поняли,
Кто понять меня горазд.
Посмотри вдали не кони ли
Скачут к нам в последний раз?

Хорошо б меня заштопали,
С головы до самых ног.
Раздави в руках хоть что-нибудь,
Раздавить себя ты смог.

* * *

Я из себя выкорчёвываю
Всё, что не ты.
Кто-то кричит: ну что вы там?
Дать вам бинты?
Крепко вцепляюсь в травы я,
Только держись.
Кровью моей отравленной
Не захлебнись.

Клин вышибают клиньями —
Правда твоя.
Руки твои — две линии,
А между ними я.

* * *

Помучай меня, помучай,
Чтоб я не измучил тебя.
Идём в рестораны — скучно,
Просыпаемся, сны дробя,
А зима укрывает пледом,
Неоконченный чай-то путь.

Я уезжаю летом, —
Ты потерпи чуть-чуть.
Мне защекочут пятки
Волны грядущих дней.
Я позвоню: — В порядке?
Скажешь ты: — Всё о кей!
Разные официанты
Кьянти нам подадут.
Разные негоцианты

Счастье нам продадут.
 Разные всхлипнут арии,
 Превращая либретто в хлам.
 Разные полушария
 Треснут по старым швам.
 Такой замечательный танец,
 А превратился в конфуз.
 Тебя полюбит испанец
 Или обрусовший француз.
 А меня не полюбит никто,
 Совсем никто не полюбит.
 Потому что жизнь –
 это лото,
 В которое играют
 другие люди.

* * *

Земля не дождётся рая,
 С тайн упадёт завеса.
 Герой в конце умирает,
 Иначе пьеса – не пьеса.
 Яблоки! Белый налив мой,
 Слышиште вы, как тихо...
 Своей подавившись рифмой,
 Наверное, лучший выход.
 На свалках лежат костюмы
 Тени моей не по росту.
 Жаль, только сны и думы,
 Всё остальное просто,
 Всё остальное выше,
 Всё остальное дольше.

Был человек и вышел,
 И не вернулся больше.

* * *

Слово за слово будет присловье,
 Если больно, то синтаксис плох.
 Заблуждение стало любовью
 И застало две жизни врасплох.
 В одеяло из солнечной пыли

Завернулись, обнявшись, они.
 Им кричали: – Ну что вы застыли?
 Вы пропустите лучшие дни!
 Но они уже знали, что времена
 Сочиняет для них акrostих,
 И вчерашнее тяжкое бремя
 Невесомым вернётся для них.
 Им уже рассказали такое,
 Что попряталась смерть по углам.
 Ничего не боятся – их двое,
 Каждый вздох, каждый миг пополам.
 Слово за слово – этого мало,
 Навсегда высыхает бельё.
 Заблуждение истиной стало,
 Чтобы кто-то оспорил её.

* * *

За окном окраина Стамбула,
 Остро пахнет рыбой и дождём.
 Что мне делать, если обмануло
 Время, передёрнув окоём.

Что мне делать, если всюду пятна,
 А под ними белая крупа?
 Что мне делать, если непонятно,
 Где моя осталась скорлупа?

В небе заблудившаяся птица
 Новые выводит письмена.
 Разрешает жизнь не торопиться,
 Чтобы насладиться ей сполна,

А потом, с невероятным треском,
 В смерть войти, как дети входят в раж.
 Нам не нужен берег был турецкий,
 Отчего же стинул берег наш?

Николай ЗИНОВЬЕВ

Москва

ТАРХАНЫ

Печально-зелёным раздольем звения,
Тарханы всплывают средь белого дня.

Там храбрый невольник великой судьбы,
причина печали – в минутах ходьбы.

Вот Храм у дороги. Ограды овал.
Он словно их только что нарисовал.
И эту сейчас разорвёт акварель
чужое, нерусское слово – дуэль!

Часовня холодная. Пламя свечи.
Здесь кто-то от вечности спрятал ключи.
Спи, Лермонтов, с болью один на один.
Спи, матушки Родины праведный сын.
Спи, Лермонтов, слова волшебного друг.
Не муж, не отец, только бабушкин внук.

Так будь же на троне российских стихов
один цесаревич во веки веков!

ПАРУС ЛЕРМОНТОВА

В бурю страсти однажды ввергнутый,
он вселенскую смёл тоску –
парус белой рубахи Лермонтова
с алым следом в левом боку!

Мир тебе, Человекопарус!
Самый чистый причал мечты,
на земле, не нашедший пары,
может, парус последний ты.

Не летучий голландец призрачный,
а реальный в русской душе,
нас лечить красотою призванный
в безнадёжнейшем мираже!

Белый угол. Князь горизонта –
за чертою, где тают льды.
Дух расстрелянного Лермента,
белый-белый клочок беды...

Ослепительно одинокий,
наскитавшись в пути своём,
не нашёл ты в стране далёкой
то, что кинул в краю родном.

И волнуется мореshalое.
Нет поэта. Лишь даль поёт.
Лишь пятно на рубахе алое
так безумно быстро растёт...

ЦЕЛУЮТ РОДИТЕЛИ НАС

Целуют родители нас.
В неволости мы каменеем.
И с детства, который уж раз,
добром отвечать не умеем.

Сначала нас учат ходить,
целуя царапины, шишкы,
спеша на тесёмке пришить
две варежки к нашим пальтишкам.

И вот мы идём в первый класс,
и вот мы уходим в солдаты...
Целуют родители нас,
всю жизнь провожая куда-то.

В тех откровеньях простых
что-либо поймёшь мы едва ли.
И тут же целуем чужих,
которых мы в жизни избрали.

Сквозь все поцелуи судьбы
придём мы в одно воскресенье
и наши побитые лбы
подставим под жар всепрощенья.

Жизнь – цепь поцелуев. И нас
пусть совесть сверлит неустанно,
пока эти дни не настали,
пока не настал этот час, –

когда в безутешной росе
холодные лбы обрыдавши,
за их поцелуи, за все, –
единственный наш.

Опоздавший.

КОЛОКОЛА

Когда над речкою осенней
льёт слёзы жёлтые ветла,
в глухом селе под воскресенье
Россия льёт колокола.

Полуразрушенный заводик
с семью окошками на лес.
Иван-монах и брат Володя
готовят музыку небес.

И что за тяга та? Откуда?
Творят, как предки в старину,
своё малиновое чудо,
чтоб звоном вылечить страну.

Льёт дождь всю ночь металлом серым.
И из всего, что прячет мгла,
из грусти той, из нашей веры, –
Россия льёт колокола!

И пусть там, может, на Балканах
сегодняшний Калигула
уж разливает кровь в бокалы, –
Россия льёт колокола!

Россия льёт своё обличье,
ту форму девы молодой,
с чертами певчего величья,
где гул рождается святой.

Опять зима прошла без хлеба.
На Пасху света нет, увы!
И лес весенний просит небо
о воскрешении листвы.

И тихо молится безусый
монаший брат, неутомим,
чтоб в звон оделся каждый русский,
как этот лес в зелёный дым.

Ведь мы не все забыли песни,
не всё спалили мы дотла,
ещё не всё погибло, если
Россия льёт колокола!

Вера ЗУБАРЕВА

Филадельфия, США

* * *

Ветер с утра запустил облака
воздушными змеями.
Волны паруса раздуваются чудо-фрегатами.
Нет ничего зыбучей
прибрежного времени
И постоянней пространства морского
с возвратами
белой воды в пузырях,
и вишнёвого солнца.
По расписанью взлетает —
Шторм ли, осадки...
Смотришь —
уж четверть его над водой остаётся.
Запад луга подстелил ему.
Мягкой посадки!
Серые птички,
как моль, разлетаются в газовых брызгах.
Их не привлечь
нафталиновым цветом прибоя.
Берег исклёванный,
раковин чёрствых огрызки,
Чайка на блёстке волны,
где свеченье рябое,
Сфинксом глядит в запредельные дали.
Там рыба
Мир омывает своим плавником,
и серебряный эллипс

Тела её — в чешуйчатых созвездьях.

Как Либера
Царства подводного,
входит в лунных поверхностях
Вод океанских.
В неводах спутанных водорослей
Образы древних земель колышутся глухо.
Ими усеяны будут просторы,
что после
выйдут из тёмных воронок
раковин луковых.
Ночь в океанской чернильнице
бредит разливами,
Словно из детских размеров
её окончательно выросла,
И проливаются на сушу
её ветра торопливые,
Лишь оставляя пробелы,
что станут папирусом.

УШНАЯ РАКОВИНА

Ушная раковина —
Отголосок моря,
Знак древности,
Сбой в механизме жизни,
Стремившейся вовнутрь в темнотах вод.
И для чего, когда нарушен код?
Моллюск гигантский, полонивший сушу,
Придумавший себе любовь и душу,
Вкусивши с Древа, он не попадёт
В храм раковины тёмной и прохладной.
Всесильный, вседесущий и всеядный,
Он, по сравнению с древними, — урод,
Страдающий меж разделённых створок
И роющий к себе подземный ход
Из века в век на глубине подкорок.

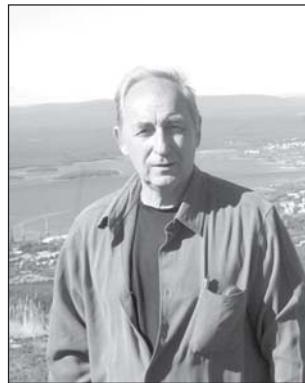
ОТПУСК

Здесь – как в раю.
 Время стоит в зените,
 Россыпи света вокруг голов,
 Ни единой тени,
 Капли воздуха с эликсиром сна –
 По его орбите
 Совершается вечный круговорот материй.
 От земной до небесной тверди –
 Полшага с пирса.
 Тело движется со скоростью
 Прямолинейного равномерного.
 Душа – никогда. Поэтому ей не спится.
 Тело с душой –
 Всё равно, что пространство со временем.
 Здесь сильней ностальгия
 По неразрешённости вечера,
 По живому текущему небу,
 По оползням строчек.
 Под зонтом абажура
 Тетрадь обсыхает. До вечного –
 Только мыслью подать. Но какой?
 Вот вопрос, что сознание точит.
 Я смещаюсь туда.
 Фиолетовых сумерек выжимка,
 Быстрый сон о тебе,
 На песке – окаёмка грусти
 От волны откатившей,
 Где чайка прошлась обиженно.
 Вот и всё, что осталось
 От отпуска длинной рукописи.

Геннадий ИВАНОВ

Москва

* * *

Куда-то ехал, до какой-то станции.
 Летел. И плыл – и напрягал весло...
 Поэзия – последняя инстанция.
 Когда уже ничто не помогло.

Когда оставил все заботы, промыслы.
 Когда не надо никуда бежать,
 Всё позади – все поиски и полосы...
 Тогда приходит эта благодать:

Стихи писать... Неторопливо, вдумчиво.
 Стихи писать как главное из дел.
 И радоваться по такому случаю,
 Что день настал *такой*, и ты успел...

* * *

Соколов, Соколов, Соколов...
 Я стихи его снова читаю.
 Сколько много крылатых слов!
 Их собрать можно в целую стаю.

Эта стая от Волги летит.
 Как любил он родные дали!
 Соколов утончённый пинт,
 Мы искусней его не видали.

СТИХИ О КОКТЕБЕЛЕ

Отлив прибоя катит гальку в море,
Она стучит как будто кастаньеты...
Кому-то здесь и чудо и лав стори,
А мне милы писатели-поэты.

Ещё они здесь вроде как бы к месту,
Стихи читают, смотрят на закаты.
Друг с другом им в Москве неинтересно,
А здесь они воздушны и крылаты...

Уходит в море мыс Хамелеон...
Уходит в море катер или лодка...
Здесь древний Коктебель со всех сторон.
А на столе коньяк стоит и водка.

Очередной гуляет фестиваль.
То в честь Волошина, то Гумилёва...
И здесь всегда себя немного жаль,
Что не твоё тут просияло слово.

О, Коктебель, священная дыра.
Для многих ты – родная конура.
Для тех, кто подустал и постарел,
Ты это место и берёг и грел.

НА ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА ГАМЗАТОВУ В МАХАЧКАЛЕ

Великий поэт из аула Цада,
К тебе приходить будут люди всегда.
Читать твои строки и просто стоять,
Пытаясь величье поэта понять.

А это есть тайна – великий поэт,
И нету разгадки – есть мудрость и свет.
Он жизни опора и птицы полёт,
Он в душах людей – согревая – живёт.

Он воздух и горы. Единства завет.
Он требует мира – великий поэт.
Слова его в небо уходят с пера,
Он молит у неба для всех нас добра.

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МУСТАЯ КАРИМА

Под переклики осенних стай
В полях, где аулы, деревни,
Земля в округе вздохнёт: «Мустай...»,
Качнется деревья.

Река вздохнёт, он любил реку.
В его день рождения
Поэт молодой прошепчет строку
Мустая – и обретёт вдохновенье.

Обычный в мире осенний день.
Но здесь, на земле Мустая,
Он будет всегда, как прекрасный олень,
Проходить, благородством блистая.

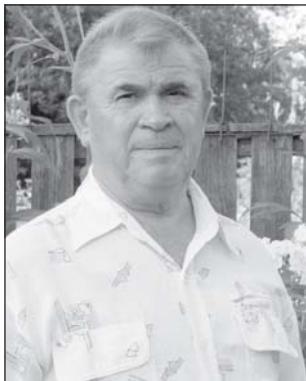
И будет ли дождь, или даже снег,
Но здесь, на земле Поэта,
Запечатлён этот день навек
Как день чудесного света!

Под переклики последних стай
В полях, где аулы, деревни,
Земля в округе вздохнёт: «Мустай...»,
Качнется его деревья.

Александр ИВУШКИН

Волоколамск, Московская область

РАССВЕТ

Чуть заметно мерцая,
как свет в слодяное оконце,
а потом всё сильнее –
в полнеба пожаром горя! –
над приламским заречьем
поднимается тихое солнце,
осыпая траву
золотистым зерном янтаря.

Верю в долгую жизнь,
где всё так неизменно и древне:
пыль остывшей дороги,
в траве зазмеившийся кнут,
суетливость собак,
проводящих скот за деревню,
деловитость хозяек,
хранящих домашний уют...

И рассвет – словно храм,
где река со святою водою,
где легки и прозрачны
небесные своды шатра.
Заходите в него
с неудачей, с печалью, с бедою!..
Припадите губами
к истокам любви и добра.

Торопитесь, земляне,
в ознобной заре исцелиться.
Торопитесь, покуда
земля отпускает грехи.
Торопитесь, покуда
зари чудодействие длится
и его не спутнули,
в деревне крича, петухи!..

СТУЖА

Мороз как будто осерчал.
И три подряд недели
крепчал, бессовестно крепчал!
А мы чего хотели?

Того, чего на свете нет:
тепла, любви и воли?..
Скрипели яблони в ответ.
Или продрогли, что ли?

Чирикал старый воробей,
запрятав душу в теле.
И не понять – ну, хоть убей!
Кто он на самом деле!

В шерсти, от стужи пряча нос,
не лая, не артачясь,
лежал окоченевший пёс...
А как прожить, не прячясь?..

Озябших щёк не три до дыр –
не испугаешь стужу.
Мороз заполонил весь мир.
Не вылезти наружу.

ПРО МАКАРА-ЧУДАКА (Вступление в поэму)

...А Макар телят не пас
там, где нас пугают глушью.
У него был меткий глаз,
он пристрастен был к оружью.

Не был даже он знаком
с той телячьей глухоманью.
И Макаром-чудаком
слыл по общему признанию.

На Кавказе воевал,
был лихим бойцом спецназа.
Бил бандитов наповал,
не промазавши ни разу.

Под селеньем Кураги
минный взрыв рассвет прорезал!..
В дом родимый без ноги
он пришёл, скрипя протезом.

Правда, дома у него
никогда и не бывало,
Не ласкала жизнь его.
В глубине полуподвала

он до армии имел
небольшую комнатёнку.
Жил в те годы, как умел,
вместе с рыженьким котёнком.

Не мешал он жить другим,
и ему мешали редко.
То, что было дорогим, —
пиджачок да брюки в клетку.

Часто бегал в детский тир,
где любим был и — старался...
Не ходил среди задир,
не имел... не привлекался!..

Жил, до срока не тужил.
Хорошо там или плохо,
но России послужил,
как сподобила эпоха.

Елена ИСАЕВА

Москва

* * *

Ветер треплет воланы фартучка...
И на миг загляделись все,
Как хочет официанточка
С дальнобойщиком у шоссе.

Не люблю пересуды-сплетни я,
Но поскольку сказали уж... —
У неё близнецы трёхлетние
И безудержно пьющий муж.

Даже тополь, зачахший, тощенький
От улыбки её цветёт,
Но жена есть у дальнобойщика,
От которой он не уйдёт.

И хозяин бензоколоночный —
То ли Гагик, то ли Руслан —
В безнадёжной досаде водочный
Опрокидывает стакан.

И не знаю я — мудро, глупо ли
Дать уянуть своей красе
В Мелитополе, Мариуполе
В белом фартучке у шоссе.

СУХОЙ МОСТ

Здесь торговцы прячутся в тень —
Вещи за себя говорят.
На Сухом Мосту каждый день
Прошлое разложено в ряд.

Отголоски бывшей страны —
Карточки, значки, ордена —
Никому теперь не нужны,
И моя ли в этом вина?

Наклоняешь голову вниз —
Словно давит на плечи груз...
Старые афиши актрис —
Их любил и знал весь Союз.

Солнечный июльский Тифлис —
В изумрудном абрисе гор —
Балерина, лыжница, лис,
Лётчик — детства белый фарфор...

Где ещё так лица чисты?
Взгляды статуэток лови...
То ли это мост без воды,
То ли это жизнь без любви...

Я давно не прошлым живу,
И не объяснить никому,
Почему с собою в Москву
Мальчика с собакой возьму...

* * *

Если я гляжу в окно ночное,
Звёздный свет ловлю издалека,
Если я ещё о чём-то ною, —
То не всё потеряно пока,
То ещё, пожалуй, есть возможность
Быть живее прочих неживых.
Берегись — одна неосторожность
И слова оборотятся в жмы.
Что карета в тыкву — непечально:
Путь ногам привычнее в пыли.
Только бы слова внутри звучали,
Только б жизнь вмешать они могли.

* * *

Как на расстоянье чувство обоядно!
Иdealный образ рисовать не трудно!
Ужин не готовить, не стирать рубашки,
Не швырять при скоре в исступленье чашки,
Не рыдать от боли, увидав случайно,
Как он улыбнулся девушке из чайной,
Не следить — какая на миру погода,
Не считать минуты до его прихода.
И не раздражая ни душой, ни телом,
Беспорядком в доме, мясом подгорелым,
Или тем, что просто постоянно рядом,
Как легко остаться музой и наядой.
Что же ты позиций не сдаёшь без боя?..
Неужели хочешь быть самой собою? —
И в тоске купаясь — липкой, терпкой, ёмкой —
Разбиваешь чашку с золотой каёмкой!

* * *

Он продолжает быть.
В нём — красота и сила.
Страшно его любить.
Но всё равно — любила.

А прекратит знобить —
Радуюсь, словно чуду.
Трудно его забыть.
Но всё равно — забуду!

* * *

Подруге

Солнца исчезает полоска —
Как привет капризной Фортуны.
Что звучит в тебе отголоском
Скрипки, долетевшей со шхуны?..

Что ж так глупо ноет под сердцем?
Что ж так взгляд туманится глупо?
Это всё прочитано в детстве.
Это всё порушило грубо.

Ну, давай, настраивай струны,
Закажи судьбу – всю сначала.
Это никакая не шхуна,
Это ресторан у причала.

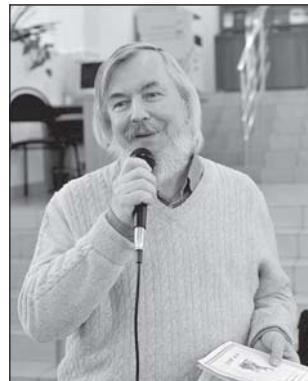
Ветер пахнет морем и солью,
На плечи накидывай свитер...
Жизнь прожить мечтала Асолю,
А оглянешься – леди Винтер...

* * *

Над судьбой страны б заплакала,
Тосковала бы навзрыд,
Но Евгения Исаковна
На скамеечке сидит.
Нынче пенсия – копейка.
А вспомни прежние года –
Эта хрупкая еврейка
Нефть разведала тогда.
Собирались экспедиции,
Подчинялись мужики,
И слыла она царицею
Среди тундры и тайги.
Лётчик бережно подсаживал
С вертолёта в вертолёт –
Там, где нынче доят скважины
И ведут нефтепровод.
Для неё теперь событие –
Встретить новую весну.
Но до сих пор её открытия
Кормят-поят всю страну.
Шарфик, белая береточка.
– Разве это в нищете? –
Говорит. – Да бросьте, деточка,
Времена всегда не те.
Мерседесами и фордами,
Ауди утыкан двор.
А её осанка – гордая
И прямая до сих пор.
Дух её вполне стоический
Над «Коломенской» парит.
Этой женщины величие
Мне заплакать не велит.

Александр КАЗИНЦЕВ

Москва

* * *

По жухлым травам просеки сквозной
летит тяжёлый ветер земляной
и листья пред собою гонит валом –
зелёную апрельскую тищету,
они разваливаются на лету
и бьются ураганом обветшальным,
не покрывая дёрна наготу.
А в вышине воздушное движенье –
торжественно рождается весна.
Клубятся тучи, ширится свеченье
и растекается голубизна.
И птицы рвутся в светлые проёмы,
и прутья тычут почки в вышину,
и кажется, что отголоски грома
бесповоротно утвердят весну.
В гранитном парке сталинских домов,
чи капители расцвести готовы,
фосфорицирующий свет лилов
и мостовые мокрые лиловы.
И над слепой доверчивой весной
летит тяжёлый ветер земляной,
окрашенный свечением лиловым,
валы листвы уже изнемогли,
и только руки тянутся с земли,
туда, где птицы развернулись снова
и за покров сияющий ушли.

* * *

Сколько тут домов снесли
под один замах,
лишь проплешины земли —
память о домах.
Взялся поздний снегопад
выбелить до тла
пустоту, где год назад
жизнь своя текла.
Паром дверь заволокло —
вход по одному —
застоялое тепло
плещется в дому.
Газовых конфорок пыл,
жар кухонных ссор.
А какой тут запах плыл
за окно во двор!
Коридорной лампы свет
жалко оголён.
На стене велосипед
косо закреплён.
В белом воздухе большом
в двадцать пять венцов
высится снесённый дом
без своих жильцов.
Словно струи сквозь золу
в землю, в корни трав,
все они ушли во мглу,
слова не сказав.

* * *

Порывы дождя приминают зонты,
под шёлком намокшим напрягся каркас.
В дневном освещенье щепоть темноты,
просевшись сверху, заметна на глаз.
Я мысли мои на перо обопру —
тоску беспричинную хмурого дня —
слова, словно листья, дрожат на ветру,
срываясь, по ветру летят от меня.
Они превратились в непрочную медь,
сквозящую плоть между жилок тугих.
А я ли не клялся за них умереть
и думал воскреснуть в бессмертии их.

Холодные капли их вбили в траву,
изнанку измазал газона песок,
как только просохнет, всю эту листву
потащит с собою шуршащий поток.
И будет всю ночь скрежетать под окном
по кромке асфальта — и прочь от жилья —
медных листов искорёженный лом.
Надежда моя, вся надежда моя.

МОЕЙ ЖЕНЕ

День стоит за окном, словно куб световой,
к сердцевине мутнея от тяжести света.
Медногорло, надсадно сияя листвой,
проплыает бульваром московское лето.
Громоздятся дома за открытым окном
в синеве, опустевшей без птичьего свиста,
круглогорбые липы в дыму выхлопном
напоследок мерцают корой золотистой.
Воздух выпит дождями. Нет — всё впереди.
Ничего, ничего ещё не изменилось.
Где-то к северу землю полощут дожди
и метут под подошвы древесную гнильсть.
Ничего не изменится, слово даю —
не пойдёт под уклон равноденствие это,
будет света с избытком в полдневном раю —
целый город из камня, деревьев и света.

СКАЗАНИЕ О КОЛОВРАТЕ

*(По утверждению историков,
Коловрата не существовало)*

Серебряной стала твоя голова,
не пора ли тебе назад?
Татарские кони не год и не два
на этой земле стоят.
Не третий год, не десятый год,
столько стоят на ней,
что, пузо похлопав, татарин зовёт
землю твою — своей.
Давным-давно неврастеник Ингварь
оплакал родные тела,
в церкви великой чёрная гарь
от стольких дождей сошла.
Жители новенькой крепостицы

сказать бы тебе не смогли,
где удальцы, где резвецы
рязанские полегли.
Столько было удач и бед –
работа, кровь, маята.
Только вороны с высотой лет
помнят про те места.
В каком же ты пропадал краю,
за чей ты садился стол?
А летописец в повесть свою
с горя тебя приплёл.
Должен же кто-то, выхватив меч,
доспехом дивно звения,
мурзу настичь, до седла рассечь
и сбросить его с коня.
Хватаясь за сердце, писал чернец,
криком сводило рот...
И он изверился, наконец,
что Коловрат придёт.
...Вот на границе круглой земли
выросло войско в тёплой пыли.
Перед конями простор луговой,
чёрные вороны над головой.
Луг загудел от тяжёлых подков,
рвётся к Рязани отряд стариков.
И, соразмерив конский наскок,
доспехом дивно звения,
Евпатий мурзу до седла рассёк
и сбросил его с коня.
Чудною властью властны слова,
кремня слова прочней.
Эту землю не раз и не два
считали враги своей.
Но снова и снова от дальних могил,
с неведомых берегов
отряд Коловрата домой спешил
мечами посеять врагов.
Земля моя мне навек дана
в память родных имён.
А земля врага – это та страна,
в которой истлеет он.

Евгений КАМИНСКИЙ

Санкт-Петербург

* * *

Выхожу из подземки я на Невский, а тут
пыль метут иноземки, иноземцы снуют,
по-турецки гогочут, по-немецки глядят,
побеждают, короче, и вот-вот победят.
Коль не нынче нам с вами,

то уж завтра – хана...

И уже не словами –
кровью пишет страна
для Хивы и Китая текст поэмы конца,
где ты лишь запятая, человек без лица...
Не могу я со всеми согласиться и в той
грандиозной поэме быть простой запятой.
Посему этот день мой, драгоценный такой,
в ту поэму отдельной

будет вписан строкой...

Как на битву на Невский
выхожу я проспект,
где свершается дерзкий
Вавилонский проект,
где глобально смешались
все народы в семью,
в коей правит не жалость, а тупое «убью»...
Выхожу из подземки
с динамитом в крови:
воют, вылупив зенки, иноземки: «Лови!»

и глядят, словно немцы в сорок пятом году,
на меня иноземцы, а я просто иду,
весь немного вчерашний
и бухой от тоски,
Вавилонскую башню разнести на куски...

* * *

Было дело, налево
устремлялась душа,
где румянилась дева
и клялись кореша

живь во имя хорея
в кочегарках своих
и, душой не старея,
выпивать на троих...

Не смотри так уныло!
В этих левых делах
что-то правое было,
отменявшее страх,

было что-то от бури
и от бунта слегка
наглотавшихся дури
забуревших зека,

но и что-то такое —
без привычных оков —
от святого покоя
в небесах облаков...

Смерть им в душу глядела
здесь сквозь дым сигарет
и, верша своё дело,
их сводила на нет.

Ей казалось всё мало,
и она всё мела...
А страна зарывала
второпях их тела,

знатъ их всех не желая,
закусив удила...
И погодка гнилая
ей порукой была.

Не узнает планета
до скончанья времён
сокровенного света
их нелепых имён.

И на том только свете
поразится она,
вдруг на мраморе эти
прочитав имена.

Диана КАН

Новокуйбышевск, Самарская область

* * *

Событий смутных нам темно значенье,
Но Судный день грядёт:
Исполнится библейское реченье,
И гада гад пожрёт.

И, не суя безоблачного рая,
К нам наконец,
Овец от злобных козлищ отделяя,
Придёт Творец.

Господь придёт пожар лечить потопом,
И – ной, не ной! –

библейский ладъ ковчег.
На скорбном стыке Азии с Европой
Ты призван свыше, русский человек!

Пусть неоглядна матушка-Расея –
Пожар, потоп, поклён, сумма, тюрьма...
Но даже на семи ветрах Рифея
Живи, не выживая из ума!

Живи – от Бога в вековечном шаге,
Что одолел за несколько минут!..
...Пусть вострубит пикирующий ангел,
Призвав земное на небесный суд.

* * *

Собирай, зима, котомку
Ледяных напрасных слёз!
Трясогузку-ледоломку
На хвосте журавль принёс.

И, верна своей привычке
Быть первойшей в деле том,
Эта птичка-невеличка
Разбивает лёд хвостом.

В поднебесье не летает,
Но усердием её
Лёд, сковавший сердце, стает
И стечёт в небытиё.

Припасла для всех подарки,
Несмотря на суetu –
Юной яблоньке-дикарке –
Подвенечную фату.

Речке-старице – свиданье
Со стремниной молодой.
Иве-брошенке – страданья
Над высокою водой.

Снежной бабе-несложёнке
Солнечной любви оскал...
...Всё, что мне, дрянной девчонке,
Ты когда-то обещал.

* * *

Если от горя народ обезножен –
Прялку под лавку, шашку – из ножен.
Свистнешь – и конь пред тобою – огонь!
И под копытом ковыль одолонь.

Не богатыршей-микулишной вроде
Кличут тебя, величают в народе –
Дочка, сестрица, супружница, мать...
Статочно ль прялку на шашку менять?

Слышишко, по пьяни куражатся: «Ухнем!»
Богатыри по пивнухам и кухням?..
Всё о Руси неустанно радеют –
То похмеляются, то фанатеют.

Ну проявила бы бабью смекалку,
Да поменяла бы прялку на скалку.
Скалкой сподручнее – так твою мать! –
Богатырей в честный бой подымать!

Ой, поменяла бы!.. Только вот жалость:
Богатырей-то почти не осталось!
Надо нам, бабоньки, вот о чём речь,
Богатырей на племя поберечь!..

Али мы, бабоньки-девоньки-сёстры,
Лишь на язык боевиты да востры?..
Аль богатырски у нас не крепка
И прикипела лишь к скалке рука?

Не осудите, родимые, строго!
Да пожелайте удачи в дорогу,
Ведь унывать нам никак не годится,
Матушка-шашка да прялка-сестрица!

* * *

Царевщина, примай-ка на постой!..
Ведь я готова гостевать по-царски.
Здесь зелень проросла сквозь сухостой,
И русский клён не побеждён канадским.

Горящая багрянцем октября,
Горчащая рябиновою гроздью,
Царевщина-царевища моя,
Почто зарделась в царском
взоре грозном?..

Ай ты гостям не рада? Не лукавь!..
Они ль не покуражились на славу?
И листвьев позолоченная ржавь
Навек сроднилась с отсветом кровавым...

Здесь выюги – дебютантки декабря
И февраля шальные фаворитки –
Имперские подарят соболя
Тебе, допрежь обобранной до нитки.

Здесь сквозь века обнимет речка Сок
Сокольих гор воздушную громаду.
И небосвод пронзительно высок:
Взмахни крылом и –
обожжёшься взглядом.

Здесь я пою с ветрами в унисон,
Учусь у них быть выюгой и подругой.
...И в небо, словно сокол, вознесён
Царёв Курган, парящий над окрутой.

* * *

Ты, кого я высотой окрыляла,
Далью манила, дразнила, влекла...
Ты, для кого я однажды упала
В мир, где царила полночная мгла.

Ты, для кого я сквозь сумрак окрестный,
В вечность сбежала строптивой водой,
Не уловима тщетою телесной,
Не побеждаема смутой мирской.

Ты, для кого я себя созидала –
Жгла, леденила, сводила с ума.
Даже глагольною рифмою стала,
А ведь была от рожденья нема!..

Ты, в небеса выводящий из комы
Души несчастных собратьев моих,
Вечно и всюду исконно искомый –
Несокрушимый классический стих!

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

Алма-Аты, Казахстан

ГРОЗА

I

Золотая тишина

Разлита сквозь паутину.
Створки старого окна
Невзначай рукой раздвину.
Лес осенний за окном
Накануне листопада.
Где-то отдалённый гром,
Ветра вздох после разряда.

II

Ветра вздох после разряда,
Где-то отдалённый гром.
Накануне листопада
Лес осенний за окном.
Невзначай рукой раздвину
Створки старого окна.
Разлита сквозь паутину
Золотая тишина.

* * *

Вспоминаю былого кумира,
Изменяюсь во времени сам.
И моё постижение мира
Переходит из прозы к стихам.
Я из воздуха выстрою образ,
В лабиринте небесных веществ

Запредельная разуму область
Мне поможет скрижали прочесть.
Эти поиски выльются в драму,
Из реальности выступит быль.
Я оконную выставлю раму,
Чтобы вытрясти книжную пыль.
Эта мудрость земных фолиантов
Переходит в компьютерный диск.
И не надо большого таланта
В электронном подборе страниц.
Всё подсчитано в свете программы,
Всё заложено в файлы, а ты
Ищешь воздух таинственной драмы
И раскованность детской мечты.

МАНУСКРИПТЫ

I

Городская карусель,
Звуки музыки и музы.
Где-то бродит менестрель,
С вечностью скрепляя узы.

Франкфурт, ярмарка души.
Лунный образ Маргариты.
Проступают из тиши
Вековые манускрипты.

II

Вековые манускрипты
Проступают из тиши.
Лунный образ Маргариты,
Франкфурт, ярмарка души.

С вечностью скрепляя узы,
Где-то бродит менестрель.
Звуки музыки и музы,
Городская карусель.

* * *

Это пепел святых
Проступает сквозь почву – не иней;
Это пепел святых
Всё кружит и кружит – не снег;
Это пепел святых –
В нём твоё зарождается имя,
И твоё ремесло,
И твой поэтический век.
Это пепел святых
Сединою в твоей шевелюре.
Это пепел святых
На страницах сквозь строки сквозит.
Это пепел святых
Сквозь все эти де-факто, де-юре
Проступает в судьбе
И судьбу нашу ставит на вид.

ЧОЛПОН-АТА

Когда под утро встанет свет Венеры,
Когда туман ложится на костры,
Выходишь из воды вне суеверий,
К твоим ногам я расстелю ковры.

Луна, потупив взор, в озёрной чаше дышит,
Я отражённый лик ладонями приму.
И плещется она в воде с небесной крыши,
Мне этот свет судьбы понятен одному.

Дед утренней звезды бессонницей исходит,
Зря запер на засов нагорный храм любви.
Я украду тебя, вот нам коней подводят,
Из эпоса веков дам клятву на крови.

Когда истает звёздный свет Венеры,
Когда луна уйдёт за горный кряж,
Твои следы любви и древней веры
Волна выносит на песчаный пляж.

АЛАЙСКИЙ РЫНОК

Отвесь, торговец, на весах своих,
Они скрывают тайну недовеса,
В котомку мне отсыпь плодов земных,
Я поторгуюсь ради интереса.
На сдачу добрых странствий пожелай,
Впридачу пожелай мне на пути удачу,
Чтоб было с кем испить зелёный чай
Вдали от всадников, что за добычей скачут.
Конечно, в прошлом этот ритуал,
Миф и легенда – кроме недовеса.
Но девушку по родинке признал,
Однажды встретив я в садах Термеза.
Ишак к арыку с криком подойдёт,
И в ряби вод он свою морду мочит.
Я ухожу, за мной луна плывёт,
Храня ключи в котомке южной ночи.

ОСЕНЬ НА ИССЫК-КУЛЕ

Когда с утра дождливая погода,
Когда с утра ты в спешке ищешь зонт,
Мне по душе такое время года,
Пусть мёртвый в доме отдыха сезон.
Я преступлю закрытую границу,
Я заведу волшебную тетрадь.
В ней будет жить заветная странница,
С которой только надо начинать.
Всё остальное выйдет непогодой,
Всё остальное ночью смоет дождь,
Досадуя, что он теперь не в моде,
Ты зонтик первой встречи подаёшь.
Я перейду на полутон рассказа,
На повесть я с подтекстом перейду.
А впрочем, это всё не для показа,
Не стоит перекраивать судьбу.
Ошиблись вновь синоптики в прогнозах,
Нам остаётся на ночь загадать.
Мне этот дождь, как поэтичность прозы,
Да только вся исписана тетрадь.

Елена КАЦЮБА

Москва

СЛОН

вот придет бог с головой крокодила
мутную воду Нила
по улицам проведёт
слоем сытного ила же
фасады домов выложит –
хоть намазывай бутерброд

боги с нечеловечьими головами
выберут себя в сенат совет комитет
ил затянет глаза и
в оконной раме
тебе привидится не свой портрет
глиняное месиво без души
даже не вылепишь для воды кувшин

бойся уснуть в липкой тиши –
криком криком криком
пробей небосвод
небо склонится
и выйдет из верхних глубин
Самый Великий Слон
вмиг обрушатся пирамиды
от топота грозовых ног
упадёт и рассыплется
пустым глиняным идолом
крокодилоголовый бог

МАСТЕР МОРЯ

Море Спокойствия лишь на Луне
Море Ревности ищи на Венере
Море Ярости на Марсе, наверное
На Земле – Море Любви
никем не измеренное

Мастер моря горизонтом брови нахмурил
буруны бросил на город
чайку нарёк Маргаритой
короновал горем
Чайка рвётся вверх криком «верю!»
зрачок через бурю искрит
Скрежет и скрип
старой кареты Ночи
водоворотом утра уносит прочь
Тает облаком Маргариты профиль
Мастер моря
приливом рассвета
город накрыл по самые кровли
Батискаф золотой всплывает со дна

ГРОЗА

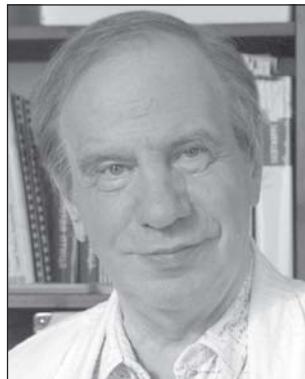
Не говори мне про облака
Пухлые лица липнут к окнам
подглядывают через штору заката
Не давай облакам имён
не прикармливай, не приручай
Не вызывай грозу
она нагрянет сама
Вазу первых капель в пыль уронили
разбили радугу на стеклянные брызги
Вот уже везут возы грома
ножницы молний кромсают горизонт
бронетранспортёры штурма
штурмуют крыши
крестовину мира раскачивают
окна распахивают

шторы раздёргивают
воют поют гасят свет
Ну уж нет!
В моём доме моя погода
мы сами себе времена года
мы сами травы деревья цветы птицы
Нарисуй синюю синицу
красного носорога
лиловую чайку над морем зелёного песка
...но только не зови сюда облака

Константин КЕДРОВ

Москва

ПЕРВОБЫТНЫЙ ПОЭТ

Первобытный поэт Маяковский
сказал: «...причешите мне уши.
Гладкий парикмахер сразу
стал хвойный...»

Всё первобытно
Поэзия и Любовь
Война и Мир
милосердие и жестокость
жизнь и смерть
Что из них первобытней?
Жизни предшествует небытие
Надо не быть чтобы родиться
Вот и этому тексту
предшествовало его отсутствие
Он появляется
опережая смерть
навсегда

* * *

В этой небесной игре
брошены кости планет
выпало мне в ноябре
здесь появиться на свет
и непонятно как мысль
может над всем воспарить
и непонятно как смерть

думает жизнь победить
и непонятно как страсть
может весь мир захлестнуть
Целое меньше чем часть
если в обнимку уснуть

* * *

Искусство затерялось в пустоте
а пустота не хуже воровства
Спасибо вам за миф о красоте –
наместнице небесного вдовства

Смотри как мы скользим с тобой с горы
на санках я прижал тебя к груди
я знаю та гора была Парнас
но санки ускользнули из-под нас

И так мы вместе жизнь давно прошла
на небе не осталось никого
луна взошла – зачем она взошла
взошла и всё, все значит ничего

Я уезжаю в детство там тепло
и холодно когда коснулся дна
и помню как ладошкою в стекло
уперся но не выпал из окна

ФОРМУЛА ДУШИ

Душа это я на линии мировых событий
13 миллиардов световых лет
делённые на срок моей жизни –
срок моей жизни, делённый
на 13 миллиардов световых лет
Физики и космологи! Я прав
Или требуются усложнения?
Поправки принимаются с благодарностью
Теорему Пуанкаре –
Перельмана не предлагать –
уже давно доказана и принята

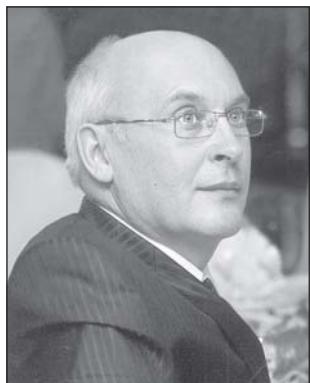
во внимание

Судьба – это лимис –
линия мировых событий
Минковского и Эйнштейна
Как циркач по канату
я иду по линии мировых событий
без страховки и без батута
«скакоша играя весёлыми ногами»
Вечность это не выдумка
это простврремя Минковского
и Эйнштейна

Виктор КИРЮШИН

Москва

ВАНЬКИ

Каждой деревне свой дурачок
Необходим, как запечный сверчок.
Кто-то ведь должен от боли кричать
Там, где неглупому лучше молчать.
Лучше урвать посытнее кусок,
Буйную голову спрятать в песок.

Мудрая власть на крыльце золотом
Тешится всласть над нелепым шутом.
Власти вовсю помогает народ:
«Ванька,
чудак,
простофиля,
юрод!»

В царские уши струится елей,
Не подпевает один дуралей.
Не вымогает себе ничего.
Крестик нательный – богатство его.
Речи юрода смутны и тихи:
«Все мы ответим за наши грехи».
Ваньку жалеет начальник и раб:
«Малый простак и на голову slab.
Нынче непросто прожить дурачком».
Ваня вздыхает и пашет молчком...

Эх, забубённая наша страна!
Если б не Ваньки, России хана.

СНЕГИРЬ

Не копи ни обиды, ни страха
На пути к неземному суду.
Вновь снегирь, беспечальная птаха,
Поселился в январском саду.

По тебе я соскучился за год.
Угощаю, чем только могу –
От звенящих рубиновых ягод
До семян золотых на снегу.

Оскудевшего неба кольчуга,
Затяжное ненастье грядёт...
Ничего, перетерпим, пичуга!
Всё проходит
И это пройдёт.

Я, конечно, неволить не буду,
Только ты не спеши улетать.
Хорошо мне с тобой, красногрудый,
Эти стылые дни коротать.

Научи одержимости взмаха,
Безоглядной свободе крыла,
Чтобы жизнь без уныния и страха
Шла вперёд,
Убывала,
Была!

* * *

Давайте о главном,
О сущем,
Чему и названия нет,
Как этим вот липам цветущим,
Густой источающим свет.

Что толку в раскладе учёном,
Ведь истина наверняка
В неявленном,
Ненаречённом,
Непонятом нами пока.

Как некая дивная птица,
Внезапно мелькнёт у лица...
И манит она,
И таится,
И гибнет в руках у ловца.

РОДИТЕЛИ

Есть город, улица и дом
В заснеженном саду.
Дверь открывается с трудом,
Но я в неё войду.

Войду, как в молодость свою,
В зелёный дом с крыльцом.
В том полупризрачном краю
Живые мать с отцом.

На склоне сумрачного дня
Присяду к ним за стол:
«Простите, милые, меня
За то, что долго шёл.

За вашу вечную печаль —
Тревогу обо мне,
За то, что падал невзначай
По собственной вине.

Грешил и попусту горел,
В аду бывал, в раю,
А вас теплом не обогрел
У жизни на краю.

Готов принять и кнут, и суд,
Ведь оправданий нет...»
Ни слова не произнесут
Родители в ответ.

Гудит-дымятся за стеной
Одна из долгих зим...
Как разочтётся жизнь со мной,
Уже известно им.

СТРАННИК

Всё бродит, взяв суму да посох,
Вдали от псов сторожевых;
В полях, пустых и безголосых,
В лесах почти что неживых.

Где ливень хлеще,
Ветер свищет,
Блистают молнии во мгле...
Того, что странник этот ищет,
И не бывает на земле.

Смешно за выдуманным светом
Гоняться, не смыкая глаз...
Но он, не знающий об этом,
Счастливей каждого из нас.

* * *

Отзывчив, почти как виолончель,
Сухой тростник, а ветер — смычок.
Я раньше боялся таких ночных,
А их оказалось наперечёт.

Луна, прильнувшая к облакам.
Звезда летит, по стеклу скользя.
Я раньше не верил твоим рукам,
А вышло — выжить без них нельзя.

Сначала многое не в цене,
Но снег запутался в волосах,
И стало ясно тебе и мне,
О чём кукушка кричит в часах.

Александр КЛИМОВ-ЮЖИН

Москва

ЧАСЫ С БОЕМ

Случалось вам в домах гостить, где бой
Звучит попеременно ежечасно,
Где бой вести бессмысленно с собой
Уснуть, подушки взбиты, всё напрасно.

И кажется, вот-вот сойдёшь с ума,
Часы в передней только начинают, —
Я знаю лишь одно — ещё зима,
Что спать и спать, что даже псы не лают.

Коленки подожмёшь как знак вопрос —
Лежишь. Часы?! Так ходят за младенцем.
Спят старики, куранты бьют, износ
Пружин приравнен к остановке сердца.

И ты не в силах это изменить:
Завод ключа, подтянутые цепи,
На пол, на час о времени забыть,
Здесь так заведено, но тем нелепей,

Что в этом бое время различать
Перестаёшь, — забвенье ли, усталость...
А знать о том, о чём не надо знать
Даже во сне предпочитает старость.

РЕМИНИСЦЕНЦИЯ (из сна)

Воздух с торфяников въедлив, сух,
Кружишься в трёх соснах.
Под Карабаровым — его дух,
На Сан-Микеле — прах.

Мне подсказали: он здесь живёт,
С видом на сельскую новь,
Честно выращивает осот,
Выдёргивает морковь.

— Это уж слишком, — подумал я,
— Если б ещё Пастернак!..
Но чтобы Бродский — грядки? Земля?..
Это уж полный мрак.

— Всё, что угодно, мой дорогой,
Только, увы, не свет.
Может поэт заслужить покой?!
Всё-таки я поэт.

— Здесь я свои коротаю дни,
Ласточкам гнёзда вью,
Только о прошлом прошу ни-ни,
Только без интервью.

Крыши пирамидальной скат,
Крылья пристройки вкось,
Парабола, вписанная в квадрат,
Посередине — ось.

Имя хозяина — дома лицо,
Или наоборот,
Круто под цоколь вело крыльцо,
Обозначался грот.

Он же был входом, за водопад
Наш продолжался путь,
Снова был дом, а за домом — сад...
— Прочтёте мне что-нибудь?

Целая жизнь разделяла нас,
Только я точно знал,
Всё, что читал я ему в тот час,
Я ещё не написал.

А напишу через столько-то лет,
Слов оседала взвесь,
Всё, что он мне прочёл в ответ,
Он написал не здесь.

Голос его звучал, как стон,
Рядом, но в стороне, —
Да, это был, безусловно, он,
Но неизвестный мне.

Ходко проехал велосипед,
Мы миновали зал.
— Помните из Марциала? — Нет.
Кто такой Марциал?

Так громыхнул бы, наверно, Рейн:
— Если б ещё Тибулл!..
И, отхлебнув из чашки портвейн,
Бродский присел на стул;

— Стул — это стул, хоть ему лет сто,
Даже если Басё,
Хайку, форма — почти ничто,
А наполненье — всё.

Я бы мог в теле любом прожить,
В местности жить любой,
Вместо бургундского брагу пить
И оставаться собой.

.....

Я бы мог в теле любом прожить,
В местности жить любой.
Вместо бургундского брагу пить
И оставаться собой.

* * *

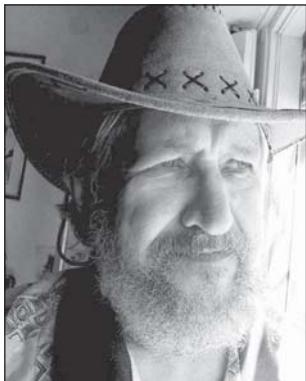
A. Волосу

Священ Михайловский комар
Меж жигалок, слепней и прочих...
Его укус прими как дар,
Когда он явится пред очи.
Пока он, зверь, промеж бровей
Сидит, на месте оставайся.
Нишкни, смирись, благоговей
И благодати приобщайся.
Се не комар перед тобой,
Не человеков погубитель —
Хранитель крови родовой
И ангел, этих мест хранитель.
Се не комар, а царь Гвидон,
Разбередивший лоб твой медный.
Се истый пушкинист, пардон,
В конце концов, се заповедный,
Ну да, комар, пусть не любил
Из-за него поэт наш лето,
Железней тростию лупил
Таких, как он, осталась мета
На елях в качестве дупла,
Зато мы знаем — эти ели —
Тебе, тебе, комар, хвала, —
Ещё при Пушкине гудели.
Во искупленье эта быль,
И смертный не поднимет дланы,
Пока лежит на дне мотыль —
Великой, Сороти, Кучане.

Александр М. КОБРИНСКИЙ

Иерусалим, Израиль

* * *

Болен отец и комнаты пахнут больницей.
Мать солонку нашупала —
щурится подслеповато.
К печурке идёт — ковыляет подбитая птица
и железным терпнемъ
её заколдована хата.

Нож. Ведёрко. Скатёрка и чайничек.
Хлебные крошки.
Хрустальная ваза! —
в ней цветы излучают тревогу
под протяжное «мяу» вчера
окотившейся кошки...

За калиткою вдаль убегает степная дорога.

По ней ли шагать мне,
сыновние чувства отбросив,
или здесь оставаться? —
без голоса тоже живут.
Над крышей воронами хриплыми
каркает осень
и над ближайшим курганом
угрюмые тучи плывут.

* * *

Твоей печали паче
печальное курлы.
Желтеет мать-и-мачеха.
Близятся дожди.
В оборках небо плоское —
вечернее жабо.
Несожатостей полоска
издали похожа
на стихи Ли Бо.

* * *

Выгул злых собак.
Лес. Река. Опушка.
Лесопилка. Стружка.
Зековский барак.

Попади на мушку.
Часовой — дурак,
без промаха, ништяк
выпускает юшку...

За вехами без вех.
Божественная поза.
Стынет человек.

В пуле — обердоза,
в небесах — ковчег,
остальное — проза.

ПОЭТ

Он в небо падал тоже —
святая простота —
в глубины, где похожи
на мёд её уста.

Лежал крестом весёлым
на терпкой мураве,
и поселились пчёлы
в несчастной голове.

* * *

Лет сто тому назад,
где каменная глыба
и где червей надыбал
дед, огибая сад –

к реке, где окунь-рыба,
где золотит закат
тропинку, восемь хат
в туманности отшиба,

покос и плёса нить;
там верещал сверчок
(он не умеет ныть) –

там проходил урок
на тему просто быть –
смотреть на поплавок!..

* * *

Уставший ноябрь докатился до слова
со смыслом, которым мычала корова:
и серая даль, и промозглый в ней воздух
простирались куда-то, лишённые мозга,
сквозь ребристое льдов ледяное молчание
в запредельно безмозглое непростирание
до точки, где дым поднимался беспечно
и казался при шаткости вечного вечным
колебанием злым – ирреальности вроде –
пил с якутами чай Маяковский Володя,
пил с мечтой революцию делать сначала,
и мычала корова – корова мычала!

СТИХОТВОРЕНИЕ

Ночь, улица, фонарь, аптека...
А. Блок

Подъезд. Скамеечка. Старик.
Он долу клонит чёрный лик –
беду и горечь – он не спит,
он сам с собою говорит.

А небу небово – оно
сегодня не поражено
ни мрачной тучей, ни дождём;
и даль – на фоне голубом.
Старуха – перекошен бок.
Глаза – желтуха в них – песок.
Идёт, как будто тянет нить –
хотя бы день ещё прожить.
А небу небово – оно
по краю – красное вино,
а в центре – бездна над крылом
покатой крыши, над бельём,
перечеркнувшим двор. Прошла
девчонка – мимо пронесла
косичку, бант, портфель в руке
и завитушку на виске.
А небу небово – оно
всегда такое, как дано.
Садится солнце – медный лик...
Подъезд. Скамеечка. Старик.

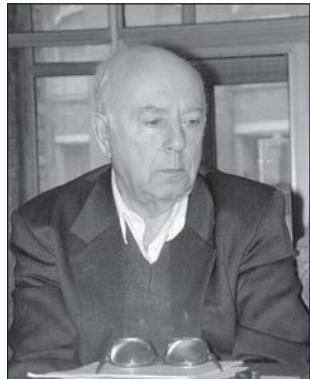
В ИЗРАИЛЬСКОМ ПОСЁЛКЕ

Русскоязычный участник
уличных соревнований
сидел, прислонившись к дереву,
и ждал чернокожего победителя,
чтобы сойтись с ним
в отчаянном мордобитии
за выявление негласного
чемпионского титула.
Это было вчера.
Русскоязычный победил.
Эфиопские пацаны
называют его Дантесом.

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

Москва

* * *

Шипение, шорох, шум —
Колёсная столица...
Где звон? Где много дум?
Как мало дум на лицах!
Бетон со всех сторон
И транспортные пробки...
И только в черепной коробке,
В моей — вечерний звон.

* * *

Длинный, длинный, длинный жизни сериал.
Так бы и сидел и вспоминал,
Целые сюжеты, эпизоды, сценки,
Подвергая их переоценке,
Пересмотру, перепроверке
По безжалостной финишной мерке
Как изменилось, что было мило! —
Помнит ум, а душа забыла...
Сколько в прошлом затёртых страниц,
Перечёркнутых лиц...
Годы счастья исчезли в тумане,
Колкий сор на переднем плане...
Ветер гоняет осенние листья,
За ними гоняется кошка...
Господи, дай мне немножко жизни,
Ещё немножко!..

* * *

Золотая пчела умерла.
Вот такие дела!
Ничего не заметил мир деловой —
В самолёт и в ракету хочется!
Только — знайте! — с последней пчелой
Человечество кончится!

* * *

Вот ключи запретные. Смешно.
Для чего они? — открыты двери.
Ни к чему стучать и лезть в окно —
Заплати. Невелика потеря.
Вот ты при деньгах и при ключах,
Только — отдыхает камасутра...
С пустотой вселенской на плечах
Ты как шут в сценарии абсурда.

* * *

Ну, как вы там в раю? В неведении, что ли,
что существует ад и вопли вечной боли?
А под землёй вулкан —
не видно сквозь асфальт?
В большие города с неоновым фасадом
вползают смертники,
а с майским райским садом
соседствует Содом и Бухенвальд!
Не внемлет слух, не различает око
хотя бы одного среди рабов пророка!

ВОРЧАНИЕ

Люблю стихи, но не самих поэтов...
Верней, люблю, пока они растут,
пока, прекраснодушием согреты,
они не превращаются в зануд.
Поэтов миллионы в Интернете,
на самом деле — очень мало их:
мне даже кажется — на белом свете
с трудом найдётся место для двоих...

* * *

Стою я на Тверском бульваре...
С. Есенин

Мечтал о пушкинской судьбе
Есенин на Тверском бульваре.
Поодаль, но с поэтом в паре –
По праву думал о себе.
И вот в столичном перегаре
В металле выпитый, тяжёл,
Стоит он на Тверском бульваре,
А Пушкин площадь перешёл...

ФЕСТИВАЛЬ

Поэты читают стихи друг другу
у моря в Дворце красоты.
В саду противно кричат павлины,
как озабоченные коты...
Поэты вручают друг другу премии,
потом гурьбою идут на фуршет...
Есть южное море, есть ветер времени,
небо есть,
а читателей нет...

ПЕРЕВОДИТЬ ПУШКИНА...

Стихи его – тяжёлый тест:
все переводы – никакие.
передаётся только текст,
когда в контексте – вся Россия!

* * *

Поэзия с бессмертием – на «ты».
Поэты не заключены в могиле...

.....
Полпенсии уходит на цветы:
ровесники на небо зачастили...

* * *

Поэт, ты веришь в горний свет,
в своё пророческое право,
но как ты мудрствуешь лукаво,
в те дни, когда ты не поэт!

Наталья КОЖЕВНИКОВА

Оренбург

В БОРУ

Шагнёшь в него – лишь зной и тишина.
Шалфеем дышит день, грозой далёкой.
И кажется, вот-вот грядёт она,
Сверкнёт с небес молниеносным оком,
Над речкой громыхнёт и стихнет враз,
Уплыв за лес тяжёлой тучей-тенью...
Цветы стоят, не закрывая глаз,
Прислушиваясь к каждому мгновению,
Свистят стрижи и падают в закат,
Что в сумраке горит уже нездешнем.
О, с кем они там тихо говорят
На птичьем языке своём безгрешном?
И радостно друг друга узнавать
По шёпоту травы, по гулу грома,
И если здесь останусь зимовать,
В сосновой зыбке буду я как дома...

* * *

Как тянет туда, где лишь ветер забвенья
В песках первозданных, и зrimо мгновенье.
Где вечные сосны над светлой рекою
Стоят, истекая медовой смолою.
Как долго они воскресали из пепла,
Как медленно песня росла в них и крепла.
И вот расплескались над светлой рекою,
И сердце живое забилось с тоскою

О том, что исчезло, да вряд ли и было,
Что душу томило, что жадно любило,
И стало песком и водой перекатной,
Незыблемым лесом, зарёю закатной...

* * *

Вот она, горечь разлуки
С красной опавшей листвой!
Тянет ко мне ветви-руки
Клён, что посажен тобой.

Весь в ожиданье ухода,
В оледенелом плenu.
В озере синь небосвода
Медленно тонет ко дну.

Свиток свой в сумрачных звёздах
Жизнь размотала уже.
Господи, где же взять роздых
Грешной безмолвной душе?

Ветер во тьме, как награда,
Вдаль улетает, забрав
Всё сумасшествие сада,
Всё одиночество трав...

Кирилл КОЗЛОВ

Санкт-Петербург

* * *

Пьянящей мечтой мореходной
Пресытился город сполна.
Разлукой усталой, холодной
Закончились те времена,

Когда мы в гостях зависали
На праздниках чьих-то побед,
Не думая — осень, весна ли
Несла романтический бред?

Хрустальное войско бокалов
Стоит на зеркальном плацу.
Нехватка начисленных баллов
С моим багажом не к лицу!

И в душу прокралась досада,
Студенческий хохот, галдёж:
«В четыре, у Летнего Сада,
Увидишь...
Услышиши...
Найдёши».

Прицелиюсь, проспорю, промажу.
Неважно, во сколько и где.
Обратно. Назад. К Эрмитажу.
Душой — к неизвестной звезде.

Игрушечный город-поделка
Наполнен постыдной мольбой...
И снова минутная стрелка
Откроет маршрут круговой.

* * *

Что я должен сказать,
если сказано всё в прошлом веке?
В позапрошлом и — ранее...
Господи, кто я такой?
Ночь, фонарь. Что ещё?
Каждый день многолюдно в аптеке,
сколько в мире недугов,
ничто не приносит покой.

Донкихотство — избитый приём,
но других не найти нам,
ни сейчас, ни потом,
презирая игольчатый страх.
Ощущая влечение к чим-то
сюжетам, картинам,
вспоминая студенчество
в общих, неточных, чертах.

Там — дученто, треченто,
великий, непознанный Джотто,
курсовая работа о Босхе и Брейгеле — бред!
Что я должен сказать?
Или надо просить у кого-то
и за что-то прощения,
в тридцать, без малого, лет?

Лучший день на земле —
улыбаться, не чувствуя боли.
Не хочу говорить!
Дайте вспомнить людей, адреса!
Гениальная роль —
нахождение собственной роли,
обретённое чудо —
поверить опять в чудеса.

Переполнена комната
утренним солнечным светом.
Что я должен сказать,
повторившись, о жизни земной?
Всё уйдёт, всё пройдёт...
И — никто не узнаёт об этом.
Только старый троллейбус
из детства приедет за мной.

* * *

Космических далей немыслимый ёмут,
Смотри, сколько звёзд! О любви говори.
Спасительным светом, который не тронут,
Живём на планете под номером три.

Придворным любимцам предложена форса,
Хвалебная песня сорвалась с цепи,
Когда превозносят прожжёного вора,
Осталось молиться: «Господь, укрепи!»

Печально... Преступно...
Прохладно... Простудно...
Признайся, ты видишь такие же сны?
Вчера я придумал фанерное судно,
Не зная ни ветра, ни силы волны.

Сегодня — повсюду хохочут зеваки
Над словом и делом, нательным крестом.
Не бойся, не прячься! Вселенские знаки
Расскажут, что было и будет потом.

Вчера — полуграмотный лепет ребячий,
Сегодня — дорога. И город вдали.
А завтра... А завтра прозреет незрячий,
Когда мы попросим: «Господь, исцели!»

И, светлое имя твоё называя,
Прерву на мгновенье бессмысленный бег.
И с неба сойдёт не вода дождевая —
Чистейший, спокойный,
Рождественский снег.

* * *

*Светлой памяти поэта
Андрея Романова*

Холодает...
И в холоде этом – предчувствие драмы,
Словно письма,
в которых прощаются люди с тобой.
Словно город,
в котором построены новые храмы,
И – жестокие судьбы с твоей,
вперемешку, судьбой.

Сколько лет испытаний
во имя, во славу, во благо?
Кто-то встретит любовь триумфально
у Нарвских ворот.
И в душе – столько слов,
что с излишком хватило бы на год,
И предательский шёпот:
«Ещё проживи этот год!»

Холодает. К чему бы?
Проносятся автомобили,
мимо Нарвских ворот, мимо Автово...
Всё как всегда!

Мы – поэты.
А значит, в любви признаваться любили,
колесили по свету, считали в купе города.

Колесили по свету,
стучались в закрытые двери,
Накрутила сюжетов лихих
вертихвостка-весна...

Нас осталось немного.
Мы снова считаем потери...
И вокруг – ничего.
Только серых дождей пелена.

29 – 30 мая 2014

Сергей КОЗЛОВ

Тюмень

СЕНТЯБРЬ

Дмитрию Мизгулину

Ты знаешь, Дим, не хочется хандрить...
Сентябрь кидает золото горстями,
Но Господа небесную финифть
Не выговоришь нашими устами.

Не хочется хандрить, но эту грусть
Нашептывает ночью стылый ветер.
Не помогает фраза «ну и пустъ»,
И мысль, что задымилась в сигарете.

Не помогают вечные сто грамм,
И разговор, что тянем не спеша,
Ведь к этим серо-синим облакам
Упорно рвётся пылкая душа.

Не успокоить в Ладожской тиши,
Холодным Иртышом не остудить...
Ты знаешь, географию души
На нашей карте мира не вместить.

Всё золото под ноги упадёт
Листвою и накроет всю дорогу.
Прощальную красою каждый год
Природа исповедуется Богу.

Пусть зябко у осеннего костра,
 Пусть пасмурно ложатся в зелень росы,
 Кому-то лишь унылая пора,
 Кому-то — это Болдинская осень.

Ты знаешь, Дим, не хочется хандриТЬ.
 И жизнь прожить как жизнь,
     а не как битву...
 И хорошо, что есть — кому сложить
 Стихи, что так похожи на молитву.

* * *

За что держусь? За деньги? Вещи?
 За нить морщин? За стрелок бег?
 За славу? Образ человечий?..
 За грязь дорог? За чистый снег?

Держусь ещё, покуда, братцы,
 За веру и за Святый Дух!
 А вот за бренное держаться
 Мне просто не хватает рук.

Леонид КОЛГАНОВ

Кирьят-Гат, Израиль

ВОЗВРАТ

Вся комната взволнованно плыла,
 И не было трагической развязки,
 Как в проявителе, вновь выявлялись ласки,
 И закреплялись прежние дела...

Он дом покинул много лет назад,
 Чужие люди в доме том осели,
 Плыл женщины осиротелый взгляд,
 И были дни... И с нею холодели...

Но — в старый дом вернувшись, наугад,
 Теней былых узреть запечатленье,
 Пред женщиной, остановившей взгляд,
 Предстал мертвец, — живой на удивление!

Вот так же я, упрямо и незримо,
 Как блудный сын к родному очагу,
 Приду к дверям единствено любимой,
 Чтоб на последнем умереть шагу!

Приду к тебе, — безвестная жена,
 Я помню все суровые заветы:
 Шептать российских женщин имена
 Лишь мёртвыми приходят их поэты!

СОРОК ДНЕЙ

Памяти Леонида Губанова

Словно листья, готовый к отлёту,
Отлетел серый стон твоих глаз,
И души неземному полёту
Не страшны псы борзые сейчас!

Смело выйдя навстречь листопаду,
Обнажилась древесная голь,
И души вековому разладу
Не страшна ни одна из неволь!

Лишь над гранью печальных стаканов:
То ль моя занавеска скользит,
То ль какой-то неведомый странник
Сорок дней предо мною сквозит!

Отлетай! Сорок дён пролетели,
И – как ведьма, любя и губя,
Мать босая бесснежных метелей
Отпускает на волю тебя!

В ЕЁ НОЧИ

(Памяти убийщих поэтов)

В моей стране, где стерегут Пилаты,
В её ночи, где бед не перечесть,
Где гениев зарплаты, как заплаты,
Где, словно стяг «Варяга», треплют честь! –

Нас отрезвит сегодняшний расклад,
Но закалит грядущая утрата,
И охладит, как Николая взгляд,
Неотвратимая за музыку расплата!

Мы пересилим нынешний обман,
Мы переможем будущую горесть,
Да будет наш единственный тиран
Завещанная нам больная совесть!

ПАМЯТИ БУНИНА

Родина рвалась на выезд,
Не убоявшись пропасть,
Зная, – что душеньку выест
Запада дымная пасть!

Страшную песню запела,
Медленно трогаясь в путь,
Словно вобрать захотела
Прежнюю милую жуть!

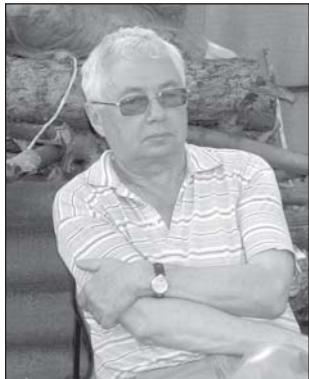
В пляске немой и безликой,
Средь городов-мертвецов,
В барах столицы великой –
Звёздно металось лицо!

То ль по нему проносились
Кони нездешних кровей,
То ль жемчугами катились
Слёзы иных сыновей!

Валерий МИХАЙЛОВ

Алма-Аты, Казахстан

ТАЙНА ПОЭТА

К 200-летию со дня рождения Михаила Лермонтова

В ряду лучших поэтов золотого века русской литературы Лермонтов, без сомнения, самый русский по духу. Основа его постижения России — глубокое искреннее чувство и поразительная, провидческая посуществу интуиция. Лермонтов всегда был далёк от умозрительных рассуждений, будущее Отчизны открывалось ему стихийно, в образах и видениях.

В 1830 году, в шестнадцать лет, поэт провидит *России чёрный год, когда царей корона упадёт* — страшную картину гибели монархии и разрушительных народных бедствий. Внешне бесстрастное, несколько сомнамбулическое описание этой жестокой катастрофы (смерть и кровь, болезни и голод) только подчёркивает, что юному поэту было дано некое откровение (вряд ли он толком знал подлинные замыслы декабристов 1825 года о цареубийстве, да и история Французской революции, о которой можно было почерпнуть сведения в книгах и рассказах, не давала прямого повода для фантазии апокалиптического размаха).

Тем значимей представляется другое видение Лермонтова о грядущем Отчизны, которое он записал незадолго до гибели, в полном расцвете творческих сил, в виде сказочной притчи:

«У России нет прошедшего; она вся в настоящем и будущем.

Сказывается сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем двадцать лет и спал крепко, но на двадцать первом году проснулся от тяжкого сна, и встал. И пошёл... и встретил он тридцать семь королей и семьдесят богатырей, и побил их, и сел над ними царствовать.

Такова и Россия».

Дар пророчества обычно понимают как способность предсказывать то, что произойдёт. Лермонтов, несомненно, был наделён прозорливостью этого рода, что особенно проявилось в его удивительном стихотворении «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...»), этом неповторимом шедевре русской и мировой лирики. За несколько месяцев до роковой дуэли он напрямую увидел собственную смерть — и всё так потом и произошло, до совпадения подробностей. Но всего поразительнее даже не это, а образ, в котором карти-

на явилась ему, — *тройное сновидение*. Это был сначала сон о его смертельном ранении; затем сон, что снится ему, умирающему, — о любимой женщине, которая сидит где-то далеко от него, на сияющем огнями вечернем пиру; и, наконец, грустный сон *души её молодой*, в котором любимой видится он сам, смертельно раненный, умирающий в опалённой жаром долине Дагестана... — Какие непомерные глубины сознания приоткрывались интуиции гения, обострённой до предела!..

Однако такое явление, как *поэт-пророк*, значит нечто большее, чем прорицатель будущих событий или же обличитель общественного зла и человеческих пороков наподобие ветхозаветных учителей. Сущность этого явления лучше всех раскрыл философ Иван Ильин:

«Они выговаривали — и Жуковский, и Пушкин, и Лермонтов, и Баратынский, и Языков, и Тютчев, и другие — и выговорили, что *художник имеет пророческое призвание*; не потому, что он «предсказывает будущее» или «обличает порочность людей» (хотя возможно и это), а потому, что *через него про-рекает себя Богом созданная сущность мира и человека*. Ей он и предстоит, как *живой тайне Божией*; ей он и служит, становясь её *живым органом* (Тютчев): её вздох — есть вдохновение; её пению о самой себе — и внедряет художник...»

Поэт-пророк и сам не знает, что происходит в глубине его души, что зарождается, зреет и развёртывается там. Но когда созревшее наконец выговаривается, это — *«прорекающаяся отрывок мирового смысла, ради которого и творится всё художественное произведение, <...> прорекающаяся живая тайна»*.

Его ранняя лирика — пылкие, романтические, сумрачные, мистические монологи, с беспощадной правдивостью и безудержной отвагой испытывающие глубины собственной души, мирские страсти и человеческий характер — и, наконец, небесные бездны, с их вечным противоборством света и тьмы, добра и зла. Его первые поэмы — исследование героического начала в человеке, широкий экскурс в историю народов и родной страны, попытка понять вечные законы духовной борьбы (уже в пятнадцать лет написана первая редакция «Демона»). В этом нагромождении стихов, будто в скопище ещё тёмных, необработанных драгоценных камней, впрочем, уже блестали совершенными бриллиантами такие стихи, как «Парус», «Ангел»...

Начав *марать стихи* в четырнадцать лет, он только к двадцати двум своим годам ощутил ту полноту духовной, душевной и творческой зрелости, которая победила в нём требовательность к самому себе и наконец вывела его — из глубин одиночества — на открытую поэтическую стезю. До этого Лермонтов показывал любопытствующим лишь лёгкие, шуточные стихи и мало кого знакомил со своими *серъёзными* сочинениями. Скорее всего, по своей исключительной взыскательности он никогда бы не опубликовал большую часть своих произведений, написанных в юности и молодости, — но по его смерти распорядились иначе...

«Бородино» было первым стихотворением, которое поэт сам отдал в печать и подписал своим именем.

И это произошло не раньше и не позже того, как Лермонтов утвердился в самом себе как *народный поэт*. Конечно, вряд ли он определял своё самоощущение такими словами, но суть от этого не меняется. Перед читающей публикой, а шире — перед народом, он хотел — и появился именно в таком качестве.

Впрочем, к тому времени, то есть к маю 1837 года, когда «Бородино» было напечатано в журнале «Современник», всё произошло само собой: Лермонтова уже знала вся читающая Россия. Знала по одному стихотворению — «Смерть поэта» — не опубликованному, но переписанному в тысячах и тысячах экземпляров множеством людей.

Стихотворение на смерть Пушкина определило судьбу Лермонтова резко и бесповоротно. Вернее сказать, сам поэт — раз и навсегда — изменил свою жизнь этими стихами. Бесстрашно и безоглядно. Свободно повинуясь порыву своего могучего естества.

Явление Лермонтова было столь ярким и неожиданным, что общество далеко не сразу поняло, что же произошло и что за поэт вдруг возник на небосклоне русской словесности.

Георгий Адамович впоследствии с удивлением отметил, что все современники Пушкина входят в его «плеяду», а вот Лермонтова «туда никак не втолкнёшь»:

«<...> он врывается в пушкинскую эпоху как варвар и как наследник, как разрушитель и как продолжатель, — ему в ней тесно, и, может быть, не только в ней, в эпохе, тесно, а в самом том волшебном, ясном и хрупком мире, который Пушкиным был очерчен. Казалось, никто не был в силах отнять у Пушкина добрую половину его литературных подданных, Лермонтов это сделал сразу, неизвестно как, с титанической силой, и, продолжай Пушкин жить, он ничего бы не смог изменить».

И далее:

«По-видимому, в самые последние годы Лермонтов сознавал своё место в литературе и своё предназначение. Но в январе 1837 года он едва ли о чём-либо подобном отчётливо думал. Однако на смерть Пушкина ответил только он, притом так, что голос его прозвучал на всю страну, и молодой гусарский офицер был чуть ли не всеми признан пушкинским преемником. Другие промолчали. Лермонтов как бы сменил Пушкина «на посту», занял опустевший трон, ни у кого не спрашивая разрешения, никому не ведомый. И никто не посмел оспаривать его право на это».

В «Смерти поэта» чувство так живо, простодушно и трепетно, что не сразу понимаешь: стихотворение слишком *личное*, чтобы быть только о Пушкине. Это ещё — и о себе: тут невольное предсказание и собственной участи. Так ведь *смерть-то — поэта!*..

«Бородино» вышло в свет через несколько месяцев, как раз тогда, когда Лермонтов подъезжал к Кавказу на место новой службы.

Жить и творить — отныне уже печатая свои произведения — ему оставалось всего четыре года...

«Смерть поэта» — не самое лучшее и совершенное стихотворение Лермонтова; есть там и фактические неточности. Но при всех издержках оно — по дыханию, по пламенному напору — явление *большого огня*.

Большой огонь обновляет душу.

Впечатление от этого стихотворения было столь сильным, что никто не заметил вдруг возникшего чуда.

Этим чудом была — лирика.

Несколько лет до этого Лермонтов как лирик жил почти в полном молчании. И вот лирические стихи вновь пришли к нему. Они возникли на выжженном пустыре юнкерских поэм, стихотворной эпики с уклоном в прозу, недописанных романов, что он бросал на попутни, торопливых любовных разборок в виде драматических произведений и про-

чего... всего, что нанесла его могучая, неутомимая творческая натура на опустевший после юности алтарь лирической поэзии.

«Ветка Палестины», «Когда волнуется желтеющая нива...», «Молитва» («Я, Мать Божия, ныне с молитвою...»), «Кинжал», «Дума»... – чуть ли не сплошь отборные стихи, одно лучше другого. Сильное чувство, стальной ум, неповторимый напев, несравненная интонация!..

В Лермонтове появилось новое качество. Время для него предельно уплотнилось, породив в стихах небывалую энергию содержания.

Внешне Лермонтов жил, казалось бы, своей обычной жизнью офицера, светского человека, доброго приятеля, неутомимого на выдумки и шутки в товарищеском кругу. Но внутри – совершилась иная жизнь. Душа – вошла в область такого высокого поэтического напряжения, что в любое мгновение поэта и с к р и л о – стихами, прозой, замыслами, сюжетами.

И всё равно остаётся удивительной загадкой, как он, молодой гусар, сполна отдававший суетную дань службе и общению с друзьями, который так часто бывал в долгих и утомительных поездках, ходил на Кавказе в военные походы, участвовал в боевых стычках и сражениях, как он, никогда не располагавший настоящим уединением для творчества и тем более – писательским кабинетом, смог написать так много произведений, отличающихся превосходным качеством.

Далеко не все они являлись сразу целиком и в совершенном виде, хотя случалось и такое. Черновики свидетельствуют о тщательной отделке стихов и прозы. В поиске единственно необходимого ему образа он был поразительно неутомим и необыкновенно требователен. Достаточно вспомнить восемь редакций поэмы о Демоне, в которой *дух изгнанья* всякий раз является другим, обновлённым свежими красками и чертами характера. Что вело поэта? Что заставляло его вновь и вновь переделывать написанное, порой отбрасывая замечательные строки, изменяя композицию?.. Конечно, им руководила глубокая творческая интуиция, то созидательное наитие проницающего воображения, которое, может быть, и нельзя вполне воплотить в слове. Но Лермонтов и стремился к осуществлению невозможного, не удовлетворяясь до конца ничем...

Одно время он собирался печатать «Демона» и даже получил первоначальное разрешение цензуры – однако им «не воспользовался». Читал отрывки в салонах, снял копию для царского двора, позволял расходиться поэме в многочисленных списках, но сам так и не расстался с ней до конца жизни.

Владимир Одоевский однажды спросил Лермонтова, с кого он *списал* своего Демона? – « – С самого себя, князь, – отвечал шутливо поэт, – неужели вы не узнали? <...>» В этой великосветской шутке кроется невольное признание. Постоянно раскрывающаяся в могучей силе и сложности человеческая и творческая натура Лермонтова требовала такого же по широте души и мои духа героя: вся внутренняя жизнь поэта была, как и у Демона, полётом *меж небом и землёй*.

Лермонтовский Демон отнюдь не дьявольского происхождения. Дьявол – сплошная тьма, сплошное зло; Демон « <...> похож на вечер ясный: // Ни день, ни ночь, ни тьма, ни свет». У тончайшего знатока поэзии Лермонтова Сергея Дурылина это был самый любимый поэтический образ. Этот православный батюшка считал, что около Пушкина стоял ангел Радости, а около Лермонтова – ангел Печали. Он писал:

«В лице Лермонтова написано: *в глазах* – “какая грусть!”, *в усмешке* – “какая скуча”.

Так и в поэзии: *в глазах* – одно, *в усмешке* – другое. А вместе... что ж вместе?

Вместе – самая глубокая, самая прекрасная тайна, какой отаинствована свыше русская поэзия».

Слово найдено – *отаинствована*...

Демон – средоточие этой самой глубокой и самой прекрасной тайны, отраженье в поднебесье и в небесах лермонтовского духа.

Этот образ рож, проявлялся и воплощался в слове вместе с самим поэтом и, наверное, потому попросту не мог быть законченным, как не завершается же вместе с земной жизнью человеческая душа. Это – осмысление земного существования и всего мироустройства с высоты вечного полёта души. *Небу* зачем-то не хватает земли: Демон, впервые увидев Тамару, вдруг вознавидел свою свободу, «как позор», и свою власть – и позавидовал невольно *неполным радостям людей*.

И самому Лермонтову в будущей вечности недостаёт земного; в одном из стихотворений он напрямую говорит: «Что мне сиянье Божьей власти // И рай “святой”! // Я перенёс земные страсти // Туда с собой». Наконец, речи Демона к Тамаре так похожи на любимые мысли Лермонтова о ничтожестве земных печалей, бренности человеческой жизни и труда.

Критик Сергей Андреевский писал, что устами Демона поэт излил всю свою неудовлетворённость жизнью, «<...> т. е. здешнею жизнью, а не тогдашним обществом, всю исполинскую глубину своих чувств, превышающих обыденные человеческие чувства, всю необъятность своей скучающей на земле фантазии <...>».

По Андреевскому, Демон – даже не падший ангел: причина его падения осталась в тумане, это скорее – ангел, упавший с неба на землю, которому досталась жалкая участь *ничтожной властвовать землёй*. «Короче, это сам поэт».

Если в Демоне узнают Лермонтова, то кем же тогда навеян образ Тамары? Судя по всему – Варварой Лопухиной. Ей посвящена третья редакция поэмы (1831), ей же поэт послал шестую редакцию «Демона» с посвящением, и, наконец, незадолго до гибели он отправил ей свою последнюю переделку поэмы. Лопухиной же посвящены такие шедевры, как «Молитва» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...»), «Валерик», поэма «Измаил-Бей» и другие стихи. Студентом, семнадцати лет, он познакомился с этой милой, умной, *в полном смысле восхитительной* девушкой. Двоюродный брат поэта Аким Шан-Гирей вспоминал, что это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная: «Чувство Лермонтова к ней было безотчётно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей, несмотря на некоторые последующие увлечения <...>».

«Характер её, мягкий и любящий, покорный и открытый для выбора увлекал его. <...> В неоконченной юношеской повести он в Вадиме выставлял себя, в Ольге – её <...>», – писал биограф Лермонтова Павел Висковатый.

Последние его годы на земле удивительны по накалу творческого горения. Жажда жизни и деятельности тем сильнее в нём, чем ощущимее предчувствие скорой гибели. И чем больше поэт убеждался в душе, что смерть близка и неотвратима, тем рискованнее он жил.

Лермонтов очень хорошо понимал, кому он *бросил вызов* теми заключительными ше-

стнадцатью строками «Смерти поэта», и осознавал, что *Свободы, Гения и Славы палачи никогда не простят его.*

Но чем опаснее было жить, тем ярче ему мыслилось и творилось.

Так метеор, приближаясь всё с большей скоростью к земле, чтобы разбиться, разгорается небывалым пламенем.

С той же стремительной силой проявлялся в нём гений, росло мастерство. Лирика становилась всё проникновеннее, поэмы — мощнее и отточеннее, проза — всё совершеннее. В эти годы появились такие чудесные произведения, как «Молитва» («В минуту жизни трудную...»), «Памяти А. И. Одоевского», «Как часто, пёстрою толпою окружён...», «И скучно и грустно...», «Три пальмы», «Казачья колыбельная песня», «Завещание» («Недавне с тобою, брат...»), «Родина», «Спор», «Сон», «Выхожу один я на дорогу...», «Пророк» и другие; замечательные поэмы «Сказка для детей» и «Мцыри»; первый русский психологический роман «Герой нашего времени».

Критик Виссарион Белинский долго желал поговорить с Лермонтовым *по душам*, да всё нарывался на насмешки. Но однажды всё-таки добился своего — попав под *настроение*: это случилось в 1839 году в столичном ордонанс-гаузе, где поэт сидел под арестом за дуэль с де Барантом. Под свежим впечатлением он написал своему другу:

«Недавно я был у него в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура! <...>»

А через три года после гибели Лермонтова Белинский, не скрывая изумления, писал:

«Он действовал на литературном поприще не более каких-нибудь четырёх лет, а между тем в это короткое время успел обратить на свой талант удивлённые взоры целой России; на него тотчас же стали смотреть как на великого поэта... И такой успех получить после Пушкина!..»

Ссылка на Кавказ, где небо ближе, а опасность за каждым углом, только разогрела поэту кровь.

Отроком Лермонтов уже бывал на Кавказе — сюда привозила его бабушка, Елизавета Алексеевна, чтобы поправить внуку здоровье. Тогда же он влюбился в этот дикий край синих гор, первозданной природы, в свободу и естество той жизни, которой жили горцы. Но по-настоящему Лермонтов проникся Кавказом, его духом, только повзрослев.

Что-то тёмное и неизбежное, непонятное и огромное властно захватило его душу и нашло в ней могучий отклик, и это чувство навеки сроднило его с Кавказом.

Это было соприкосновение двух стихий!

К стихии гор рванулась навстречу стихия его души.

На русской равнине Лермонтову не хватало этого бунта каменных громад, этих вздыбленных скалистых утёсов, этого разреженного хрустального воздуха. На Кавказе всё было по нему: резкий контраст света и тьмы, жара и холода, безоблачной неги и мятежной тоски...

Недаром вслед за ним, сосланным на Кавказ, туда же чудесным образом перелетел и Демон. Поскитавшись, как неродной, в Испании, больше похожей на декорацию (первые редакции поэмы), Демон только в Кавказских горах обрёл своё истинное место: земля в поэме стала настоящей, живой, нашла свои цвета, запахи, звуки.

Глубокой осенью 1837 года он писал к другу, Святославу Раевскому:

«С тех пор как выехал из России, поверишь ли, я находился до сих пор в беспрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом; изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьём за плечами; почевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов. Ел чурек, пил кахетинское даже...

Здесь, кроме войны, службы нету <...>».

Восток, колыбель человеческой мудрости, всё больше привлекал Лермонтова, он начал учиться по-татарски, строил планы поездок в Мекку, в Персию и далее, но это было несбыточно. Оставалось лишь проситься в экспедицию с Первовским в Хиву...

Кавказ, как всегда, необыкновенно его взбодрил: Лермонтов часто бывал в переходах, наскоро снимал виды – зарисовывал примечательные места. Слазил на снеговую Крестовую гору и любовался с вершины зелёными долинами Грузии: « <...> право, я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух – бальзам; хандра к чёрту, сердце бьётся, грудь высоко дышит – ничего и не надо в эту минуту: так сидел бы да смотрел целую жизнь».

Во второй своей ссылке на Кавказ (после дуэли с де Барантом) Лермонтову пришлось уже воевать. Он показал себя отчаянным храбрецом, удивляя удастью даже старых кавказских джигитов. При этом был всегда весел, острил; впрочем, шутки, как обычно у него, быстро переходили в злые сарказмы. Лермонтову поручили командовать сотней охотников – фронтовых разведчиков, и он со своим лихим отрядом сражался самозабвенно, выбирая самые опасные дела.

В сентябре 1840 года Лермонтов писал к Алексею Лопухину, что шатается всё время по горам с отрядом, и поведал про сражение у реки Валерик: « <...> У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду. Нас было около 2000 пехоты, а их до 6 тысяч; и всё время дрались штыками. У нас убито до 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте – кажется, хорошо! – вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела ещё пахло кровью. <...>

Я вошёл во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдётся удовольствий, которые не показались бы приторными <...>».

Но в стихотворении «Валерик», написанном вскоре после сражения, Лермонтов с горечью и отстранённым ужасом ведёт рассказ о бессмысленной резне, о жалком человеке, беспрерывно враждующем под ясным небом на земле, где места многое всем. Здесь в поэте говорит не столько ненависть к войне, сколько безмерное, высокое сочувствие к человечеству, к человеческой природе, бессильной перед кровопролитием и самоуничтожением.

Лермонтов смотрел прямо на всякую истину, на всякое чувство – и был беспощадно правдив. Верный воинскому долгу, воспитанному в нём поколениями предков, он без колебаний выполнял долгое на войне – и чувствовал опьянение в бою. Но он понимал драматизм и трагедию того, что совершают и его собратья на земле, и он сам. Двойное зрение, которым он обладал, показывало ему земную правду в свете небесной истины.

Печорин перед самой дуэлью говорит доктору Вернеру:

«Во мне два человека: один живёт в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его; первый, быть может, через час простится с вами и миром, а второй... второй...»

Что же второй?.. — осталось недосказаным: Печорин вдруг прерывает свою речь словами: «Посмотрите, доктор, <...> это, кажется, наши противники».

За него договорил критик Сергей Андреевский:

«Вот этот-то *второй* — бессмертный, сидевший в Печорине, и был поэт Лермонтов, и ни в ком другом из людей той эпохи этого великого человека не сидело».

Философ Пётр Перцов в своих афоризмах пишет, что Лермонтов — «<...> лучшее удостоверение человеческого бессмертия. Оно для него не философский постулат и даже не религиозное утверждение, а просто реальное переживание. Ощущение своего “я” и ощущение его неуничтожимости сливались для него в одно чувство. Он знал бессмертие раньше, чем наступила смерть».

Другое дело, Лермонтов не мог не понимать, что в своём вечном споре с Богом («Демон», стихотворение «Благодарность» и другие произведения) он испытывает Его терпение и рискует жизнью.

Но какова суть его «распри» со Всевышним? «Лермонтов тем, главным образом, отличается от Пушкина, что у него человеческое начало автономно и стоит равноправно с божественным. Он говорит с Богом, как равный с равным, — и так никто не умел говорить <...>. Именно это и тянет к нему: человек узнаёт через него свою божественность», — писал Пётр Перцов. Философ развивает свою мысль: «У Гоголя — ещё природный человек, — в вечном смятении перед Богом, как ветхозаветный иудей. Только у Лермонтова он — сын Божий, и не боится Отца, потому что (совершенная любовь исключает страх)»...

Разумеется, бережёного Бог бережёт. Однако поэту, похоже, хотелось знать больше: а сбережёт ли Бог его, не желающего беречься? Он готов был принять всё, что ему велено, — потому и жил мгновением.

Весной 1840 года вышел в свет «Герой нашего времени». Поразительно отличие этого замечательного романа от той прозы, что ещё недавно выходила из-под пера Лермонтова («Вадим», «Княгиня Лиговская»). У современников поэта роман вызвал восхищение. Николай Гоголь заметил: «Никто ещё не писал у нас такою правильною, прекрасною и благоуханною прозой». Виссарион Белинский сказал о «Тамани», что, если её цитировать, то лишь всю, от слова до слова: «<...> это словно какое-то лирическое стихотворение». Сергей Аксаков писал Гоголю, что находит в романе большое достоинство, и добавил: «Живо помню слова ваши, что Лермонтов-прозаик будет выше Лермонтова-стихотворца».

Около двух столетий прошло с тех пор, а роман, сколько его не перечитывай, всё так же свеж, стремителен, захватывающе привлекателен, глубок и по-прежнему блещет живостью, красками, поэзией, умом, юмором, трезвостью оценок, как будто бы написан вчера, — и по языку своему нисколько не устарел. Иван Бунин вспоминает, что Антон Павлович Чехов с восторгом говорил о «Тамани»: «Не могу понять... как мог он, будучи мальчиком, сделать это! Вот бы написать такую вещь <...>, тогда бы и умереть можно!»

Лев Толстой приоткрыл одну из тайн прозы Лермонтова. В пору своей литературной молодости, когда он упорно работал над созданием собственного стиля, Лев Николаевич записал в дневнике: «Я читал “Капитансскую дочку”, — и увы! должен сознаться, что теперь уже проза Пушкина стара не слогом, но манерой изложения. Теперь справедливо — в новом направлении интерес подробностей чувства заменяет интерес самых событий... Повести Пушкина голы как-то».

Интерес подробностей чувства – это явно под впечатлением от образа мыслей Печорина, от его самопризнания...

Примером исключительной требовательности к самому себе стала первая книга стихов Лермонтова, вышедшая осенью 1840 года. Всего 26 стихотворений – но зато каких: сплошные шедевры! – и две поэмы («Мцыри», «Песня про <...> купца Калашникова»). А ведь к тому времени у Лермонтова было написано около 400 стихотворений и 30 поэм...

Откровением стали последние стихи поэта, написанные уже после книги. Он открывает в природе – человека, его макрокосмос; очеловечивает её. Когда-то в молодости он сказал: «Нет женского взора, которого бы я не забыл при виде голубого неба». Теперь, в предчувствии вечной разлуки, он постигает тайную жизнь всего *творения*: ему больно за камни («Спор»), за растения («Три пальмы»), за воду и её олицетворение («Морская царевна»). В удивительном стихотворении «Выходжу один я на дорогу...» печаль отрешённости от земного соединяется с завораживающей полнотой чувства жизни. Тут сказано несказанное про вечную жизнь, которой живёт человеческая душа на земле. Тут всё земное смыкается с небесным и растворяется в нём, душа переходит в дух, как земля в небо. Лермонтовский пророк из одноимённого стихотворения, возможно, самого последнего, – со скорбью уходит от людей, не понявших его чистых учений любви и правды.

Не оттого ли поэт так беспощадно обличал человеческую порочность, что всегда был причастен *живой тайне Божией*.

И *тайна* эта – насквозь религиозна: духом, самой тонкой тканью своей.

Петр Перцов определял:

«Если считать существом религиозности непосредственное ощущение Божественного элемента в мире – чувство Бога, то Лермонтов – самый религиозный русский писатель. Его поэзия – самая весенняя в нашей литературе, – и, вместе, самая воскресная. Отблеск пасхального утра лежит на этой поэзии, вся “мятежность” которой так полна религиозной уверенности».

Мистика, как мерцающее, светящееся таинственным светом облако, всегда окружала имя Лермонтова.

Его загадочную судьбу, напоёное тайнами творчество ещё долгие и долгие годы будут осмысливать и постигать люди.

С тех пор как неизвестно куда отлетела эта великая душа, земля словно одушевлена, словно отаинствована ею. И наше слово, наша словесность, наши души – разве не изменились под неповторимым её и неизбытным, вечным уже излучением! Сам состав *русской души* – переменился в чём-то под воздействием души лермонтовской.

Всем своим существом Лермонтов влился в то, что называется *русским духом*, стал его составной частью, духовной опорой в дальнейшем пути русского народа, да и всех людей на земле.

Душа поэта – осознаётся это или нет кем-либо, да и всеми нами – живёт в наших душах, в нашей жизни. И навсегда останется жить.

Зоя КОЛЕСНИКОВА

Воронеж

* * *

А на улице всё же – весна,
а на улице всё-таки – солнце.
День, прогретый до самого дна,
весь лучится, сияет, смеётся.
Мы, счастливые, вместе идём,
Не встречаем сегодня прохожих...
Почему ж нас не видят вдвоём?
Неужели настолько мы схожи?

.....
Лето. Август. Полуденный зной.
Вот опять я стою у погоста...
Этот дуб молодой над тобой...
без меня станет взрослым...

* * *

Отрывной календарь уменьшается вновь.
Вот уже и февраль устремился в отлёт.
Холодеет душа. И мятежная кровь
начинается здесь, но замедлила ход.

Мне бы завтра войти и остаться с тобой
там, где зреет восход, зеленеет трава...
Даже царь Соломон говорил про любовь,
утверждая твои надо мною права.

* * *

Домики. Дубы. Берёзы. Осы.
Небо. Солнце. Ива и камыш.
Предвечерье. Но ещё не осень.
Цапля полетела выше крыши.
Выше дома выросла рябина.
Улетает праздничное лето.
Этот домик цапля полюбила,
Искренне, как дети и поэты.

* * *

Мама в детстве за руку вела.
Помню нашу долгую дорогу...
А ещё – те добрые дела,
что кому-то праведно помогут...

Разогретый воздух допьяна.
Сердце, охлаждённое смятеньем...
Среди многих – жизнь моя одна
шелестит уходом постепенным.

С каждым оборвавшимся теплом
хочется нам мудрыми казаться,
среди самых главных честных слов
хочется продлиться и оставаться.

* * *

Возвращаюсь к тебе. Возвращаюсь.
Возвращения жду твоего.
Целиком в две строки умещаюсь,
потому, что лишь отиск того,
что ты лепишь, рисуешь, пророчишь...
Я – частица твоей лепоты,
сквозь свеченье единственной ночи,
где была я собой, как и ты.

А потом ты творил и смеялся,
(как теплу, облакам и лучу
рад художник поры Ренессанса,
или – скрипка её скрипачу),
говорил о любви и о роке,
об изменчивой дивной судьбе,
где играют заманчиво строки
мне – на флейте, тебе – на трубе.

Владимир КОРКУНОВ

Москва

* * *

Из заката – в апрель.
Через грязь, холода, отчуждение.
Через что-то, чему описания нет.
Прорывается глупенькое стихотворение,
тянется на свет.
Не родившихся слов (как и снов)
не избавить от плена.
Но взгляни на закат –
там, где только что бился апрель.
Это неба – господнее сердцебиение.
И пока можно вместе смотреть,
как стирается время.
Как безвольно стирается стихотворение,
ибо больше не нужно оно,
ибо рифма для старости – смерть.

* * *

Ключ повернулся (это и погубит!),
увяз в дыму безликий край земли.
Твои, покрытые изменой губы,
раскаяньем минутным поросли.
Что створки эти высказать успели?

Кому кривились, улыбаясь, вслед?
 Мы выпили друг друга и мелели,
 и не искали родника нигде.
 Но вижу: напитавшись терпкой влагой
 и превосходство не сумев сдержать,
 ты лжёшь правдиво, ярко, честно, властно,
 измену жаждой жизни оправдав.

Андрей КОРОВИН

Москва

СТАНЦИЯ ДНО

в тебя проливается озеро
 закат наполняется розовым
 и липы застывшие бронзово
 следят за вертлявой плотвой
 пиявками и водомерками
 живёт твоё озеро мелкое
 зачитанной летом листвой

запойные песни кричаше
 душе твоей словно причастие
 где каждое слово мычащее
 до крайности доведено
 забудешь про зорьки и удочки
 летящие дни тут как туточки
 всё кончено
 станция Дно

Демидова узоколеечка
 на стыках стучащая в темечко
 мы жизнь променяли на времечко
 «кукушка» везёт грибников
 в Козлово в Астапово в Омуты
 и все самогоночкой промыты
 от Кашина до Соловков

ВЕТЕР

какое чудо
весь этот ветер
в лицо летящий
когда ты молод
когда ты Вертер
ты настоящий

ночная мякоть
сырого неба
тебя объемлет
густая липа
и запах мёда
пчелиный лепет

как пахнет каждый
растущий в небе
в земле сидящий
лишь только ветер
тебе расскажет
вперёдсмотрящий

и ты глотаешь
густую книгу
земного ветра
и рёв вулканов
гул океанов
бег километров

и задыхаясь
глядишь шалея
в окно ночное
на этот ветер
на эту нежность
в ночном прибо

ИЗ КИНОХРОНИКИ ЖИЗНИ

закадровый голос не ярок
но ты пропускающий свет
сентябрьский сквозной полустанок
что шепчешь ты поезду вслед

в котором окне прогоревшем
секунду другую назад
ты пил с удивительным лешим
кричал ему «свидимся брат!»

в какой просыпался постели
с обоями на потолке
кто жил за тебя в твоём теле
кто плыл за тебя по реке

твоя чешуя золотая
не помню которого дня
сквозняк электричек листая
уже не припомнит меня

очнёшься
ты жил или не жил
не вспомнишь ни лиц ни имён
лишь свет удивительный брезжил
лишь снился загадочный сон

РЫБЫ ДЕКАРТА

Гание

Киев в осаде. И в каждом окне –
пена каштанного бунта.
Рядом с тобою завидует мне
вся соловыинная хунта.

Нам-то какой до бродяг интерес? –
пусть себе свищут, злодеи!
Ты музицируешь Данта топлесс –
где в этой музыке, где я?

Там, где над Киевом дремлет звезда,
плавают рыбы Декарта –
там мы играем друг друга с листа,
плавится звёздная карта...

Алексей КОРОЛЁВ

Москва

* * *

Я хотел бы говорить прямо,
Что действительно, а что мнимо,
А развернись на пути яма,
Объезжал бы на кривой — мимо.
Если камень — повернуть круто,
Со столбом не затевать свары
Я хотел бы, ибо вес брутто
Человека — это вес тары.
Но едва заторможу резко,
С панталыку сразу сбит грузом
Невесомым, — на рожон треска,
Лязга, дребезга несусь юзом.
Какофония здесь бал правит,
И, грехи пересчитав хмуро,
На прекрасное душа ставит.
Надо было на зеро, дура.

* * *

Сначала воспари — а после рухни!
Сперва залейся, а потом опухни,
От жажды умирая у ручья...
Уменья трохи да чуть-чуть чутья —
Вот основное из того, что я
На поэтической усвоил кухне,
Хотя стихов, как правило, на дух не
Переносил, лишь исключенья чтя.

* * *

А в Библии красный кленовый лист...
А.А.

Не оправился ещё после гриппа, —
Входит женщина — не баба, а липа,
Имитация царицы и цацы...
Мне с младенчества везло на эрзацы.
Даже если проглядишь все гляделки,
Отличить оригинал от подделки
В наше время нелегко. И агаты,
И смарагды иногда — суррогаты.
Самозванкам возмутительноглазым
Искони предпочитал ясный разум.
Здравомыслие меня погубило —
Вот опять меняю шило на мыло.
Постоянная нужда в макияже
У изъяна, червоточины даже,
Безупречное же и в затрапезе
Всё равно как полотно Веронезе.
Не тушуйся, говорю, всё в порядке,
Просто я ещё горю в лихорадке,
38 у меня и 4...
Смутно, словно сквозь помехи в эфире,
Слышиу бестолочи полные речи...
Точно угли горячи эти плечи,
Эти груди обжигают ладони,
(Я уже не заикаюсь о лоне).
И в любви не избежать plagiatu:
Что ни поза, что ни жест, то цитата
Из неведомого пращура-предка.
Нечто новое случается редко.
А фонетика бедней, чем у птички,
У не в меру современной москвички
И синантропихи — ахи и охи
Не зависят вообще от эпохи.
А поскольку хоть ты лопни, хоть тресни,
Всё равно не сочинить «Песней Песни»,
Из объятия, где плотно и гладко,
Выпадаю, как из книги закладка.

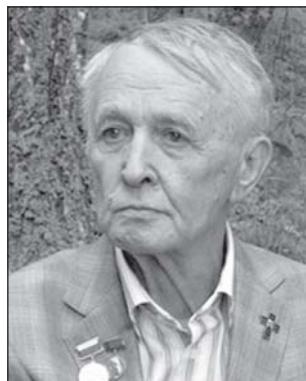
Всё равно, с чего начать, –
лишь бы кончить.

Отчего кленовый лист перепончат,
Я не знаю, да и что мне за дело...
Тем не менее пришла, одолела.

Владимир КОСТРОВ

Москва

* * *

Мы хлеб свой в Переделкине жуём...
Но вам, как мне, хотелось б очутиться
В Швейцарии, где церновским ружьём
Идёт охота на бозона Хиггса?
Зачем мы открываем супердверь,
Не признавая страхов и препонов,
Где в подземелье бродит суперзверь,
В роях летяпщих бешено протонов.
А вдруг, друзья, придётся нам понять:
Вселенские запреты непреложны.
А вдруг нам будет не на что пенять,
Когда поймём, что мы пока ничтожны.
Так надо ли стремиться на Парнас
Или расчёту сдаться на поруки.
Туда, куда недолетел Пегас,
Вползёт упрямый крокодил науки.

* * *

Я потихоньку умираю,
Сижу на лавке у стрехи
И в памяти перебираю
Друзей любимые стихи.
Я не ищу себе забаву.
Я вслушиваюсь в бытиё.
Одни друзья познали славу,
Другим не выпало её.
Но были мы одна стихия,
Но были мы одна волна.

Была Советская Россия.
 Была великая страна.
 Стихи друзей придут оттуда
 И возвращаются туда.
 Такого певческого чуда
 Уже не будет никогда.

* * *

Пока синеет синева,
 Пока мерцает звёзд мерцанье,
 Пока душа моя жива,
 Я отрицаю отрицанье.
 Любой всемирный пилигрим
 Освоил право полной мерой
 Гнушаться обликом моим
 И над моей глумиться верой.
 «Всеобщей смази» торжество —
 Никто за слово не в ответе.
 В какой ещё земле на свете
 Так унижают большинство.

* * *

Бензинный дух к бетонной трассе сплюнув
 И с рёвом отрываясь от земли,
 Неся огонь в своих прозрачных клювах,
 Железные взлетают журавли.
 Но, не боясь уже глухого грома,
 Весною прилетает соловей
 В прижавшийся в углу аэродрома
 Зелёный дворик старости моей.
 Но душу оживляющее пенье
 И звёздное небо без границ
 Не защитят смиренное строенье
 От злого торжества железных птиц.

ВОСПОМИНАНИЕ

Вокзал Казанский. Клубы пара.
 Полубульганская Москва.
 И с берега в конце бульвара
 Прыжок чугунного моста.
 В полувоенной кацавейке

Сойдя в столицу, как моряк,
 Пью газировку по копейке,
 В метро катаюсь за пятак.
 Дзержинской площади ланита:
 Москва нова, как заграница,
 Хранит державный антураж
 Нарком из тяжкого гранита,
 Спортсменки гипсовый муляж.
 Товар фасуется кульками,
 Мука, горох и огурцы.
 У школьников под языками
 Ландриновые леденцы.
 Гляжу вслед годам тем бедным
 Из дней жратвы и кутерьмы.
 Вот только воздухом победным
 Когда ещё подышим мы?

ЗАЧЕМ?

Зачем я видел белый свет,
 Где цвёл кипрей и пели птицы,
 Где солнце, как велосипед,
 Вращает золотые сшицы?
 Зачем я слушал шорох звёзд
 И вновь соединяюсь с мраком?
 И мир на мне поставит крест
 Кладбищенский за буераком.
 С небесной вечной глубиной,
 Под медной лунною печатью,
 С неопалимой купиной,
 С неутолимою печалью.

ДОЧЕРИ ДАРЬЕ К 50-ЛЕТИЮ

Как с верным шансом на бессмертье,
 Я Звёздный пересёк бульвар.
 Тебя в младенческом конверте
 Я внёс в свой дом, как божий дар.
 Я умирал и жить вернулся,
 Не сдался горю и судьбе,
 Не сник, вином не захлебнулся,
 Что в близких я не обманулся,
 Семье спасибо и тебе.
 Мы перешли и сушь, и слякоть,

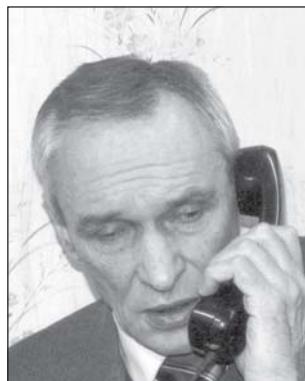
Делили радость и беду.
 Я знаю, кто придёт оплакать,
 Когда я поле перейду.
 Сегодня с давней той минуты
 Все пятьдесят годов подряд
 В моей душе гремят салюты
 И «пушки с пристани палят».

ВОЛК

Зима. Конец работе городской.
 В глазах моих стоит судьба бродяжья...
 И вот уже уныло и протяжно
 Волчица завывает за рекой.
 Мне чем-то эта музика близка,
 Ползущая вдоль снега и мороза.
 В ней слышится ямщицкая тоска
 И древняя, ордынская угроза.
 Что, серый, тяжела судьба твоя,
 От пули не спасёт худая шкура.
 У нас в лесах стальная диктатура
 Смертельного двуствольного ружья.
 А виноват он перед нами чем?
 Оборванный, озлобленный, голодный,
 Угрюмый зверь профессии свободной,
 Он лишь мишень для ружей всех систем.
 Овцу зарежет он или скрадёт
 Кус мерина, погибшего от грыжи,
 От рваного жакана дяди Гриши,
 Марая иней кровью, упадёт.
 И волк, простите, тоже хочет жить.
 Ему природа не дала, однако,
 Вилять хвостом покорно и служить,
 Как самая паршивая собака.
 Снег занесёт его последний след
 У старого забора чьей-то дачи,
 Последний серый «джентльмен удачи»
 Бескомпромиссно гибнет, как поэт.
 Прощай, разбойник, и людей прости.
 Мы помним, как в отчаянной погоне
 Роняли пену и храпели кони,
 И нам с тобою было по пути.

Лев КОТЮКОВ

Москва

ВОЗВРАЩЕНИЕ СО ЗВЁЗД

Мёртвый холод чужих,
 безымянных созвездий,
 И немеркнущий свет, обгоняющий тьму.
 Можно жизнь повторить,
 возвращаясь из бездны,
 Но любовь повторить не дано никому.

И в незримом, и в зримом
 немеркнущем свете
 В душах образ любви —
 неземной и земной...
 Это больше чем жизнь!
 Это больше бессмертия!
 Это, может быть, вечности больше самой.

ВДОХНОВЕНЬЕ

Памяти М.Ю. Лермонтова

Как тяжко быть навеки молодым,
 Прозрев до срока жребий невозможный.
 И что там вдохновенья сладкий дым?..
 Ведь гениальность —
 дар бессмертный Божий.

Но явственно томится между строк,
 Как в сонме туч таится месяц бледный,
 Последней безысходности восторг
 Пред вечностью с надеждой не последней...

ЗЕРКАЛО В РЕКЕ

К земле зеленоj жмется тень,
И в сумерках стареют лица.
Стекает в реку летний день,
И зеркало в воде двоится.

И человек назло врагу
Меняет вечность на свободу...
А смерть сидит на берегу
И смотрит в зеркало сквозь воду.

ПОТЕРЯ

Бессмертье раскинуло сети.
Огни замерзают в снегах.
Стихи умирают в поэте –
Поэт умирает в стихах.

И где-то высоко-высоко
Сгорает живая звезда...
И ставший бессмертным до срока,
Теряет себя навсегда.

Кто-то жил, не родившись, – и умер,
А живший воскрес задарма.
Этот мир до конца обезумел –
И сойти невозможно с ума.

Этот мир от себя не спасется.
И судьбу не спасет от судьбы.
И ползут из забытых колодцев
В небеса ледяные столбы.

Леднеет дрожащая ветка,
Меркнет свет, словно тающий снег.
В человечестве нет человека!
В человечестве – всечеловек!

Он не знает, что мир обезумел,
Он на Землю нисходит с небес,
Чтоб никто, не родившись, не умер,
Чтоб без смерти никто не воскрес.

Високосной порой новолуния
Обрываются в бездне пути...
Никому не спастись от безумья!
И с ума никому не сойти!..

* * *

В железной бочке ржавая вода
Хранит прозренья всех веков грядущих,
И за полночь Полярная звезда
Глядит в глаза ушедших и живущих.

И отрицает твердый здравый смысл
На дне железном старый, черный камень,
И зимней ночью вмерзший в воду лист
Горит в ладони, тает, будто пламень.

И вечным ожиданьем мир живет,
Вмерзают в воду стрелки часовые.
И разрывает бочку ржавый лед,
И мертвые глаза глядят в глаза живые.

* * *

Вершина молчит одиноко,
Душа – от подъёма в крови.
И сердце не ведает срока
В бездумье последней любви.

Зовут золотые глубины
И манят поющим огнём...
И надо спускаться с вершины,
Но спуск тяжелей, чем подъём.

Я знаю, что всё бесполезно, –
Поющий огонь не спасёт,
И где-то над вечною бездной
Вершина последняя ждёт.

Молчат ледяные глубины,
Огонь задохнулся в дыму...
И с самой последней вершины
Сойти не дано никому...

Любовь КРАСАВИНА

Москва

* * *

О прежних временах, о прежней боли снова
Легко поют о нас всё те же соловьи;
Когда уйду совсем под сень иного крова,
Мне будет не хватать — всего твоей любви.
Падучая слеза прожгла до сердцевины!
Нам искренне везло: себяuberегли!
Случайно родились, мы не случайно живы
В судьбе, настоящей на голосе земли.

* * *

Во широком поле
ветром сыт да пьян...
Косит нас раздолье,
как сухой бурьян,
обод правил строгих
давит на уста
по пустой дороге
чистого листа...

ПОСТУПОК

Выступает сердце: глупше
станет голос и рече тон,
И — предательски великодушен,
преднамеренно развращён...

тот поступок, — а Вы хотели,
чтобы было иначе всё:
чтобы счастье — с колыбели...
и до гроба — оплаченный счёт.
Чтобы солнце и парус белый —
чередуя — наш взгляд ловил...
Провидение, паузу сделай:
Умирать — но пусть от любви...

* * *

Лунно-талые дали любви
всё до всех поражений мечтались...
Раскрывая объятья свои,
не жила эта жизнь — изживалась.
Ива, горе качая, сломилась,
ветер стонет: где паруса?
Где же страсть, скажите на милость?
Золотых лохмарьев краса!
Что же с сердцем седеющим? Жалость
все горчайшие беды сломив,
мне от всех поражений — досталось:
лунно-талые дали любви...

СНЕГ

На снег ложится ясный свет луны —
за рамки многое и многих...
Боль-утоляюще освещены
осколки прошлого, — и строгих
стандартов мраморная гладь
монументальней станет лгать.
На нас ещё рассчитаны тома
философов, поэтов — впрочем,
ум не спасает от любви, сама
победа страсти в доме отчим
сиротствует, как страх стара,
обламываясь на «ура».
На ностальгию от священных ран
налюбовавшись, отрекаюсь...
Влюблённый варвар в Зазеркалье зван,

скользя по краю в этот хаос
великодушия, родня
личину ночи с маской дня.
На луч слепящего безумия
насквозь наколоты сердцами!
Пусть выёт веретено – и в сумме я
живу, дышу тобой... Пред вами
воздушных замков череду,
мир вздёрнув, по судьбе веду.

Александр КУВАКИН

Воронеж – Москва

* * *

Не поднимая глаз,
провинцией столичной
Иди. Смотри. И пой предельные слова,
Смиренные слова о глупом
счастье личном,
О том, что дни цветут и вянут, как трава.

Пой вечный русский крест –
молитву послушанья
Земле и небесам единственной мечты.
Тщету успеха пой и радость упованья –
Ту волю, что с небес для нас диктуешь Ты.

Смотри, как тает лёд под сапогом свободы,
Какие сны несёт поток из-подо льда.
Смотри, как на Восток уходят строем годы,
Как плачет им вослед прощально лебеда.

Смотри, как старый дом
светлеет от молитвы,
Как созревает в нём грядущее вино.
Смотри, как меч навис остree,
легче бритвы, –
От плёвел мёртвых дел он отделит зерно.

Иди сквозь строй невзгод,
утрат, разлук, предательств
Туда, где брезжит свет сквозь узкие врата.
Иди и не ищи счастливей обстоятельств –
Нет ига веселей несения креста.

Иди! В эпоху звёзд ты редко был собою.
Иди! Родись! И стань навек самим собой.
Иди! Твой путь пролёт небесною рекою.
Не опуская глаз, иди, смотри и пой.

* * *

Что же делать, если несём свой крест,
Если пот наш кровавый —
не наш, гефсиманский.
Что же делать, если нам слаще Брест,
Чем порядок вкусный,
отменно-германский.

Что же делать, если в подкорке скиф
Оживает. И просит у всех прощенья
За смертельную правду, что он — не миф,
А венец мирозданья и ангел мщенья.

* * *

Цемент горяч. Песок тяжёл.
И руки виснут, словно плети.
Но силы человек нашёл
В родной золе, в сгоревшем свете.

И камень лёг в родную пыль
Фундаментом земли и дома.
А мировой подземный штиль
Ответил зло ударом грома.

* * *

Тает душа на пороге спасенья.
Тает душа —
От сотворенья до воскресенья
Небом дыша.

Вот! Поднимается парус над нами,
Бурей томим.
Жалко не тех, кто разбился о камень,
Кто оказался иным.

Всё, что навек незабвенно и свято, —
Луч золотой.
Что ж! Собирайтесь, родные солдаты,
В путь неземной.

Пусть ваших жён по ночам поднимают
Ваши тревожные сны.
Жёны о счастье всё вспоминают
Только в объятьях войны.

* * *

Найти живое и убить его —
Закон суровый века моего.

Я детства помню праздничный кумач,
А в кумаче — безжалостный палач.

Искал я в книгах мысли идеал,
А он, суровый, мысль из них изъял.

Смотрел я современникам в глаза,
А в них — страданья долгого слеза.

И после — столько лиц и столько встреч!
А в воздухе над головами — меч.

Что ж! Не случайно век был этот дан —
Чтоб нам открылся наших душ изъян,

Чтоб видели отныне и вовек:
Без духа человек — не человек.

Прощай, закон! И ты, мой век, прощай —
И низкой правды долг не возвращай.

Марина КУДИМОВА

Москва

ВАТНИКИ

Посыпает война соратника,
Но щедрота её кратка.
Из разведки четыре ватника
Возвращались без «языка».

Не контрактники и не штатники,
Не прошедшие инструктаж,
На манер пропаганды – ватники,
Хоть обряжены в камуфляж.

Ночь не треснула перестрелкою
И с врагом не столкнула в лоб.
Ватник держит осколки мелкие,
А от крупных спасёт окоп.

По дороге от виноградника
До ближайшего блокпоста
Убедились четыре ватника,
Что небесная ткань чиста.

На лоскутья она не делится,
А поделится – вмиг сошьют.
Только шёлковой зыбью стелется,
Как спасательный парашют.

Нет у междуусобий линии,
Смерть минувшего не вернёт,
Плащаницею этой синею
Тело жёсткое обернёт.

Как здесь танки понаворочали –
И куда лежать головой?
Кровью мокнет по Новороссии
Чернозём её даровой.

Над донецкою степью пуганой
Кропивянка поёт судьбу.
Ватник пылью пропитан угольной –
Не смывается и в гробу.

Кровь пробьёт покрова холстистые,
Запечётся – не разорвут.
Это русскою реконкистою
СМИ речистые назовут.

* * *

Накануне беды и разлуки
Так надсадно вопят поезда.
Одиночества русского звуки,
В гулком небе немая звезда.

Нет уже никаких средостений
Для души, поглотившей хулу.
Одиночества русского тени
Бдят навыстойку в каждом углу.

Только совесть натуженно дышит,
Только боль своё бремя несёт.
Не стесняйся – никто нас не слышит,
А услышит – никто не спасёт.

Присягни на воде и на хлебе,
О Борисе и Глебе взгрустни.
Одиночества русского жребий,
Нам твои предуказаны дни.

Высшей пробы твоей, высшей меры
Нам не внове добротный закал.
И туда не пройдут БТРы,
Где Христос напоследок взалкал.

СВЕКРОВЬ

Прелюбодейный перегной
Мешу, от крови чермный.
А стыдно женщины одной,
Вдобавок чужеземной.

Как домогался Антиной,
Так и в груди замлело...
А стыдно оргии одной –
В которой захмелела.

У Книги Мёртвых выходной –
Все вынуты закладки.
А стыдно Родины одной,
С которой взятки гладки.

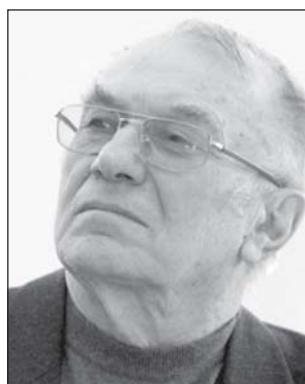
Ах, бабий век, прогал сквозной!
Супруг насунул брови...
А стыдно матери одной –
Не личной, а свекрови.

Она, в исподнице до пят,
Не спит – за всех в ответе,
Пока со мной мужчины спят,
А ей мужчины – дети.

И потому, как стол и кров,
Очаг и ужин,
Пошли нам, Господи, Свекровь –
Мать Мужа.

Станислав КУНЯЕВ

Москва

РУССКИЙ РОМАНС

Как жарко трепещут дрова,
как воет метель за стеную,
и кругом идёт голова,
и этому – песня виною...
Пустые заботы забудь,
оставь, ради Бога, посуду
и выдохни в полную грудь
слова, равноценные чуду...
А я так стараюсь, тянусь,
сбиваюсь и снова фальшивлю,
но что б ни случилось – клянусь
поэзией, честью и жизнью,
что я не забуду вовек,
как выюга в трубе завывала,
как рушился на землю снег,
как ты не спеша запевала.
Земля забывала о нас,
прислушавшись к снежному вою,
и русский старинный романес
кружил над твоей головою.
А утром проснёшься – бело.
Гуляет мороз по квартире...
О, сколько вокруг намело!
Как чисто, как холодно в мире...

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Самолёт пожирает пространство...
 Час. Другой. Не видать ни зги,
 ни деревни, ни государства,
 ни огня — бесконечное царство
 бездорожья, тайги и пурги.
 Вы, романтики и мореманы,
 алкоголики в якорях,
 добровольцы и графоманы,
 комсомольцы и капитаны,
 вам просторно в этих краях.
 Места хватит — а это значит,
 можно шастать туда-сюда,
 кочевать, корчевать, рыбачить
 и судьбу свою переиначить,
 если есть такая нужда.
 Не хватает нам постоянства,
 потому что вёrstы летят,
 непрожёваные пространства,
 самоедство и святотатство
 у России в горле сидят.
 А когда эта жажда охватит —
 до свиданья, родной порог!
 Мне хватило, и сыну хватит,
 и его когда-то окатит
 оклесица русских дорог.

* * *

Надо мужество иметь,
 чтобы золото тревоги
 в сутолоке и в мороке
 не разменивать на медь.

Надо мужество иметь,
 не ссыпаться на эпоху,
 чтобы божеское богу
 вырвать, выкроить, суметь.

Надо мужество иметь,
 чтобы прочно развоиться,
 но при этом сохраниться,
 выжить, а не умереть.

* * *

Живём мы недолго, — давайте любить
 и радовать дружбой друг друга.
 Нам незачем наши сердца холодить,
 и так уж на улице выюга!
 Давайте друг другу долги возвращать,
 щадить беззащитную странность,
 давайте спокойно душою прощать
 талантливость и бесталанность.
 Ведь каждый когда-нибудь в небо глядел,
 валялся в больничных палатах.
 Что делать? Земля наш прекрасный удел —
 и нет среди нас виноватых.

* * *

Кто там шумит: гражданские права?
 Кто ратует за всякие свободы?
 Ведь сказано — «слова, слова, слова»...
 Ах, мне бы ваши жалкие заботы!
 Ах, мне бы ваш ребяческий восторг,
 хмель интервью, газетная аrena!
 Но я гляжу на Запад и Восток
 не очерёдно, а одновременно.
 Я не поборник иллюзорных прав.
 А если кто увидит в этом рабство,
 я отшучусь, что вёл себя как граф,
 не признающий равенства и братства.
 Что говорю как гражданин страны,
 которой нет начала и предела,
 где все мы одинаково равны
 пред лицом Данта и строфой Гомера.

* * *

Не земля, а всего лишь страна
 не страна, а всего только город,
 только улица, клён у окна...
 Надоело! Я весел и молод.
 Я устал от родимых примет,
 от причуд материнского нрава,
 и лежит предо мною весь свет —

и любовь, и работа, и слава!
... Так я думал. И вот, исчерпав
эту юную страсть к переменам,
понимаю, что все-таки прав,
возвратившись к отеческим стенам.
Слава Богу, что я не бедняк,
что остались навек за душою
этот берег и этот овраг,
и поэтому что-то я стою.

Светлана ЛЕОНТЬЕВА

Нижний Новгород

ВИДЕНИЕ. СВЕКРОВЬ

*Посвящается
Калачёвой Н.В.*

Свекровь.
Свой кров.
Своя держава.
Своя безмерная сверх власть.
... И я бы рук не разжимала!
Сыночка отпустить боясь.
Моя кровиночка! Красавчик!
Тепло в родительском дому —
каких-то высших, нежных качеств!
... Отдать тебя невесть кому?

Отдать тебя отчизне, славе?
Чтоб мог ты красную строку
внести из нынешней, из яви,
слагая «Слово о полку»!
Вписать своё! Воздать, примерясь
очистить родину, отмыть
от всех грехов,
где блуд и ересь,
возвесть преграду от чумы.
Знай, что без подвигов — погибель!
Пучина в бездне бытия!
Жизнь — это миг. Мы — просто миги.
Всё остальное — Жития!
Гляди — с высокого откоса.
Крестись трёхкратно, богатырь!

... Свекровь моя! Как ты несносна.
 Как сужен, до простого, мир!
 Твой сын — мой муж.
 С тобой нас двое.
 А он — один. Один — для двух.
 И я его так, что не скрою,
 люблю — захватывает дух!
 Иду — не скрипнет половица,
 я лишний раз вздохнуть боясь...
 А по ночам мне, бедной, снится:
 кровавый бой, исчадье, грязь...
 Мой муж! Мой князь! Ты мать не слушай!
 Беги ко мне из всех времён,
 из всех веков, имён, чтоб душу,
 живую, не отдать в полон!
 Забудь всё то, чему учили!
 Упрячу.
 Вымолю.
 Умчу!
 Я пробуждаюсь.
 Я в бессилье.
 Как бъётся сердце.
 Пить хочу...

* * *

По весне обнажились деревья,
 коряги, кусты
 и засохшие ягоды — красные,
 что не склевали
 снегири да синицы.
 Я им оставляла еды —
 эти корочки хлебушка, мёрзлые,
 словно из стали.
 По весне на снегу столько хищных,
 напрасных следов!
 Там лисица петляла,
 и зайцы бежали в испуге.
 За деревнею — лес.
 А под крышею дома — гнездо
 из травинок сухих,
 что прозрачней колючей дерюги.

Неужели вот здесь прошлым летом
 сидели птенцы?
 И пищали они, призывая
 на помощь пернато?
 А как вдруг залатаю
 под крышей своей я венцы,
 деревянный изгиб, нишу,
 что обещала когда-то?
 Не прощайте тогда меня, эти тугие леса!
 И не только меня —
 всех обидчиков мира дородных...
 Это ж надо, какие высокие здесь небеса!
 Это ж надо, какие здесь миги —
 столетиям в угоду.
 Я хочу понимать этих
 медленных крыльев размах —
 соколиных, орлиных, синичьих,
 совиных в раскрытыи!
 И катать за щекой, словно звук тот,
 что выдохнул Бах,
 зимних ягод в мороз, ясных,
 солнцем полдневным политых!
 И две косточки белых почувствовать
 на языке.
 И уйти от того, что так больно
 и долго любила!
 Ах, гнездо родовое, что слеплено
 на сквозняке
 из пушилок, листочеков, травинок,
 поддонного ила!
 Ах, простор вековой, никогда
 не предам я твою
 травяную, пронзительно нежную,
 ясную силу!
 Для того я живу, для того я, наверно, пою
 под огромным, щемящим —
 под небом янтарным и синим!

Евгений ЛЕСИН

Москва

* * *

Серёже Каратову

Говорят, не надо на вершину.
Слейся, мол, с потоками машин.
Если жахнуть камнем по кувшину,
Разобьёшь, естественно, кувшин.

Тяжело кувшину с дураками,
Он боится впадин и вершин.
Долбани кувшином ты о камень,
Разобьёшь, естественно, кувшин.

Говорят, вот так и со стихами.
Говорят, поэзия — кувшин.
Дышат, говорят, стихи духами.
И туманом утренних равнин.

Слаб кувшин, не трогайте руками...
Ну и ладно. Не было кручин.
А стихи, они, конечно, — камень,
И уж не какой-то там кувшин.

КАВКАЗСКАЯ ССЫЛКА

Собаки бегают тревожно,
Литературный тяжек труд.
По Коктебелю осторожно
С утра Басинского ведут.

И неизменные приметы
Безбожно путают уклад.
А ставропольские поэты
Отважно баунти едят.

А мы у моря ждём погоду,
А море чёрное шумит.
102 еврея тянут шкоду,
Как 101 антисемит.

Зачем дешёвые советы
Тому, кто в баунти мастак?
Ведь ставропольские поэты
Не забывают про коньяк.

Прощайте, горы и равнина,
И виноградники, и пляж.
Прощайте, Крым и Украина,
Степной безрадостный пейзаж.

Я не боюсь чужой планеты,
Зато пугает наяву,
Что ставропольские поэты
Приедут с баунти в Москву.

ЕЩЁ И РУГАТЕЛЬНЫЕ МЕМУАРЫ ПИШУ

У них загадочные лиры
И боль души, а у меня...
Они поэты и кумиры,
А я какая-то фигня.

Они гламурней и прелестней,
Они волшебное драже.
Они моложе и известней
И даже умерли уже.

Не надо верить пластику.
Не стоит плакать над Москвой.
Не закавычивай цитату,
Скажи спасибо, что живой.

У них успех, а мне по роже
И бомж на 5-м этаже.
Они известней и моложе
И, кстати, умерли уже.

Одних уж нет, а те далече.
Дерьмо всё время на плаву.
Меня и время не долечит.
И я тут всех переживу.

КРУГОМ ОДНИ ПИРАТЫ

Господь – творец.
По-нашему – создатель.
А чёрт – хитрец
И правообладатель.

* * *

Памяти Павла Белицкого

Говорил, головою качая,
Говорил со спокойной душой,
Ничего уже не понимая:
Всё нормально и всё хорошо.

Вот и мы произносим невольно,
Потому что такая среда:
Ничего, что немножечко больно.
Всё смертельно и всё навсегда.

* * *

В 90-х, радостных и бурных,
В нулевых, сжимающих в кулак,
Мы встречались на литературных
Вечерах. И даже просто так.

Ездили куда-то. Дни рождения
Отмечали. Весело. До драк.
Падали в крапиву и каменья.
А ещё встречались просто так.

Молодость придурочную нашу
Вспоминать без глупостей нельзя...
Мы сегодня все хороним Пашу.
Здравствуйте, товарищи-друзья.

* * *

Искусство ломается с хрустом
В мелькании нашем пустячном.
Давайте не будем о грустном,
Давайте-ка сразу о страшном.

И он говорит «баю-баю»
Душе, покидающей тело:
«А что там? Откуда я знаю.
Но здесь мне уже надоело».

* * *

Небо сегодня глупое.
Прямо ну шлема шлемою.
Небо губами хлюпает.
Небо глазами шлётает.

Небо такое мокрое.
Небо такое влажное.
Куздра гуляет с бокрою.
Мы обсуждаем важное.

Вся компания дружная,
Крепкая, как на саммите.
Встреча такая важная:
Что бы сделать для памяти.

Вязнет словесной кашею
Всякое неуставное.
Лучше б сидели с Пашею.
Вот что, ребята, главное.

Борис ЛУКИН

Рузский район, Московская область

* * *

Приучаюсь понемногу
из пространства ждать тебя.
Пряма-пряменька дорога,
криво-кривенька судьба.

Как на чудо заглядевшись
на денёк, летящий прочь,
веру вижу и надежду,
и Любовь – Софии дочь.

Что мудрить? Мудрёней жизни
поищите мудреца.
Что – не прожил, то не понял
от начала до конца.

Пусть ещё терпеть придётся
и пожить – в любви – даст Бог.
Даруй, Ангел, дух мне кроткий
и по смерти – добро.

СОНЕТ 45

Просил: на день меня не покидай.
День без тебя – длинней, чем вечность,
так ропщет на вокзале бесконечность,
спасенья тень взыскуя в поездах.

Молил: на час меня не оставляй.
Бессонный океан вздыхает веки...
Набат страстей означен в человеке
слёз водопадом, боль не утоля.

Не дай душе ослепнуть от тоски,
минуты сосчитав, пустынь пески...
Жизнь в суете минует незаметно.
Ты слишком далеко в тот миг ушла.
И потому я ускоряю шаг,
пытаясь рядом быть... теперь посмертно.

* * *

У Шекспира сказано, казалось,
всё, что мне при жизни не прожить.
Пусть любви и смертиечно мало,
кто из них в итоге не паршив?

У трибуна тайны только мысли.
У поэта – будущего хлябь.
Даже воздух нынче стал корыстен,
прихотью своей пространство для.

Грустно этак думает любовник,
удаляясь с болью в даль времён,
где двух тел очаг остался огнен,
где залогом – стон рифмует стон.

Отчего, Уильям, грустны песни?
Отчего просторно смерти в них?
Посмотри, как счастлива невеста,
понимая, что в любви родит.

Может, оттого тебя ревную,
что любить не дай мне Бог – иную.

* * *

До смешного смертно грустно:
боль тележит на бемоль,
в подполе цветёт капуста,
шубный зверь разводит моль.

Жизнь вновь требует геройства,
бесшабашности... Немно-
го ль снова выдалось вопросов
о страде поры земной?

Но всё тот же промежуток:
там восход, восход и тут.
Без сомненья это чудо,
им с ума меня сведут.

Храм, погост, река в тумане...
Промысел не понимаю.

Игорь ЛУКЬЯНОВ

Борисоглебск, Воронежская область

* * *

Что тут нового.
Что тут старого –
Луч вечерний – по облакам.
По лесам, по полям,
По оврагам.
По мгновеньям
И по векам.
Это в нас
Навсегда остаётся –
Вслед за солнцем
Прощальный полёт.
Если в сердце – пока оно бьётся.
А душа и без сердца живёт...

МОСТ ЛЮБВИ

Шатала наш мост, шатала
Чужая недобрая сила.
А светлая крепко держала,
Вела вдоль своих перил.
Хотя я любил ветер,
А ты его не любила.
Хотя ты любила солнце,
А я его не любил.

* * *

В туманах угасает снег
И терпким ветерком проталин
О том о сем, о тех о сех
Напомнят мартовские дали.

Из-за оврагов и холмов,
Из-за полей и перелесков.
На реках, лёд ломая с треском,
Летит их многозвучный зов.

В нём шум деревьев, птичий крик,
Ручьёв пронзительные скрипки...
И в лунном свете нежный лик
В мгновенья грусти и улыбки...

* * *

Он жил,
Не оглядываясь,
Не таясь,
Как Богом
Назначено жить
Поэту.
И щедро
Разbrasывал жемчуг
В грязь,
Противясь
Евангельскому Завету.
Тот жемчуг затаптывали.
Но и при том
Всё же верилось:
Кто-то нагнётся,
Склонится
К одной из жемчужин
Печальным лицом...
Топтали-то в целом
Весёлые лица...

* * *

Хотим ли — не хотим,
Проходим мимо мы,
Но остаётся внутренняя связь...
Дорога луговая ископытена.
Разбитый вяз, пустая коновязь.
Бугор осенним полднем чуть пригретый.
И будто не увижу никогда,
Гляжу туда, где раньше было лето.
И зеленели вётлы вдоль пруда.

Светлана ЛЯШОВА

с. Старая Калитва, Воронежская область

* * *

Решил ты: вот выбью дурь!
А это была не дурь...
И так двадцать лет прошло —
Коту, так сказать, под хвост.
А дамы вокруг, — «глазурь»!
Блистают, хоть очи жмуры.
Корове ж зачем седло?
Зачем проходимцу холст?..

И можно бы проще жить,
Немножечко лгать, как все.
Да вот не даёт душа,
Вернее, её размер.
А тут что важнее? — Прить!
Весёлым баблом шурша,
Успеть, чтоб «привял» сосед.
И всюду: размен, размен...

А я, как туман, плыла...
Но каждый решил: игра!
...Замедлен мой зыбкий мир.
А здешний — жесток и быстр!
Легка или тяжела
Доставшая сердце мгла?..
Но тут отдохнул Шекспир!
И мы перекинем лист.

Ах, те, кто вот так со мной
 Столкнулись, круша-любя...
 Что молодость? — Бездна бурь:
 Глазаста, стройна, смела!
 Вращается круг земной,
 Уходят года, трубя.
 Решил ты: вот выбью дурь!..
 А это душа была.

* * *

Тот — предал, и этот — слегка.
 Подумаешь: всех предают!
 Сияла любовь, высока,
 Да вся изувечилась тут.
 Тот — «любит», и этот — «зовёт»,
 Да каждый себе на уме...
 И падает солнце с высот,
 И свет умирает во мне.
 ...Неволи непрочная нить
 И воли суровая нить.
 И некому верность хранить,
 И не с кем неверность делить...

* * *

Мудры монахи и старухи,
 А мы бесславно немудры.
 Как чернозёмы из-под плуга
 Немягкомуздры до поры.
 Ясны холмы и небосклоны.
 Весна. Плоды не сочтены.
 И этот гонор Антигоны
 Не для аграрной стороны.

* * *

Опять отлетает листва,
 Рождается утро во мгле...
 Никто не имеет родства
 На этой этапной Земле.
 Ничто не имеет границ:
 И лес на ладони, и луг.
 И люди небеснее птиц,
 Им только летать недосуг.

* * *

На поводке уходящего солнца
 Такой медлительной тянется день,
 И современник с лицом кроманьонца
 Водит проспектами хмурую тень.
 Город как город — сиренами вспорот,
 Скорая помощь — скорлупка скорбей...
 Но для надежд есть бесспорнейший повод:
 Кормят старушки с детьми голубей.

* * *

В сюрреалистические будни
 И в коммунистические сны,
 Где красноб, плакатно и простудно,
 Наши души туто вплетены.
 Все мы понемногу рисовали
 Снег и кровь, но с рук сошло пока...
 Разве что из пыточных подвалов
 Хлынула кровавая река!
 Что же мы, беспамятные внуки
 Тех, кто в прах вштрихованы давно?
 Но художник потирает руки
 И грунтует снова полотно.
 В полночь, переругиваясь глухо,
 Выползают краски за порог...
 А в окне, помахивая ухом,
 Здраво ухмыляется Ван Гог.

Новелла МАТВЕЕВА

Москва

ЦЫГАНСКИЙ МОТИВ

Не удерживай цыган!
Им дорога — дом.
Им в оседлость, как в обман,
Верится с трудом.
Вечных странников — цыган
Вдруг остановить —
Всё равно, что ятаган
В спину им всадить!
Кто-то хлопоты развёл...
Лозунги звучат
О постройке бойких школ
Для цыганских чад.
Но за партюю никак
Им не усидеть!
(Лучше сами у бродят
Научитесь петь!)
Было много уж возни...
Боссам не впервой
Неподвижностью казнить
Табор кочевой!
Чтоб на племя пала мгла.
Чтобы хор затих.
Чтоб цыганщина пошла!
(Без цыган самих)...
Сей не слишком добрый план
Виден без витрин.
Остановленных цыган
Знал ещё Куприн;
Перехваченных в пути,

Чтоб не шли в простор,
Чтоб запел за них — почти
Не цыганский хор.
У старинных-то — вполне
Певчих — во успех
Был! Мурашки по спине
Бегали у всех!
Новички ж у них не тот
Выкради секрет;
Мастерства — невпроворот.
А мурашек — нет.
Прогрессист и Зампотех!
Где ты вдруг пронал,
Что «прогресс» ещё не всех
Странников догнал?
Не отчайвайся, плут!
Если не исчез
Табор вольных, — их и тут
Выследит «прогресс»!
Им устроят маэту.
А прогресс — предлог.
(Чем индейцу Виннетэ
Твой прогресс помог?)
Не прикидывай на вес —
Что он им несёт;
Важен вовсе не прогресс,
Важен САМ НАРОД.
Не удерживай цыган!
Им дорога — дом.
Им в оседлости обман
Верится с трудом.
Что ты знаешь, интриган,
О живой душе?
Остановленный цыган —
Не цыган уже.

Март, 2013

РОДИНА ЛЕСОВ

К русским людям —
к нам взвывает снова
«Белая берёза» Бубеннова;
Неужели мы её сдадим
Пришлой и оседлой силе вражьей?!

Был хорош её изгиб лебяжий
 И мороза в ней алмазный дым...
 Не сдадим? Да уж как будто сдали?
 Стойти гимна и медали
 Кто ещё не предал на корню,
 Не отгородил для олигархий, —
 Кто не сдал берёзу — волей гарпий —
 Тёмной силе, Бледному коню!
 «Не сдадим»? Уже сдана во многом.
 И числа, и счёта нет предлогам!
 Под предлогом въевшегося в ель
 Короеда (сами — короеды!)

Над берёзой крепнет свист победы
 Топора, всевластного досель.
 Ропщет люд. (Сей ропот — клад жемчужный!
 Только — что ж он может, безоружный?)
 А хититель не смыкает вежд;
 Для компаний, для «Отца и сына
 Домби» — древесина... Древесина...
 Что ни взмах — то Швабрину коттедж!
 И у сосен вырубщики те ж;
 Хвойную с тайги сдирают шкуру,
 Лес в Китай сплавляют по Амуру...
 Казнь каштанов... Ивовый погром...
 Светопреставления такого
 Не опишешь ни пером Лескова,
 Ни жар-птицы огненным пером!
 На Коньке на Горбунке, бывало,
 Не обскакешь лиственного вала —
 Не достанет никаких часов...
 Ты цвела — в лесах до поднебесья...
 Неужели ты идёшь в безлесье,
 Родина лесов?!

Не одни берёзы под прицелом;
 Падают — титанов войском целым
 Ясень, кедр, дубы — из края в край...
 Что поджог не взял — возьмёт порубка.
 Вся страна — продажа да покупка!
 Здравствуй, сволочь!
 Родина, прощай.

Дмитрий МИЗГУЛИН

Ханты-Мансийск

* * *

Пока победно шествует эпоха,
 Не лучше ли
 спокойно жить в глухи?

Под маскою шута и скомороха
 Скрывать порывы скорбные души.

И будь во всём наивен и беспечен,
 Пусть думают, что жизнь твоя легка,
 Ведь никого не напугают речи
 Придворного шута и дурака...

Когда ж грядут внезапно перемены,
 Услышатся иные голоса.
 Участников немой финальной сцены
 Определят по списку небеса.

Метель утрат восторг души остынет,
 Застынет в реках чёрная вода,
 Но все-таки Господь весёлых любит,
 А верных — не оставит никогда!

И пусть кружат во мгле
 миры и меры,
 В кромешном мраке исчезает путь,
 Держись поближе
 православной веры,
 А там Господь
 подхватит как-нибудь...

* * *

Смурная выюга злится,
Мрачнеет небосвод,
Разлука наша длится
Уже который год.

Зима во всей округе –
Ни лета, ни весны,
Позаметали выюги
Немые наши сны. *

Но всё, что было с нами,
Пытаемся сберечь,
Соединяет память
Обрывки наших встреч,

Слова, событья, взгляды,
Крик птицы, всплеск волны,
Движенье автострады,
Мерцание луны,

Смятенье разговоров,
Смешение примет,
В заснеженных просторах
Звезды высокий свет.

Не требуй доли лучшей,
Бреди сквозь непогодъ,
Уж раз такую участь
Определил Господь,

И в этот хмурый вечер
Былые вспомни сны,
Моли о скорой встрече
В преддверии весны.

* * *

Растаял туман над излукой
Осенней тяжёлой реки,
Живу не любовью – разлукой,
Чьи вечные воды легки.

Стараюсь по жизни – хоть малость
Минувшего счастья сберечь,
Недолгих прощаний усталость
И радость нечаянных встреч.

На лёгкой волне у причала
Мороза стальная печать,
И так хорошо, что с начала
Уже ничего не начать.

* * *

Синица, беспечно порхая,
Присядет на миг у окна –
Хорошая весть ли, плохая –
А все-таки свыше дана.

Не верю в приметы, но всё же
Несу суеверий печать.
Даруй мне терпение, Боже,
Всё с радостью воспринимать,

И что бы с тобой ни случилось,
Напрасно судьбу не кляни,
Приемли, как высшую милость,
И эти ненастные дни.

* * *

А зима – неожиданно, вдруг!
Закружила, налетели метели,
Упорхнула синица из рук,
И на юг журавли улетели.

Одноко и тихо в ночи,
И не плачется мне, и не пьётся,
Лишь огонь неуемный в печи
Пылко пляшет и глухо смеётся.

Станет весело мне и тепло,
Всё же зиму встречаю в берлоге,
Вот и с дымом печным унесло
Все печали мои и тревоги.

Грех унынья оставь навсегда,
И удача к тебе повернётся.
И синица родная тогда
Из-за синего моря вернётся.

* * *

Птицы возвращаются домой.
Лес сквозит голубоватым светом.
Скоро, очень скоро, Боже мой,
Зазвенит, зазеленеет лето.

Расцветёт мой опустелый сад,
Только вот в душе моей – ни звука.
Как-то вдруг нежданно, невпопад
Вспомнится недавняя разлука.

Снегопада шелест, фонари,
Сигаретный терпкий запах дыма
И тугая полоса зари,
Замерцавшая неуловимо.

Что осталось? Снега кутерьма,
Долгой ночи влажное дыханье,
И нагая сладостная тьма,
И немного странное прощанье.

Нынче мы чужие – я и ты.
Всё так просто. Сердце бьётся мерно.
Что страшнее этой простоты,
Этой строгой страсти равномерной?

Ни прощать не вправе, ни винить.
Но чем дальше время – боль сильнее.
Понял я давно, как надо жить,
Только с каждым годом жить труднее.

Ну а нынче – всё звенит весной.
Что природе наши мысли, муки?..
Птицы возвращаются домой
После зимней, тягостной разлуки.

Евгений МИНИН

Иерусалим, Израиль

ПОЭТ

Поэт – неповторим, он так подобен чуду,
Беспомощный порой, порою – едкий щут.
Порой настолько мал, что виден отовсюду,
Порой настолько тих, что слышен там и тут.
Не требуй от него геройства и отваги,
Он плачет по себе, и плач летит во тьму.
Чужую боль несёт на листике бумаги,
Необходимый всем, не нужный никому.

УДАЧА

Удача приходит внезапно,
Без стука, поверьте на слово.
Но день пролетает – назавтра
она обнимает другого.
И снова сплошная непруха,
и тянется жизнь бестолково.
Удача – бродячая шлюха!
Но как её хочется снова!

* * *

Мы от поэзии в убытке,
где от неё дохода ждать!
Порой разденешься до нитки,
чтоб книжку тощую издать.
Сидим, бывестные кликуши
литературного труда,
и в строках раскрываем души,
чтоб каждый плонуть мог туда.

ПУТЬ ПОЭТА

Путь поэта — это даты —
не веселье или грусть.
Всё, что прожито когда-то,
надо ль помнить наизусть.
Путь поэта в мирозданье
критик вымерит сполна:
то ли — стопками изданий,
то ли — стопками вина.

О ПРЕМИИ «ПОЭТ»

Поэзия — наше богатство,
ему и подводим итог:
поэтов всемирное «блатство»
похоже на бурный поток,
что может волною тупою
сбивать непокорного с ног.
Поэты едины с толпою,
а Гений — всегда одинок.

ТЩЕСЛАВИЕ

Так просто сжечь стоящие на полках
тома стихов, ни капли не скорбя.
И все!
И ты — единственный!
И только
читает человечество тебя!
Тщеславие заставит лезть из кожи,
но истины потом приходит миг,
и кто поймёт,
насколько ты ничтожен,
оценит кто —
насколько ты велик!

**КОГДА НЕ ХВАТИТ
СЕРДЦУ БУКВ...**

Когда не хватит сердцу букв,
шепча слова ли,
стих кроя ли,
и пальцев трепетный бамбук
бездумно ринется к роялю,
и хлынет звуков круговорть,
и снова лад в душевном гаме.
Лишь только музыке пропеть
то, что не выразить словами.

ПОЭТЫ БЫВАЮТ

Поэты бывают глобальные,
Спасённые и убитые,
Любимчики и опальные,
Воскресшие и забытые.
Безвестные, триумфальные,
Добрые и бессердечные,
А есть, как рисунки
на скальные,
Понятные всем,
и — вечные.

КОГДА ПОЭТЫ...

Когда поэты пишут
Сонет бессмертный свой,
Они уже не слышат
Тот выстрел роковой,
И строчку обрывая
Уйдёт поэт во тьму,
Спросить не успевая —
За что и почему?

КОГДА БЫ...

*Под настойчивый рёв тепловоза,
Средь еловых теней и ольхи;
Как бы жили мы, если б не проза,
Кем бы стали, когда б не стихи?*

Александр Кушнер

Не ехидно, совсем добродушно
Приведу адекватный пример;
Что б читали мы, если б не Кушнер,
Что б писали, когда б не Гомер.
Сколько в мире пера виртуозов,
Написавших тома чепухи,
В нищете жило б, если б не проза,
И не сплюсь, когда б не стихи.

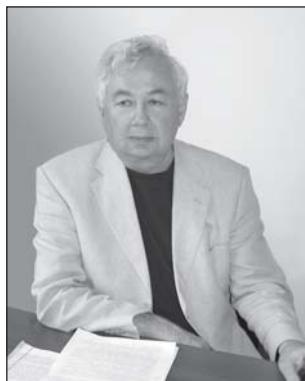
КРИТИК

То ведёшь ты в мир открытий,
то на бред наводишь глянец —
враг мой — критик,
друг мой — критик,
ты всегда — двуликий Янус.
Обличаешь паранойю,
и дуреешь от халтуры.
Пой же, критик, за спину —
бек-вокал литературы.

Валерий МИХАЙЛОВ

Алма-Аты, Казахстан

ЗОЛОТАЯ ДРЕМОТА

Худой, как совесть, ветхий неводишко
Закидывал я в море-окиян,
И, на удачу не надеясь слишком,
Сидел себе, от брызг солёных пьян.

Дышала даль отверженной свободой,
Катилось солнце на лихой волне,
И золотою мыслил я дремотой,
И ничего не нужно было мне.

Сквозь ячей сновали рыбы стаи
И тайною плескала глубина,
И рыбка выплыvalа золотая
И что-то говорила мне она.

Как блики в синем воздухе живые,
Ко мне летели будто бы свои
Слова её округло-золотые,
И были они только о любви.

* * *

Куда ты уносишь, весёлая речка,
Берёзовый лист — золотое сердечко?

Здесь тени зелёные елей и сосен,
Но там, где берёзы, наверное, осень.

Вода серебристая и молодая,
Но вот уж кипит золотым-золотая.

И сердце не ждёт, не зовёт и не просит,
И листья уносит, уносит, уносит...

* * *

Сиротским случайным быльём
Твой холмик порос молчаливый,
Сгорающим живьём
На пекле неторопливом.

Тебе расцветал клеверок,
Поникли седые головки.
Шиповника стебелёк
Как жест изогнулся неловкий.

Вот рыжий бежит муравей...
Зачем он всегда озабочен?..
Что может быть смерти длинней!
Что может быть жизни короче!

И сизая в дым стрекоза
К кресту прилепилась нечайно,
Бессмысленно пяля глаза
На самую горькую тайну.

* * *

По берегам Есень-реки туманы длинные,
А в них горят, как светляки, огни рябинные,
В горниле стылом октября темнеет золото,
Об эти солнышки моя душа искалota.

Чуть слышно плещется во мгле
вода холодная,
Светлым-светла, темным-темна,
как кровь свободная,
И кто-то из ладони пьёт
судьбой единственной
То ли черемуховый лёт,
то ль мрак таинственный.

* * *

Ангел мой, ты от меня устал,
На ветру моём хрюшишь, простужен...
Жизнь свою небрежно я листал,
Промотал что было, просвистал —
И тебе лишь только нынче нужен.

Хочешь, я тебе сейчас спою
Песенку одну, совсем простую,
Тихую, невидную такую —
Ну, конечно же, про жизнь мою,
Что прошла, конечно же, впустую.

Ты ж подпой мне: баюшки-баю,
Чтобы не ложился на краю —
Я не лягу, я не протестую,
Я уже бескрайнее пою.

* * *

Ангел мой, ты от меня устал,
На ветру моём хрюшишь, простужен...
Жизнь свою небрежно я листал,
Промотал что было, просвистал —
И тебе лишь только нынче нужен.

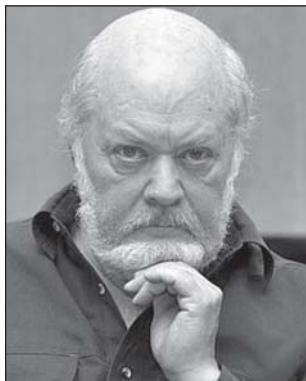
Хочешь, я тебе сейчас спою
Песенку одну, совсем простую,
Тихую, невидную такую —
Ну, конечно же, про жизнь мою,
Что прошла, конечно же, впустую.

Ты ж подпой мне: баюшки-баю,
Чтобы не ложился на краю —
Я не лягу, я не протестую,
Я уже бескрайнее пою.

Мир туманом затянут, как рана,
Тёплой млечною тишиной дыша...
Как из белого сна, из тумана
Выпłyвает навстречу душа...

Лев АННИНСКИЙ

Москва

«БЫЛО – НЕ БЫЛО: Я РОДИЛСЯ» *К 100-летию со дня рождения Виктора Бокова*

Сто лет? Самое время оглянуться.

Если бы он не родился, такого в первом советском поколении следовало бы выдумать.

Однако родился. На пятидесятый день Мировой войны. В деревне Язвицы.

Про Мировую войну ещё не знали, что она Первая — для этого должна была загрохотать Вторая.

Деревня — то ли подмосковная, то ли владимирская. Этот вопрос потом Советская власть решала, перекидывая уезд из губернии в губернию. Важно в конце концов оказалось, что до Лавры — считанные километры: Боков (в постсоветское уже время) говорил, что он «Троицесергиевский инок». Впрочем, охотнее говорил, что — «Язвицкий». Если искать символический смысл в ономастике, то это полный отпад: ну, что язвительного в Бокове?!

А впрочем, не так он прост, как любил представляться, этот звонкий «озорник-гусляр».

Простоту свою выводил — из происхождения. «Я деревенский! Был, есть и останусь! Вырос в поле, в лесу, на людях. Отец и мать крестьяне».

Деды-прадеды — пахари, смерды. Пытался искать старые могилы — ничего не раскопал, но клятву верности дал.

Зато отец — в живых воспоминаниях. «У меня отец хоть куда косец! Я чуть похуже, покос чуть поуже».

На старости лет отец составил «Жизнеописание», которое начал фразой: «Это было то отдалённое время, когда наша деревня была окружена волками, лесами и помешиками». Из чего видно, что юмор свой Виктор Боков получил явно по наследству, хотя литературный покос у него получился «чуть пошире», чем у родителя.

Мать, можно сказать, — главная героиня всей его поэзии; перед матерью он преклоняется, её благоговейно вспоминает. «Помню, как маленьkim мальчиком шёл я с серпом возле мамы моей». Это пишет сорокалетний поэт. Десятилетие спустя картина приобретает иконописный колорит: «Я видел Россию. Она поднималась туманом над речкой и светлой росой. Шла женщина русская и улыбалась, за женщиной следовал мальчик босой...»

Мама – певунья, работница, заботница. Её советы дальновидны:

- Сынок! Не пей подряд, часть лей через плечо! (Исполнено).
- Держись за поручень и за перила. (Исполнено).

Ещё эпизод: «Мне мама стучала в дощатую стенку: – Не спится? Опять заболел?» – Везёт к врачу. Тот, осмотрев парня, ставит диагноз: «Ваш сын из стихов состоит. Таких не излечишь ни счастьем, ни горем, пока не сгорит».

Диагноз подтверждает мастер токарного дела, он кричит тринадцатилетнему ученику, присланному в цех из школы:

– Как ты точишь? Как ты сверлишь втулку – просто срам! Если честным токарем не хочешь, уходи в контору – будешь там. Что, скажи, в башке твоей творится? Волосы твои стоят стойком!..

Объяснение: «Он не видел, что уже дымится голова, объятая стихом».

Это увидели родители. Купили балалайку. Парень ожил: «В первый раз пошёл плясать и о девушке вздыхать».

И плясать бы ему в своей Язвице до скончанья века, если бы Советская власть не призвала из медвежьих углов под свои знамёна молодняк, предназначенный для жизни при коммунизме. Юный токарь попал в число призванных. С тою особенностью, что, в отличие от других сверстников, которых вводили в поэзию такие мэтры, как Антокольский, Луговской, Сельвинский, – Бокова приметил Пришвин, вроде бы далёкий от стихов и укоренённый в своём природоведении: услышав с загорской сцены частушечный перепляс язвицкого балалаешника, он безошибочно уловил в нём то самое, что носил в себе: глубинную «природность». И командировал деревенского весельчака в московский Литературный институт.

Жизнь (и литература) подтвердила, что чутьё у Пришвина сработало безошибочно: из русских поэтов своего времени Виктор Боков обнаружил наибольший заряд природной неистребимой естественности, которая не мешает идеяным, художественным и прочим творческим заданиям, но работает «под» ними, сохраняясь в природном остатке. Таким зарядом естества обладал, наверное, только Есенин, но тот был круче, и от этого жизнь его всё время оборачивалась трагедией, ею и кончилась. Боков – легче нравом. Его интонация скорее скоморошья, и никак не «пророчья», а интонация решает всё. Боков охотно рассказывает в стихах о том, что с ним «происходит», но решающие моменты его поэзии – когда «происходит» в самих строчках какой-то внутренний взрыв, или вспых, или вспорх...

Было – не было: я родился.

Было – не было: тихо рос.

Было – не было: я влюбился,

На свиданье черёмуху нёс.

Четвёртая строка – пересказ реальности; первые три – сомнамбулическая поэзия.

Ещё пример:

Я чудачу,
Я куд-кудачу!
Ряженый,
Рифмами слаженный,
Грубый,
Неглаженый!
Для ярмарок создан,
Для свадеб задуман...

Первые две строки – камертонные, по ним Боков узнаётся безошибочно, это одновременно и клеймо мастера, и удар шаманского бубна. А потом – разработка образа, где ярмарка воспринимается как ярмарка невест, а свадьба – как образ жизни.

Ещё пример:

Лето – мята,
Лето – лён.
Я-то, я-то, я – влюблён!

Интересно, что камертонные ноты, как правило, сопряжены с любовными переживаниями. Герой Бокова невероятно влюбчив, это его «естество», о чём в стихах множество раз говорится. Невольно ища для сравнения подобные мотивы в судьбе Есенина, видишь: там что ни любовь – слом жизни, любую избранницу подстерегает в конце концов убийственный конец (одна застрелилась прямо на могиле поэта). Боков проходит через эти естественные испытания легче, мягче; оканчивается всё ревнивыми попрёками жены, перед которой поэт не только смиряется, но вводит её в стихи как сквозную лирическую героиню под собственным редкостным её именем: Алевтина... чем тоже ставит ей поэтический памятник, а себе обеспечивает возможность отдавать должное «природе», не ломая при этом судьбы.

На общественно-политическую реальность всё проецируется в таких же щадящих пропорциях. У Есенина жеребёнок состязается с поездом, ясно, что кто-то должен победить, и жеребёнок обречён. У Бокова соловей и трамвай сосуществуют и весело перекликаются.

Лучше всего – за городом. Поехать, вернуться. Сходить в лес. Или просто выйти за ворота.

Выйду за ворота —
Всё мхи да болота.
Выйду за иные —
Луга заливные.
Пойду на задворки —
Плеса да озёрки.
Где мелко, где глубоко,
Где рыба, где рыбка.

Спят утки сторожко.
Краснеет морошка.
— Ау-у-у! — раздаётся,
Кто с кем расстаётся?

Расстаётся — голубь с голубкой. Самое интересное в этом стихотворении — дата написания. «1937». И ничего! Двадцатitrёхлетний студент Литинститута наверняка знает, какие расставания случаются вокруг него (и его не минует чаша сия), но знать этого явно не хочет, у него своя тропа, своя песня, своя реальность.

Это отнюдь не значит, что он вообще чурается опознавательных знаков эпохи или намеренно выламывается из своего поколения, отвергая общие символы веры. Нет, он искренне вживается во все то, что ему задано временем. И ещё хранит в душе... то самое: неистребимый остаток естества.

Может, потому и вживается так искренне-легко?

«Нету дня, чтобы жил я без Ленина... Первые слёзы мои — это смерть его». Пробуждение поколения — потрясение трауром. Сверстники Хлебникова и Ахматовой пробудились когда-то с гибеллю русского флота в Цусиме — поколение первых советских пионеров осознает себя под прощальный крик заводов в январе 1924-го. Это, в сущности, ленинский призыв в жизнь — с порога его смерти. И с этого порога — через всю поэзию Бокова — «кефка, которую Ленин сжимал», «снег на ленинском мраморе», «красное солнышко» на родине «мудрого Ленина», «бороды крестьян», задранные к ленинскому окну в Кремле, «ленинская длань», вылетевшая в даль... В столетний юбилей вождя — это вообще главная тема. Но и потом, в начале 90-х, без него не обходится; деревенские умельцы разобрали часовенку на кирпич, и её «не защитил родной Ильич» (нашёл Боков для часовни защитника!). Бандит, отобравший у поэта в тёмном углу кошелёк, возвращает ему рубль: «Возьми! Я не скупой, и я с тобой по-ленински» (перехватил негодяй фразеологию). К середине перестроенных 90-х: «Лоб у Ленина в пыли, взгляд направленно-тревожный. Поседел, как ковыли, как татарник придорожный». А из-под горькой окалины — всё тот же запал: «Я уверен в успехе, словно Ленин молодой». (У Ленина была кличка «Старик», это неважно, важна верность тотему).

Рядом — весь строй советских символов. Коммуна. «Мне Коммуна досталась труднее, чем вам. Я её на хребте выволакивал. Я дубы корчевал, я на пнях ночевал, сам себя и жалел и оплакивал». И «плывёт корабль страны к берегам родной Коммуны». Коммунизм — в зависимости от задач момента — то «руководство к действию», то средство «защитить человека», а однажды даже такое:

Любо мне это житьё боровое!
При коммунизме в борах будем жить.
Всё здесь всеобщее, всё даровое,
Только нагнуться и в рот положить!

Уж не смеётся ли Боков над священным словом? Да нет, не похоже. Всерьёз говорит: «Не выбить из меня советской веры». Но иногда как бы проговаривается. «Слово «мир» произносится всюду: в шахтах, в штолнях, в широких цехах. Это слово и я не забуду помянуть и прославить в стихах». Жест спохватыванья: не забыть бы помянуть нужное. Как на красный угол перекреститься.

Насчёт красного угла (то есть религиозного чувства): «Богу – богово, а Бокову – боково», – незабываемо. Бог Бокову не нужен, потому что у Бокова на месте Бога – Природа – вполне в русле диамата. По части истмата привлечён в стихи священнослужитель: «Лоб – как заслонка... Не сеет, не жнёт, не пашет, а кадилом машет» – картинка вполне в русле демьяно-бедной эпохи. Сам поэт родителями крещён, а «не верит ни на столько». Честно признаётся: «Я у церкви с рюкзаком. Как сосуд стою порожний, этой вере – чужаком, этим мыслям – посторонний». Попу совет даёт: «А ты, отец, возьми прочти с амвона: «Черёмуха цветёт, кричат грачи!»

Эпоху спустя перестраивается. «Сердце частит. Солнце у храма кресты золотит». И ещё: «Родина! Кровь моя! Раны Христовы!» И даже так: «Храни вас Бог!» – всем встречным. И, наконец: «Кому, кроме Бога, могу я молиться?»

Кому? Да вы прислушайтесь к молитвам озорного балалаечника. «Доказано, что Бога нет. Кто доказал? Да чёрт хвостатый».

Как атеистом был, но не отдавая атеизму всей души, так и богомольцем стал – с чертовщинкой в запасном регистре.

Кто его осудит? Когда достаётся выжить в нескольких идеологических светопреставлениях, – и не такие образные кульбиты случаются. Славишь Советский Союз, а он разваливается. Поминаешь райкомы-фабкомы-месткомы, а они дают дуба. Потешаешься над двуглавым птенчиком и славишь герб с трудовыми колосьями, – глядишь, колосья потоптаны, а двуглавый опять взлетел.

Не нужно ждать пророческих отгадок от поэта, пересекающего такие политпогодные фронты. Но скоморох может многое. Он может словом угодить в цель с тыльной стороны. То Чечне в любви объясняется за считанные месяцы до дудаевского мятежа. То поздравит сограждан с Новым 1973 годом: «Жизнь идёт. И нет застоя». Скажете: «застой»-то как раз и есть. Но дороже авгурковых попаданий пальцем в небо – во такая весёлая живучесть баешника, который идёт с частушками вдоль станков (ситуация подлинная: выступал в цехах и, надо думать, неоднократно) и озорно перебрасывается словами, лишая их сакрального ореола.

Как, и с «земшаром» справился – основной мерой веса первого советского поколения?

А запросто.

«Мы вырвались с земных орбит, нам стало шире на планете!» – салют космической эре. А вот салют запечному сверчку: «Твои прогулки – на шестке. Ряды горшков – твоя планета». Салют Фидело Кастро: «Растёт всемирное братство и гибнет всемирная нечисть». Если нечисть не сдаётся, то во всемирном масштабе: «Ко всему привыкла ты, планета, к грязи, к розам, к ливням и пурге». Ноша непосильная? «Барахтаюсь, борюсь, планету целую хочу поднять». Но если всем народом, то можно: «Жизнь свою свободную творя, на своих плечах планету держим». Ещё лучше, если общая пляска: «Шире, шире,

шире круг! Шире круг по всей планете!» Едешь, куда хочешь: «Море к морю, река к реке – карта мира в моей руке». Возвращаешься: «Я не жалуюсь. Я скорблю! Горько плачу на этой планете. Потому что Россию люблю больше всех и всего на свете».

Чего там больше: гордости Атланта или плача Ярославны, – но фон непременно планетарный. А что настроение меняется – так ведь и ситуация меняется. За сменой ситуаций и настроений – сквозной путь поэта Виктора Бокова через доставшийся ему мир.

Планета планетой, но главный маршрут – в лес. Мечта – соединить воедино всё и вся: весь мир, всё человечество. Всё обнять! Это – в умозрении, без которого Боков не был бы сыном своего поколения. В реальности же соединяются болотце с лужайкой, берёза с бересклетом, сойка с сорокой, и ветерок с травкой. Без чего Боков не был бы Боковым.

Выходя же к людям, «звонарь в храме леса» достаёт балалайку – «как приложение к плугу и серпу» – и, посрамляя «изысканность Гнесиных», наяривает вдоль деревни: озорник, гуляка, баешник, ветродуй, которому внелет и вторит такая же озорная, свойская, отчаянная улица:

Русская душа
Плясая и песенница,
Нельзя в её дела
Посторонним вмешиваться.

Никак не рискуя вмешиваться, решусь однако заметить то, что «со стороны» виднее. Озорник и забияка вовсе не так бесшабашен, как сам себе кажется. Больше бурь и гроз он ценит «едва заметный миру дождь». Поэт в его понимании – «простой и невзрачненький» – как соловей. Чем звонче поигрывает словом и позванивает рифмой, – тем сокровеннее спрятанная от чужих глаз тревога. «Живу всё осторожнее, как лось сквозь лес не пру». Ещё тоньше: «Я иду, как ничей, как никто, никуда ни к кому не спеша». И совсем уж наперекос целеустремлённой эпохе: «Была бы жизнь, а цель возникнет».

Смена целей (мишеней и ориентиров) – привычное дело в жизни поколения, которое не успело к Гражданской и угодило в Отечественную. Так что ощущение бесцельности пути и невесомости существования в ту пору даже и небезопасно. Потом оно становится привычнее: «Куда идём? Куда летим? И на какую крышу сядем?» – это написано уже в чресполосье Перестройки. Но заложено – той философией жизни, которая (без высокочувственных определений, вроде гилозоизма и т.п.) достаётся поэту Бокову «от природы».

В пересчёте на историческую логику это мироощущение приобретает следующий вид: «Неисправимы людские пороки и никому не помогут пророки».

В пророки поэт и не просится. Отчаяние прикрывает чудачеством и балагурством. Отчего отчаяние? Оттого, что Емеля как сидел на печи, так и сидит. Оттого, что не любят на Руси людей хозяйственных, а любят нищих и горьких. Оттого, что и в будущем все останется так.

Когда мне говорят: – Что с нами будет?
Каким веслом нам в будущее грести?
Одно я знаю – глупых не убудет,
И умных будет столько, сколько есть.

Задний ум? Если угодно. Им мы крепки. И тут спасение души, которая «куд-кудачит», встречая неотвратимый рассвет.

Жесткий свет истины опалил крылья и обуглил души сверстников Бокова, попавших под перекрёстный огонь истории. Он вышел – несломленный. Потому что не отдавался безоглядно безумствам эпохи.

Эпоха требовала беззаветности; казалось, всякое «естество» перемалывается без остатка; но на самом деле это судороги жизненной материи, конвульсии сменяющихся исторических фаз и форм, под гнетом которых «естество» невероятным образом выживает. Так что если угодно «природе» (и судьбе, и культуре) создать существо, у которого естественный базис настолько силен и глубок, что ни одно безумство (безумство храбрых) не может вырвать его из этой подпочвы, – то она и создаёт такого. И награждает талантом. И вручает не кимвал бряцающий, не боевую трубу, а балалайку о трёх струнах.

Сверстникам достаётся: кому немецкая бомба, кому чекистская пуля, кому дистрофия блокады, кому роковой рак – болезнь измученных душ. Бокову на этой полынной земле («где меня я не знаю за что, но любили») достаётся от щедрой матери-природы уникальное в его поколении мафусаилово долголетие. И изумлённое (с поправкой на скоморошье озорство) ощущение счастья на десятом десятке жизни:

Сколько раз мне на шапку роняли карнизы...

От одного такого карниза он не должен был уберечься ни при каких обстоятельствах: когда обрушилось на головы 22 июня 1941 года... но и тут судьба повернула боком...

Война – как роковая неотвратимость – проходит через всю лирику Бокова. Но – отзвуком, эхом, давней взрывной волной... «По военной дороге отцов мирные дети идут за грибами». «Хорошо, что из нашего сада двадцать лет, как зенитка не бьёт». «Была война. Окопы рылись, и гибли сверстники мои. Тогда не в банях люди мылись, купались в горе и в крови».

Всё – ретроспективно. А тогда, в 1942-м – с натуры: толпа у военкомата, слёзы прощальны, калека на пороге избы: «Мне б ночевать, дом колхозника полон». Вокруг всё рушится, горизонт полыхает, война нависла ... но обходит героя огнём.

Расставались с тобой
Мы на камском на льду.
Где тебя, дорогой,
Я теперь найду?

Где подмосковный дом колхозника, а где камский лёд?

Через полтора десятка лет написан философский этюд «Соль», съеденный пуд которой прослеживается от детского смакования каш до воинского форсирования реки («Соль не мочить!»), после чего возникает ещё одна картинка: «Помню квадрат с мёртвой хваткой прутья, где мы истошно кричали от боли! – Не приносите нам больше питья, если нет воли, дайте нам соли!»

Слова «нет воли» впервые приоткрывают правду о том, что случилось с Боковым в лейтенантской школе в 1942 году.

Полтора десятилетия спустя — очная ставка: диалог сверстников:

Майор во френчике защитном
Стоит и курит у окна.
Все шрамы у него зашиты,
В нём, как в кургане, спит война...

— А вы в каких войсках сражались? —
Он пиво пил, в меня глядел.
Оцепенело губы сжались:
— Я не сражался — я сидел.

Оцепенелое молчание, воцарившееся после такого признания, нарушено ещё двадцать лет спустя:

Я не воевал — сидел!
Пороху не нюхал в Орше.
Но однако поседел,
Было мне намного горше.

И лишь ещё через пять лет сиделец и фронтовик дерябнули, наконец, из общей солдатской фляги окопного спирта. Произошло это (поэтически) в последний год Двадцатого века.

В книге «День за днём», вышедшей за десять лет до этой коды, Боков расквитался со своими следователями, рассказав, как его арестовали «не за что» (естественно), и вместо фронта выпал ему Сиблаг: зона, кайло, ночи на пнях.

Мой стих исповедален,
Ему в полях просторно.
Вставай, товарищ Сталин,
Сажай меня повторно!

Повторно никто не посадил. Исповедь влилась в поток лагерной литературы. В связи с чем весёлый балалаешник впервые, кажется, поделился своими мыслями о роли личности в истории.

Я не жертва Ивана Грозного,
Мой казнитель был Джугашвили.
Ничего в моём деле серьёзного,
Но статью мне, однако, пришили!

В чём было «дело» и за что пришили «статью», становится ясно из следующего эпизода: лирический герой в московском метро спускается по эскалатору, глядь – а сзади Сталин! Растерялся бывший зек...

...Что убить не пришлось его,
До сих пор я крушусь и жалею.

Если и в 1942 году такие чувства обуревали подследственного, то, слава Богу, не пронал о них трибунал, а то как бы говорил потом сиделец, что ему припаяли срок «не за что»?

Сталин, ненавидимый и проклинаемый, — главный герой Бокова в Сиблаговском цикле. Иногда вождю клеится лагерная кличка «Усы», иногда — презрительное: «палач», иногда — как в вышеприведённом стихе — грузинская фамилия, которая должна звучать в контексте сибирской зоны особенно злорадно.

Сменяется ещё одна эпоха, и в день своего девяностолетнего юбилея соловей русской поэзии читает собравшимся чествовать его литераторам следующее стихотворение:

Фамилия вождя, пришедшая с Кавказа,
И серая вождёвая шинель
Была сильна, отважна, многоглаза,
И не было фамилии сильней.
Она стояла на квадрате мрамора
Заглавной буквой в сталинской судьбе.
Над ней летали грамота охранная
И органы с назывнем «КГБ».
Она и до сих пор ещё не стёрта,
Живая жизнь зовёт её сестрой.
Её непобедимая аорта
По трубам века гонит кровь.
Я жил при ней, я ей махал рукою,
Я признавался: мне не жить в раю.
Прости, мой вождь, что я побеспокоил
Бессмертную фамилию твою!

Так русский балалаечник извинился перед кавказским державником, ибо понял, почему движется кровь по трубам века. И ещё подтвердились в этом прозрении, что великая мировая идея у поколения «детей Октября» в конце концов упирается в идею «отца

родного». Это продемонстрировали такие властители дум, как Симонов и Твардовский, а теперь и Боков.

Так что есть смысл пробежаться по историческим фигурам, время от времени возникающим в его весёлой лирике.

О Ленине речь уже шла: это негаснущий ориентир. Чуть поглубже в прошлом: «Россия – и Радищев, и Распутин». Ещё глубже: «Россия – в походке Петра». Дальше – Грозный: «Уж как ехал царь Иван во Псков город... Уж как кланялся свет Грозный своему люду...»

Самый древний силуэт – Юрий Долгорукий. О поэте его времени сказано:

Вот он – первый! Ударил звуком,
Косы песенные разметал.
Он при Юрии Долгоруком
Пел, отражая орды татар.

Вообще-то князь Юрий покинул сей мир в 1157 году, за 66 лет до того, как татары появились на Калке, и за 80 до того, как накат орды стал игом. Я вовсе не ловлю Виктора Федоровича на фактах; в конце концов, поэт, поющий, как птица, не может каждую секунду сверяться со справочниками, у него другой ракурс.

Так вот, ракурс Бокова свидетельствует о незаурядной исторической проницательности:

Русь шла «змейй», орда клубком катилась,
Глотая пыль своим кровавым ртом...

Примечательное чувство исторической пластики: орда – клубком, катком, тараном сквозь препятствия, Русь – «змейй», лентой меж препятствиями. Потом переняли у татар великородственный напор – сами пошли, как каток, дорогой на Океан, глотая пыль и истекая кровью...

Русь – вечная тема и неизбывная боль язвицкого долгожителя.

Русь – берега Камчатки. Русь – ковыльная степь. Русь – лесная чаща. Русь – лики Рублёва. Четыре проекции. 1965 год.

Четыре десятилетия проходят с той поры, когда за любовь к Руси перестали «казнить». Теперь изводят по-другому. «В сумасшедшем хороводе политических калек» тон задают «чваные и тупые гайдары» (так у Бокова – с маленькой буквы). «Собственные оккупанты» вершат «свой грабёж». Правители – душители.

Деревня гибнет. Крыльцо родное покосилось. Пафнутьич помер. Бурёнушке сенца не хватает. Из тысячи дворов осталось три (в другом случае дюжина), да и те скоро сломают, чтобы построить комплекс для коров. Гибнет Россия, плачет, как дитё. «Мы растеряли Русь. И как иголку пытаемся в траве её найти».

Легче, однако, Буренке пройти в ушко иглы, чем понять по этим боковским стихам, где ей, оголдавшей, будет лучше: в комплексе или в развалившемся старом стойле. Кто без Пафнутьича должен поправить покосившееся крыльцо? Гайдар? Учительница из Верей,

которой ученики сказали: «Ты дура!». Где тут оккупанты? «Подлость по скверу в обнимку идёт» — это по какому скверу: там, где хороводятся политические калеки, или там, где односельчане с кульками ищут, где «урвать, достать, украсть»?

«Народ не жалостлив ничуть, таинственная это сила наступит сапогом на грудь и требует: — Скажи спасибо!»

Так «народ» всё-таки? Как же с этим быть? Голодает этот народ или налегает на закусь? В стихах Бокова он делает и то, и другое. Не знаешь, чего желать этому «неравному, неровному» народу. Тащить ли его к цивилизации из пещерного озверения, или пожелать ему немного дикости? А то он «изнежен водопроводом, горячей ванной и теплом. Мы называемся народом, а под подушкой держим бром». И одновременно держим под подушкой дубину.

«Говорят, дикарь ходил с дубиною, чтоб свою добычу углядеть, чтобы с ног свалить свою любимую, чтобы полумёртвой овладеть».

Не могу не отдать должное поэтической остроте этой метафоры, но она неотвязно соотносится у меня с парой: народ — Русь.

В четырёх проекциях встаёт Русь из стихов 2000 года. Пастушок играет на дудочке. Священник крестит ниву. Коза просит хлеба. Бабуленька с котомкой несёт внуку крестик.

Поэт смотрит на эту Русь и плачет. Потом вытирает слёзы, посыпает новую реальность на три буквы («СНГ»), и говорит: на хрена мне эти болота! «Звенящие вблизи копыта на трассу выведут меня!» Куда выведут, неведомо. «Куда летим? И на какую крышу сядем?»

В этой ситуации — помогай нам Бог и хорей с ямбом!

«Протяни, Пегас, копыто, поприветствуЙ старика. Пей и знай, что мой напиток весь до дна из родника!»

Стонет старик посреди Руси, балансирует на трех струнах, дух его, лёгкий, как пёрышко, реет над перекрещенной пашней и над раскрешенней планетой, которую пообещали когда-то его поколению в полное владение.

Солнце, звёзды и пейзажи,
Все таможники на страже,
Все туристы начеку.
Вот и всё. Конец. Ку-ку!

Будем считать, что это и есть ответ несокрушимого естества на сокрушительные идеи XX века.

Сергей МНАЦАКАНЯН

Москва

СНЕЖНОЕ

У старых Сретенских Ворот,
над Трубной и над Самотёкой –
сегодня первый снег идёт
над городскою суматохой...
И над Садовой – от угла
до Троицкого переулка,
как белые колокола,
раскачиваются хлопья гулко.
И жизнь бела, и ночь бела –
в снегах, словно в своей тарелке!
Идут снега, идут дела,
идут часы, топорща стрелки...
И белоснежной бородой
туман над трубами клубится,
окутывая ветви, лица, –
ты им захлестнут с головой.
Дошли деревья до седин!
Всё в этом мире перепутав,
снег неразрывен и един
с архитектурой переулков...
Люблю!.. бела моя столица,
а снег над крышами идёт,
как будто мне и вам сторицей
за все печали воздаёт...
Небесный, как благословенье,
идёт над миром снегопад,
идёт – светло и вдохновенно,
идёт – вовсю и нарасхват...

МИМОЛЁТНОЕ

Вы ждали у моря погоды,
но ветер в душе не утих...
Куда они канули, годы
безумных надежд золотых?
И где они, радость и жажда?
Закончился летний сезон,
а море студёное – так же
отчаянно – бьётся в бетон...

ТАЙНОЕ

...а ты – пропоица и шут –
прикидывался столько лет,
что за тобою не придут,
что даже и потерян след...
Ан нет, догонят, заметут,
и не поможет парашют,
и не поддержит исполнком,
а жизнь несётся кувырком...

НЕБЕСНОЕ

Милая девочка в мамою связанным свитере, –
в чём только держится юная эта душа? –
пишет: «Прощу не винить в моей...» –
в twittere
прежде, чем выпорхнуть в небо
с 16-го этажа.

К чёрту метания, незачем мучиться,
шаг – и не надо страдать,
это российские школьники учатся
в небе без крыльев летать...
За руки взявшись со школьной подругою,
не искушая судьбу,
словно в кроссовочку, в небо упругое
тонкую вставить стопу.
Синие-синие, серые, карие,
чистые эти глаза,
только ломаются крылья икаровы –
в мире, где выжить нельзя.
Дерзкие мальчики, девочки милые,

в мире, прозрачном насквозь,
синие-синие веточки в инее,
плавится греческий воск...
Только мгновенье — и двери открются
прямо в небесный Париж,
только мгновенье — и ты, словно Троица,
в утреннем небе паришь.
Где-то в Архангельске или в Саратове
рвётся незримая нить,
душу бессмертную в кровь расцарапывает
это — «прощу не винить...»

РУССКОЕ

Ты обруслел ещё до рожденья —
Жизнь просвистала на сквозняке:
Вот и возникло стихотворенье
на восхитительном языке...

ВЛАЖНОЕ (*Верлибр*)

Пусть это **банальная** истина,
но всё же человек на 90 процентов
состоит из водопроводной воды
и в этом смысле чем-то напоминает
зелёный
гидропонный
огурец
с колючими пупырышками...
Но, в отличие от прыщавого огурца
он способен,
на 90 процентов соответствуя свойствам
воды,
растекаться
перед начальством,
расплываться в улыбке,
застывать, как льдина,
от пренеприятнейших известий,
таять от умиления,
капать
на коллег в анонимных письмах,
наплывать,
течь,

булькать
и претерпевать прочие метаморфозы,
которые выражаются в тех же глаголах,
что определяют движение воды —
её стратегию,
её монотонную речь,
так напоминающую
бессвязный плеск и шорох толпы,
вытекающей из метро...

БЕССМЕРТНОЕ

Если Клара у Карла украла кларнет,
значит, Кларе обрыдло готовить омлет...
Чтоб заняться искусством высоким,
она в дудку гудит, она дудку сосёт,
достигая при этом небесных высот,
переполненных ангельским соком...
Если Карл у Клары кораллы украл,
это значит — ему ненавистен коралл,
буржуазные цацки и стразы,
он не то что поэт, но, конечно же, бард,
это значит — прямая дорога в ломбард —
избавляться от хрупкой заразы...
Год за годом проносятся именно так,
ну не жизнь, а какой-то гитарный бардак,
то ли Карл виноват, то ли Клара
и опять в этом доме творится скандал,
не понять, где кларнет, кавардак и коралл,
то грызётся бессмертная пара.
Это Карл, как безумный, кораллы крадёт,
и по новой за годом проносится год —
о, мгновенья прекрасные эти...
Ну а Клару манит не какой-нибудь друг,
только этот из кости моржовой мундштук
на ворованном этом кларнете...

Ирина МОИСЕЕВА

Санкт-Петербург

* * *

Память пуглива. Давно позабыты
Годы, когда уходили в бандиты,
Как на большую войну.

Их хоронили. И так зарывали.
И между ёлок они истлевали
Возле широких дорог.

Рогом упёрлись, они поимели
Тихие радости в мягкой постели,
В сладкой еде.

Их примелькались топорные лица,
Их хорошо принимала столица,
Далее, в общем, везде...

* * *

Ощущаю себя в эрзац-переменах,
Как неприличную надпись на белых стенах.
Кажется, уже тем искушаю,
что не нарушаю...

Не явилась ли я с того света?
Не перешла ли линию фронта?
Может, в логове у тех очутилась?

То-то вижу: языки придержали,
прикусили языки, проглотили.
Уж не сдать ли мне кровь на анализ?
Вдруг она окажется красной?

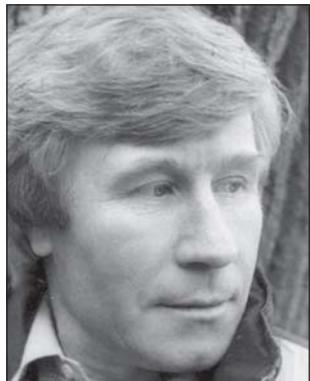
* * *

Когда мы получку получим,
Когда мы долги отдадим,
Мы сядем на мягкую тучу
И сверху на всё поглядим.
Увидим, как вмиг помельчает
Огромное море забот.
И тучка от счастья отчалит.
И в синюю даль уплывёт.

Геннадий МОРОЗОВ

Санкт-Петербург – Касимов

Я РОДОМ ИЗ КАСИМОВА

Я родом из Касимова,
С рязанской стороны.
Мать родила ... осилила.
Она – вдова войны.
И в той глухой сторонушке,
Где высятся леса,
Я рос, рыжел на солнышке,
Трепал за ухо пса,
Который звался Вольником
И тявкал без конца.
Сложив ладони «домиком»,
С войны я ждал отца.
Я ждал его так радостно!
И верил – он живой.
Бежит в атаку яростно
В шинельке фронтовой.
... Но – вжиг! И пулей во поле
Убит... А должен – жить!
Ни плачами, ни воплями
Отца не воскресить.
Кричу во сне: «Он жив ещё!
Он не зарыт в лесу!
Расту я ёртким живчиком,
Веснушки на носу.
Пять лет мне... Я во дворике
Крапиву рву для щей.
Бухие алкоголики

Орут: «Кашей! Кашей!»
Я тощ! Я, как былинка,
Весь виден на просвет...
Как я, худа и Ниночка.
И тоже ей пять лет.
Она сиротка-девочка.
Замкнётся и молчит.
Её отец и дедушка
В Освенцимской печи.
Я Нину не расспрашивал –
Шепнула мне сама:
«Сожгли их немцы заживо,
А мать сошла с ума.
Меня соседка-бабушка
Взяла в своё жильё.
Как травушка-муравушка
Живу я у неё».
...Глазёнками сонливыми,
В которых столько слёз,
Глядит она, пугливая,
Как с волчьими подвывами
Дрожа, к ней жмётся пёс.

ОЗЕРЦА СИНЕЕТ ОКО...

Гале

Когда ветвей ночные тени
Отиковали, улеглись, –
О белой вспомнил я сирени...
Сирень, пахучая, приснись.
Как я хочу, чтоб ночью этой
Ты мне увиделась во сне,
Как сноп таинственного света,
Что так горел в моём окне!
Свет полуночный, серебристый,
Как я любил его лучи,
Что источал тот куст росистый,
Мерцающий в сырой ночи.
Как это близко! Как далёко!
Да разве скажешь: «Всё – в былом!»
Вон озерца синеет око,
Идёт весна на перелом.

И отблеск молнии ветвится,
Искрится воздух грозовой.
И куст сиреневый клубится
Над молодеющей водой.

СИРЕНЕВЫЙ КУСТ

Мой дом и холден и пуст,
И в нём уюта нету,
Но за окном сирени куст
Цветёт, томясь по лету.
Как он сияет изнутри,
Горит без передышки!
Пред ним тускнеют фонари,
Неоновые вспышки.
Фосфоресцирует роса
И тяжелеют грозди.
Вчера над ним прошла гроза –
Дождь попросился в гости.
А раным-рано поутру
Свистел скворец на ветке...
О, куст! Живёшь ты на ветру,
А я – в бетонной клетке.
Увянешь – осень впереди,
Твои не вечны чары.
Упругой веткой отведи
Слепой судьбы удары.
Они придут – жара и град
С ревущими ветрами.
И небеса заговорят
Разящими громами.
Всё будет так, как в той судьбе,
Где счастье – стало мукой...
Трепещешь, куст! Но я тебе
Протягиваю руку.
Когда был мрак в моём окне,
А солнца блёстки редки,
Лишь ты один тянул ко мне
Ликующие ветки.
И жизнь вся виделась моя
До смертного предела.
И дымных безднах бытия
Туманно лиловела.

ПЕРВАЯ ПОРОША

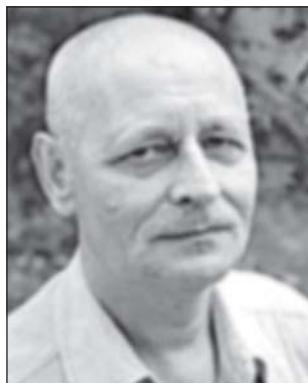
А он, мятежный, просит бури...
М.Ю. Лермонтов

...А вот и первая пороша.
Как невесомо вьётся снег!
В фуфайке, шапке и галошах
Из дома вышел человек.
Бредёт деревнею... И что же?
Да ничего! Горит денёк.
Скрипят и шаркают галоши...
Куда ты, дед? – «Обмять снежок!»
И он не в сторону, не косо,
Дед прямо смотрит... А в уме:
«Пора с телег сымать колёса,
Готовить розвальни к зиме...»
И я дивлюсь его натуре.
Хоть ласков дед, но речь – не мёд:
«Кой чёрт нам чай «Принцесса Нури?!»
Включаю телек – пляшет... «скот».
Я ни бум-бум в литературе!
...Какой дурак запросит бури,
Имея дом и огород?!»

Виталий МУХИН

Москва

ВИШНЯ

Не сон, а мутная река
и вертолёт, над ней зависший.
И солнце в пыльных облаках
над срезанной осколком вишней.
«Прости, не повезло тебе» —
слова заштатного участья.
Но что они!.. Кому теперь
про трудную дорогу к счастью?
Кому-кому?.. И чтобы сказать,
о том, как годы, понемногу
торит к военкомату мать
вот эту самую дорогу?!

Как сверху ни меняй обзор,
а бомбы всё равно сорвутся...
Вот-вот взревёт, как зверь, мотор —
вот-вот зенитки отзовутся.
Вот-вот — и вспыхнет будь здоров!
Вот-вот — и весь ты был и не был
в дырявом ромбе трассеров
светящейся заплаткой неба.

Теперь уж точно нет причин
давиться байкой бесшабашной.
Прощай! — сквозь жуткий вой турбин
и ужас первой рукопашной.
Мир накренился и застыл.
Молись, чтоб миной не накрыло,
чтоб под конец достало сил
не взывать над собственной могилой.

Не мрамор Вечного Огня,
а просто пепел и полова...
Кто вспомнит прежнего меня
хотя бы неказистым словом?
И был ли тот далёкий сад,
где свет в окне — не третий лишний
и стриженый под ноль пацан
взасос целует свою вишню?
Далёко прокатился гром.
Далёко огненной короной
сквозь тучи вызарил дом,
повыбитые градом кроны.
И нет — внезапной тишины,
в ослабших пальцах мелкой дрожи...
Снуют стрижки, стучат желны,
день обещает быть хорошим.
Но разве этим боль унять —
боль неизбывного прощанья?
« — Люблю-люблю. — Я буду ждать » —
как шрам в надрезе обещанья.
Как солнца луч в колосьях ржи.
Как в васильках седая просинь...
«Люблю-люблю» — как жажда жить
ребёнка, что под сердцем носишь.
Уходит в облака десант,
на стропах чьих-то слёз зависнув.
И мне пора... Бывай, пацан,
неуберёгший свою вишню.

СНЫ И СТРЕКОЗА

Моей любимой жене

А у моей крали
то-о-инкая талия
и голубые глаза.

Солнце в прятки играет
в каштановых волосах.

Запах магнолий и кофе
разносится за версту.
В сумерках смуглая кожа
сияет, как на свету.

Ветка ли стукнет в ставень —
вспыхнет в траве роса ...
Иль это лунный гравий
рассыпали небеса?

Тянется в сад бескрайний
стёжка из хрупких слёз ...
А моей крале лайнер
снится на волнах грёз.

А лайнери — снится берег,
в тенистых капитанах дом
с полуоткрытой дверью,
высоким резным окном,
звон воробыиной стаи ...

Много ещё чудес
свой продолжают танец —
поле и луг, и лес.

Свой продолжают танец
баржи речной гудки...
И, осыпаясь, тают
розовые лепестки.

Тает звон мандолины,
лайнер в море и пляж,
куст молодой малины
и на лугу шалаш.

Тают сны между нами —
на цыпочках ходят сны ...
А у моей крали крылья —
и нежность морской волны.

Жарче струн мандолины
чткое тело её.
А над кустом малины
дождик всё льёт и льёт,

а над кустом малины —
«Ах, над кустом малины
губы слаше малины!» —
забвение и забытьё ...

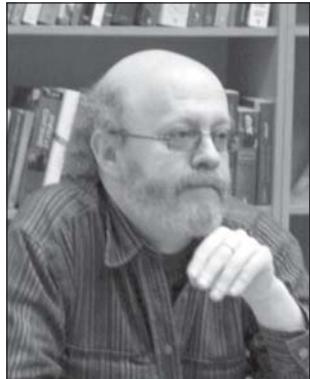
Кто-то в любви сгорает,
кто-то себя бежит,
кого-то уносит лайнер,
а кто-то вообще не спит.

Однажды, когда со снами
и я прощался в слезах,
облюбовала мой палец ...
Не улетай, стрекоза!

Валентин НЕРВИН

Воронеж

* * *

У Дон Кихота копьё, а у Гамлета шпага,
для укрощения зла и заклятия бед.
А у меня вообще –
карандаш да бумага:
по существу,
ничего подходящего нет.
Но если я начинаю в себе сомневаться,
переходя времена по сожженым мостам,
рядом со мной оживают
Шекспир и Сервантес,
Пушкин и Бунин,
Ахматова и Мандельштам.
Зло на планете заводится с пол оборота –
это случалось, наверное, тысячу раз.
Но от него защищают
копьё Дон Кихота,
Гамлета шпага
и слово любого из нас.

НОЧНОЙ ТРАМВАЙ

По следу ночного трамвая
летят золотые огни,
до самого Первого Мая
продлятся пасхальные дни.
А воздух пропах куличами,
поэтому тошно чертям

шататься такими ночами
по нашим трамвайным путям.
Гуляй, чернозёмная рота! –
любая душа, на пропой,
усыпана до поворота
яичной цветной скорлупой.
Я даже не подозреваю,
что время глядит на меня
с подножки ночного трамвая,
на стыках пространства звения.

ОТРАЖЕНИЕ

Умолкла гитара,
костёр догорает
и тянется прохладой от сонной реки.
От первой любви человек умирает,
а больше ему умирать не с руки.
Взгляни на расхристанного гитариста –
он лишь отражение в тёмной воде;
немного спиртного и «Завтрак туриста»
ему не зачтутся на Страшном Суде.
Среди затаившихся ночью растений,
у времени под окаянной пятой,
останутся наши влюбленные тени
и белые лилии в заводи той.
Почти незаметно течение речное,
костёр догорает, гитара сбоят
и шороховатое небо ночное,
как первое зеркало мира стоит.

НОЧНАЯ ПТИЦА

Всю недолгую ночь напролёт
между Южным и Северным полюсом
перелётная птица поёт
о любви человеческим голосом.
И звезда от любви до земли
долетает ночными зигзагами,
и плывут по морям корабли
под красивыми гордыми флагами.

... Эта жизнь утечёт, как вода,
но поёт и поёт непонятная
птица, женщина или звезда –
перелётная,
послезакатная...

ДЕНЕЖКА

Помнишь: Ялта, сумерки сезона,
квёлые осенние цветы...
Оставаться не было резона,
по причине полной нищеты.
Накануне сдали стеклотару,
за червонец местному менту
продали хорошую гитару
и ту-ту.
Запорожье...Белгород...Воронеж...
Только, по законам естества,
ничего ты, девочка, не помнишь:
умерла за день до Рождества.
В тамбуре последнего вагона
я стою на долгом сквозняке,
денежку для хмурого Харона
зажимая в потном кулаке...

* * *

Есть вещи избыточной меры,
нечаемые наперёд:
душа без свободы и веры
отравленной жизнью живёт.
Пускай никому не по нраву
закручивать против резьбы,
но вера сильнее потравы,
свобода превыше судьбы.
Поэтому всё не напрасно,
хотя говорят об ином
пророчества Екклесиаста
и звёзды на небе ночном.

* * *

Пока стрижей стремительная стая
выныривает с облачного дна,
лежу в траве, до неба дорастая,
по лабиринтам воздуха и сна.
Пути Господни неисповедимы
равно для птиц, деревьев и земли;
фантазии мои необходимы
какому-нибудь облаку вдали.
А ветер, налетая временами,
раскачивает сны и тополя,
и с высоты,
которая над нами,
не разобрать,
где я, а где земля.

Галина НЕРПИНА

Москва

ПОБЕГ

Он видит маленького сына,
Который к вечеру затих,
Во сне, как доброго дельфина,
Свою подушку обхватив.

Он мерит комнату шагами,
Не зная, как себе помочь.
Он понимает — что покамест
Нельзя уйти из дома прочь.

Его душа руками машет,
Горячий воздух жадно пьёт...
Он сына утром кормит кашей,
Салфеткой вытирает рот.

Жена его ночами гложет.
Он — помогает ей стирать.
Никто не знает, что он может
Иные двери отпирать.

Так год проходит и уходит,
За ним другой, потом ещё...
И месяц вымытый восходит
Светить ему через плечо.

ПОСАДКА

И вот садится самолёт.
Уже крыло его кренится.
И небо — головой вперёд —
К земле раскрашенной стремится.

Подкорка празднует испуг.
Сглотнув тревожное для слуха,
Опять идём на новый круг
И падаем, поправив брюхо.

И рыбины стальной кишki
Гудят... В её огромном теле
Сидят слепые рыбаки.
И все спешат, и все при деле.

И моря неотвязный блеск —
Как на бесмысленной открытке.
И эти горы, этот лес
Висят сейчас на тонкой нитке.

Зачем? — отчаянно гребя,
Ты был, была, а может, не был...
Прекрасно чувствовать себя
Галлюцинациями неба.

ВЕНЕЦИЯ

Коль жизнь есть дар — то будней не бывает.
Хоть из лагуны время убывает —
Вода, напротив, наступает. Но
Венеция опустится на дно
Не раньше, чем дойдут у Бога руки
Осуществить панические слухи.
И даже если так случится — пусть...
Здесь часть пейзажа составляет грусть.
Плыvущие дворцы, туман и запах,
И львы печальные на чудных мокрых лапах,
Как будто долгой смертью жизнь поправ,
Со смертью не кончаются, ты прав.

* * *

Когда жара — сухим и чёрным паром,
Бессолнечным — вот именно! — ударом

Всё накрывает... Голова горит —
И непонятно, от чего болит.

Душа моя, ты зацепилась где-то.
По ту ли сторону добра или — по эту?

И ждёшь, чтоб выпал прошлогодний снег.
На волю ты замыслила побег.

На белый свет, и тут и там прожжённый,
Ты родилась глядеть заворожённо.

Похоже, что тебе не повезло:
Не пригодилось это ремесло.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Горит восток...
А.С. Пушкин

Невидимая против солнца чайка
мелькнёт мгновенной тенью на песке —
как росчерк твой, оставленный случайно
на безнадёжно выцветшем листке.
Восток опять горит зарёю новой.
И гром гремит... Смотри издалека,
Как Бог скрепляет ниткою суповой
скользящие над ветром облака —
таким же ветром наполняя душу...
И нужно безошибочно терпеть
предгрозовое светлое удушье,
внезапно отменяющее смерть.

* * *

Вместе с летом внезапно
закончился год...
Неминуемый август смеркается грустно.
Лишь часы — как всегда убегая вперёд —
Остаются на месте
вполне безыскусно.

Ты стекло осторожной рукою протри,
Потому что ничто не напрасно,
не мелко.
Нужно жить —
с этим светлым пространством внутри.
И следить,
как взмолнивенно прыгает стрелка.

ОСЕНННЕЕ

1
На тусклый день надев пальто сырое,
Туман спустился в лес — туда,
где хвоя
Шевелится, темнея на просвет,
Где бой ведут между собою тень и свет.

Храня в себе все тайны, все подвохи —
Как статуи людей одной эпохи,
Стоят деревья.

Век шумит вдали.
Осенний дух восходит от земли.

2
Есть детский мир — напомнить о котором
Диковинным и чудным разговором
И этим беглым чтением с листа
Спешит одушевлённая листва...
И влажный гриб
в расправлённой траве,
Его неправильная прелесть.
Всё кончилось. И никуда не делось.

Всё это страхи в бедной голове.

Александр НЕСТРУГИН

с. Петропавловка, Воронежская область

* * *

Я не просил судьбу: замолви
Словцо пред стужей за меня!
Я ладил сам себе зимовье –
И сам засеял зеленя.

Я сам, как дым, над стужей вырос.
Сам, как росток, себя согрел.
Но не хотел, чтоб свет весь вымерз,
А я зато остался цел.

Я сам надежду, как синицу,
Что заманил в силки мороз,
Нашёл, – и сунул в рукавицу,
И, замерзая, к людям нёс...

МОЛОДОСТЬ

Стерляжий мыс... И в горле ком.
И всё стоит перед глазами:
Мы огненную воду пьём,
Пьём ночь, галдим, как на базаре.

А нашу дружескую речь
Роса лозою долу клонит.
И хочется былинкой лечь
В траву, где век чужой не тронет –

Ни в тёмном сне, ни наяву;
Где шум дубов – не шелест денег.
И я, откинувшись в траву,
Звезду ресницами задену...

А сердце бьёт меня: «Трезвей!»
И я безмолвье расклоняю,
Как не нашедший брода зверь,
С обрыва шорохи роняю.

И осокорник, став на край,
Качнётся, бездну освещая,
Прошепчет: «Саш, не умирай!» –
И я ему пообещаю...

* * *

Земля, меня не обходи,
Я стебелька не трону!
Погожий день, бровей не хмурь,
Чтобы меня жалеть.

Я выпал изо всех обойм –
Неходовым патроном,
И был молвой приговорён
Пылиться и ржаветь.
И я лежу в сухой траве,
Усталый и тяжёлый,
А вдалеке – затворов лязг
И автоматный крик.

А где же мне ещё лежать? –
Я не патрон, я жёлудь!
И я не брошен, я щекой
К своей земле приник.
Летел куда-то – и упал,
Ударил, но не сильно,
И молча я шепчу траве
Последнее «прости».
Зато в груди свинец не стыл –
И смерти не носил я,
Прижмёт меня к себе земля –
Из смерти прорости...

СКАЗКА

...Дразнил её: «Мой головастик!
Когда царевной станешь ты?»
И подарил однажды ластик –
«Стереть случайные черты».

Обидеть не хотел глубоко,
Он так шутил, не обижал:
Она же приотила Блока,
Что возле мусорки лежал!

Он говорил: «Всё носишь, носишь –
И к ним сбегаешь по ночам...
Твой стихоплёт таких курносых
Разинь – в упор не замечал!»

И было ей темно и душно,
И был один, кто утешал:
Отволглый уголок подушки
В лицо ей жалостью дышал.

И сон пришел, смешное горе
Смахнув, как крошки со стола...
И девочка в церковном хоре
С небес к ней ангела звала.

И ангел, брат родной туману,
Что на руках носил Оку,
Сошёл – открыть глаза Ивану,
Её Ивану-дураку...

ЕГОРОВА РЕКА*

Памяти Егора Исаева

Буду ехать в Воронеж –
Битюг не миную...
И в своих заблевших порошей летах
Всё баюкать мне память,
как речку больную –
В потемневших, где сбито,
ноябрьских бинтах.

Как ни едь, всё одно по-предзимнему голо.
Как ни бейся свернуть, а дорога одна.
И, забыв про мосты, через реку Егора
Только вброд, только вброд переходит она.

Ведь к реке той идёт с мелового угора
Свете горний – кольцовские степи оплечь.
И, пригнув тальники,
мне подступит под горло
Корневая вода – как Егорова речь.

И куда ни пойду, а её не миную...
И в своих заблевших порошей летах
Всё баюкать мне память,
как речку больную –
В потемневших, где сбито,
ноябрьских бинтах...

* Так названа одна из книг друга Е.А. Исаева, воронежского поэта Геннадия Луткова.

Олеся НИКОЛАЕВА

Москва

НА СМЕРТЬ МИШИ

Молод, пылок был и борз –
Шёл на ветер перекрёстный...
Ночью до смерти замёрз
Мишенька, сынок мой крестный.

Как из князя и купца,
Из певца, ларца золотого,
Колокольца, бубенца,
Из словесного ловца
Жемчуга, из птицелова
Райских птиц, из рыбаря
Для чудесного улова
На изломе октября
Стал ты вдруг бомжом – без крова,
Голым, прямо говоря!

Без покрова! Как же так?
Иней, заморозки были,
И тебя среди бродяг
В морге тряпкою покрыли,
Тапки выбросили в бак...
Где заветный перстень твой?
Где твой голос несравненный?
Где твой след во тьме ночной?
Где приют твой во Вселенной?
Но в ответ – лишь треск свечной...

Знаю это головой,
Только сердце знать не хочет...
Искуситель роковой
Расклевал тебя, как кочет,
Сорною прикрыл травой.
Силы выпил, истоптал,
Завертел тебя, как ветошь,
Рассорил и разметал,
Душу вытряс, стёр, как ретушь,
Чёрным ртом поцеловал.

...Где псалом твой, где Псалтирь?
Взоры с рыбками на донце
И кудрей твоих цифирь,
И улыбки этой солнце
Господу навстречу – вшири?
Что теперь могу сказать?
«Мишенька, прощай, сыночек!»
Две тесёмки завязать
И поставить сотни точек –
Тёмных умолчаний рать.

...Был горяч. И стройный торс
Не щадил в поклонах Богу.

.....
А потом – совсем замёрз.
Взял в последнюю дорогу
Инея слезящий ворс.

* * *

Если я кого и вижу – это тётушку мою.
Э. Лимонов

Если я кого и кликну, это душеньку свою –
белую, несмелую, в жизни неумелую.
Если с кем её сведу я, это с музою моей –
властиною, прекрасною да огнеопасною.

Я скажу им: будьте вместе,
разлученных две сестры, –
гаданные-жданные девы чужестранные.

Где одна, как хромоножка,
там другая поводырь, —
девы странноликие да разноязыкие.

Где одна не понимает, там другая как своя,
родные ли, сводные, да не земнородные.
Где одна огни погасит,
там другая свет зажжёт,
местные — не местные,
а как есть — чудесные.

Где одна затянет узел,
там другая сеть порвёт.
Званые, избранные, а как есть желанные.
Где одна томится жаждой,
там другая воду льёт,
где одна блажит и тонет,
там другая проплывёт.

Сложные ли, простые, обоюдоострые.
Где одна червей копает,
там другую ангел ждёт.
Где одна, как свечка тает,
там другая ввысь растёт.
Крученые, витые, да многоочитые.

И когда одна во гробе,
то другая — во гробу,
и одна — как бы в утробе,
а другая — как во льду.
Ночь идёт, дождями сея поцелуи Елисея,
зимняя, весенняя, аж — до Воскресения.

МЕТЕЛЬ

Меж землём и небом моя постель,
И на воздух ступает нога.
Потому страна моя любит метель,
Что она и сама — пурга.
Изо льда и воды и ветра. Того гляди —
Укачет всех на весу,
Прижимая жалость свою к груди,
Как ребёнка, найденного в лесу.

Потому все линии смещены,
А огни расплывчаты. Близорук
Каждый куст, и призраками луны
Всякий недруг взят на испуг.
Меж землёй и небом колышется колыбель,
Выставляет месяц рога,
Потому страна моя любит метель,
Что она и сама — пурга.

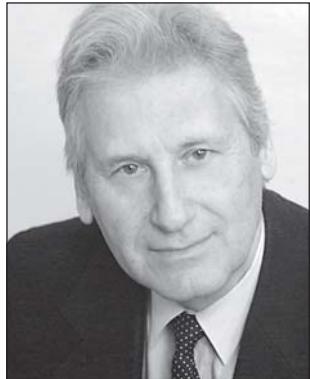
Из порывов и перехлестов — сон,
На лету — любовь, на суку — ночлег,
А когда душа из тела выходит вон,
Черноту убеляет снег.
Ничего очевидного — только звук:
То ли эпос, то ли Псалтирь,
И дитя больное берёт из рук,
Словно грудь материнскую, — ширь.

Крутит-вертит сияющую канитель,
Спивающую берега,
Потому страна моя любит метель,
Что она и сама — пурга.
Из забвенья, трепета, слёз, могил
Плетущая письмена.
А не так, то кто её подхватил
На качающиеся рамена?

Евгений НОВИЧИХИН

Воронеж

Дороги... Дороги... Дороги...
Обочины в скорбных крестах...
И жёны в бессильной тревоге,
И матери в вечных слезах.

Но даже угроза однажды
Взойти на последний порог
Не в силах в нас вытравить жажды
Дорог...

* * *

Да, сегодня выбрались в кумиры
Те, кто – и впопад, и невпопад –
Могут с нежным,
Чистым звуком лиры
Запросто связать
Отборный мат.
Входит мерзость
В нашу кровь и в плоть,
Торжествуют
Нечисти законы...
И вот-вот
Расплачется Господь,
Грустно глядя
На людей
С иконы.

* * *

Есть у любви
Немало троп и трасс.
И где-то вдруг
Мелькнёт между делами:
А так ли важно,
Что не любят нас?
Куда важнее то,
Что любим сами!

* * *

Для решенья судьбы моей – миг,
Был лишь миг отведён.
Даже дождь на минутку затих:
Не ослышался ль он?
Не ослышался, нет.
И теперь
Мы остались вдвоём.
Я и сам, мой дружище, поверь,
Стать хотел бы дождём,
Чтоб над городом этим шурша
Пролететь налегке,
Тёплой каплей припасть чуть дыша
К этой милой руке...

* * *

Как не сгинул я,
Как выжить смог, –
Знает Бог;

Как я приземлял
Свои мечты, –
Знаешь ты;

Ну а как горька
Печаль моя, –
Только я...

* * *

Как унизительна пора
Между разладом и разрывом!
Казалось, был вполне счастливым
Ты лишь вчера.
И вот собой затмила свет
Непонимания громада,
Когда молчать ещё не след,
А говорить уже не надо.
Ты бъёшься как об стенку лбом,
Всё время думая с испугом:
«Нет, ты не должен стать врагом...»
Но ты не в силах стать и другом!
Тут — высоченная гора,
А там — тропинка над обрывом...
Как унизительна пора
Между разладом и разрывом!

* * *

Не из тех ты,
Кто слывёт двужилым,
Не скала,
Не айсберг,
Не броня.
Но тебе —
Единственной —
По силам
В мире этом
Удержать меня...

* * *

Если тяжких сомнений завеса
Мне навеет тоску или грусть,
В тихом сумраке Шипова леса,
Как песчинка в реке, растворюсь.

Проплывая зелёной волною,
Будут ветры, листвою шурша,
Непрерывно шуметь надо мною, —
И как будто оттает душа.

Мне нашептут дубравы и чащи:
Не ищи — не найдёшь всё равно —
Утешенья себе в преходящем.
Только в главном и вечном оно!

Только в добром, как эта травинка,
Что случайно прильнула к щеке,
Только в чистом, как эта росинка,
Что дрожит на шершавом листке...

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

Москва

ЛЕДЯНОЙ ДОЖДЬ

Ты останься со мной. Пережди
непогоду и грустные мысли.
Над страной ледяные дожди,
как стеклянные нити повисли.

Посмотри – вся Россия лежит,
как опасная скользкая горка.
(Как бы солнечный сгусток души
не покрыла такая же корка!..)

Слышишь – ветки трещат за окном,
от нависшего груза ломаясь?
Нелегко жить в пленах ледяном,
гнущей тяжести льда не сдаваясь.

Стынет сердце ледышкой в груди.
Новый век, как метель, сатанеет.
Мрак и холод лежат впереди,
и душа от тоски леденеет.

Защитят ли холодную кровь
свитера да из шкур одеяла?
Мир промёрз, как окно. Лишь любовь
в нём чуть видный глазок прорышила.

Это наше спасенье! Она –
нас согреет сильней, чем одежда.
Нам любовь эта свыше дана,
чтобы в нас не погибла надежда.

Этот дождь, что сверкает стеклом,
он – не кара, а только проверка
наших душ и сердец на излом
и житейских трагедий примерка.

Чтоб, шагнув за порог избяной
на простор меж былым и грядущим,
мы любили наш мир ледяной,
веря в то, что он станет цветущим.

ГВОЗДЬ ВОЗНЕСЕНСКОГО

Я на даче роман сочиняю
и со зла не сужу ни о ком.
Старый примус сижу, починяю,
керосин попивая тайком.

В этих комнатах жил Вознесенский
(я нашёл вбитый в стену им гвоздь!).
Он вынашивал тут возле сердца
монологи к поэме «Авось».

Ветер гнал облака, как перины –
будто в небе Господь накурил,
а на стенах висели картины,
что Пикассо ему подарил.

Нынче я тут сижу домоседом
и с террасы гляжу, не дыша,
как, подточенные короедом,
осыпаются ели, шурша.

Разошлись мои дебит и кредит,
пролетает успех вдоль ворот.
Нэнси Рейган ко мне не заедет,
Маркес водки глотнуть не зайдёт.

И хоть кружит по комнатам эхо
Вознесенского дерзких поэм,
сам поэт уж давно переехал —
далеко-далеко... насовсем...

Улетел вслед за ним невозвратно
модернизма щекочущий дух.
Ни горенья в глазах, ни азарта —
ничего не осталось вокруг.

Ветер бродит вдоль тропочек узких
и едва от тоски не ревёт —
всюду виллы стоят «новых русских»,
всюду пластик и евроремонт.

По шоссе, как дворцы на колёсах,
мчит сверкающих джипов река
мимо стайки берёзок белёсых,
наклонившихся у родника.

Смолкло рифм разудальных звучанье,
никому дела нет до стихов.
Только призраки бродят ночами,
не боясь услыхать петухов.

Тут вчера ещё блёстки метафор
фейерверком неслись в облака,
а уже, как от греческих амфор,
не найти от них ни черепка.

Только век юбилейные даты
всё вплетает в тяжёлую гроздь,
что висит на стене, где когда-то
был поэт модернистский свой гвоздь...

СПАСЕНИЕ

*Изломанный челнок,
я сноваброшен в море.
М.Ю. Лермонтов. «Маскарад»*

Едва восстав от бед, от боли и от горя,
неся в душе ожог предательской любви,
изломанный челнок, я снова брошен в море
с напутствием впослед: плыви,
мой друг, плыви!

Вокруг встают волны
бурлящих вод летейских,
а впереди — горит слепящий свод зари.
Я слышу чей-то глас:
не бойся волн житейских,
мир полон красоты, смотри вокруг, смотри!

И даже если вдруг огнём взорвутся дали
и захлебнётся мир в пролившейся крови,
не утопи мечту в унынье и печали,
перед тобой — вся жизнь, живи,
мой друг, живи!

Отбрось обиды прочь, вручив себя надежде,
греби веслом, и жизнь — тоскою не губи.
Любовь ещё зажжёт тебя сильней,
чем прежде.
Ты слышишь в сердце жар?
Люби, мой друг, люби!..

.....

...Вокруг ревут века, как ветер на просторе,
и я — то рушусь вниз, то к небу вознесён.
Изломанный челнок,
я брошен жизнью в море —
и не иссох в тоске. И этим — был спасён.

Юрий ПЕРМИНОВ

Омск

* * *

В чужом дворе — ни деревца, ни пня,
но мне слышина — как песня — весть благая
о том, что кроме сумрачного дня
и ночи, есть

действительность другая,
когда выходит солнце из-за туч,
чтоб насладиться радостью короткой
раскрытых окон...

Ветер здесь колюч
и грозен, как сержант из околотка.

Ненастье — беспризорная пора...
Пусть не узнать мне, чья вина-обида —
пустынный двор, — без этого двора
неполной будет города планида.

А то, что пусто нынче во дворе...
Так не скуча сибирской жизни проза
на чудеса: вот как на пустыре —
на самом дальнем — выросла береза?..

* * *

Пока не знаю, что к утру останется
от ночи еле тёплой...

Во дворе
рутся окраинные пьяницы;
ворачается месяц в конуре

Вселенной...

В нашем доме пятиярусном
нет звукоизоляции — слабы
панели в этом смысле,
если яростно
сигналит ночью джип Али-Бабы —
хозяина базарчика ближайшего,
собака лает с джипом заодно...
Отсутствие порядка надлежащего
спать не мешает гражданам давно —
машины рёв, ночные вопли шалые,
нетрезвых происшествий череда...
Хочу я, чтоб ничто не помешало им
проснуться — добрым людям — как всегда.
Увы, не знаю каждого по имени —
ни их, ни обитателей двора,
и даже врать не буду, что ни злыми, ни
похмельными не видел их с утра...
Есть в нашем доме «белые» и «красные»,
но не про нас ни драки, ни война...
Причина есть — хотя мы люди разные,
над нами крыша всё-таки одна.

* * *

Чуть колеблется тьма от дрожания
лунной блесны,
а вокруг — ни звезды...

Вот и стала сердечной потреба
ожидания утра, ожидания новой весны
под тяжёлым крылом предрассветного
зимнего неба.

Каждый выдох и вдох
человечества спящего — свят,
что ж потом происходит
с Господними чадами — с нами?..
Спят соседи мои. Слава Богу,
безоблачно спят,
друг на друга дыша
бессловесными тёплыми снами.

Кто там глухо скребётся —
в безмолвном пространстве двора,
словно приплая тень басурманина
в единоверце
неизбывно моём?..

Утешаю тревогой с утра —
за соседей своих —
к небесам обращённое сердце.

* * *

Земной — небесным радуюсь дарам...
Вот почему не злился я ни разу
на то, что дворник будит по утрам.
Я благодарен дворнику Ниязу! —
Он стал настолько местным, что уже
не душит — не беспочвенная! — злоба
живущего на первом этаже,
защитного от водки ксенофоба.

Всегда бы так — по крови не родным —
встречать рассветы нам: по-человечьи,
когда о том, что тесно под одним
на всех бессмертным небом, нет и речи.
Так почему бы — вовсе не родне —
нам, смертным, не порадоваться разом
дарам небесным? В целом — жизни? — Мне
и ксенофобу с дворником Ниязом...

* * *

Время утицей белой плывёт
на рассвете далёкого мая...
Колыбельную мама поёт,
молодую себя вспоминая...
Это там, где идёт шестьдесят
первый год, где бабусина липа
расцвела, где закаты гостят
над домами барачного типа,
где читается сердцем строка
горизонта родного — веками,
инвалиду войны сорока
нет ещё — из квартиры над нами...

...Наш окраинный мир во дворе
без вражды умещался под вечер,
а потом — на бессмертной заре —
шёл доверчиво небу навстречу...

Месяц — тёплый, как хлеба ломоть.
Звёзды — пышки из райских пекарен.
С неба слушают маму Господь,
молодой мой отец и Гагарин.

НАДО БЫЛО НЕГРА ВСТРЕТИТЬ...

Целый день бродил я втихомолку
с грустью в сердце, с ветром — в голове...
Негра, наряжающего ёлку,
встретил я в заснеженной Москве.
Выходец из Африки игрушки
радостно развешивал — легко!
Рядом две столичные старушки
обсуждали действия его.
Он старался — пар валил от робы!
«Happy new...» — мурлыкал, словно кот...

...Надо было негра встретить, чтобы
вспомнить — наступает Новый год.

РОЖДЕСТВО

Январский день — спокоен, светел,
как задушевный разговор:
его теплом приютным встретил
Христорождественский собор.
Роддом — напротив... Не иначе,
как перед выпиской: льняной,
как распашонка, —
свет маячит
в казённых окнах, но — родной...
И — тени тают ледяные!
А на снегу — встречай, страна! —
с утра папаши молодые
родные пишут имена.

Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН

Петрозаводск, Карелия

* * *

На зачерствевший грунт зима
Внезапно брызнет спелым снегом.
Последний раз вздохнёт Онего,
Захлопнут форточки дома.
В коросте старых листьев сад
Струя метели наполошет,
Ещё не вытоптана площадь,
И след крадётся наугад.
Ещё беспомощная мгла
Тоской цепляется за ниши.
Но луч, как тонкая игла,
День трепыхающий нанижет.
И срок пока ещё далёк
До истекающего мая, —
Но бьётся белый мотылёнок
И крылья хрупкие ломает...

ФЕВРАЛЬ

Хвост поджав, пушистая зима
От элитной северной породы,
Сиротливо нюхает дома,
Ест с ладони матери-природы.
Притомилась. Потемнела шерсть.
На обочинах и вовсе встала дыбом,
И зима, как Змей Горыныч, дымом
Дышит на замёрзнувшую жесть

Тусклых, томных, незвениящих звёзд,
Что недавно празднично висели!
А февраль на выюжной карусели
Праздник за Полярный круг увёз.
Буднично. Скрипучею метлой
Дворник выгребает вяло мусор.
Но зато за мной заходит Муза
По утрам. И вечером светло!

* * *

Ещё ветра качают на весу
В заснеженной воздушной колыбели
Крохотную сонную весну,
Спелёнутую бархатной метелью.

Но сок уже в берёзовых стволах
Идёт, как кровь в пульсирующих венах,
И даже ночь покажется мгновенной —
Луна, как одуванчик, отцвела.

И, улыбнувшись розовой весне,
Я положу ей на сугроб-подушку
Из радуги с дождями погремушку —
Пусть радость к ней приходит и во сне!

Дождусь, дождусь её я первых слов!
Они похожи на ручейный лепет.
А детвора из снега бабу лепит —
И не с метлой! А, кажется, с веслом...

А как иначе? Ей придётся плыть
По быстрым рекам и, конечно, таять.
...Несётся ветер южный во всю прыть,
С деревьев шлейфом зимушку сметая....

* * *

В невесомых сетях сентября
Нежных листьев, струящихся капель
Солнца луч, как сверкающий скальпель,
Вновь вершит свой священный обряд —
Он срезает созревшую грусть

Неоправданных летних желаний.
Буду снова лечиться делами;
Обманула надежда – и пусть!
Но она – не единственный шанс
В наших непредсказуемых буднях.
Всё ещё, разумеется, будет!
Только... может, уже и без нас.

* * *

С годами мы лишь моложе.
И ценится больше вкус
Жизни. Но дом мой сложен –
Темнеет от срока бруса.
В сеточке трещин печка –
Словно в морщинках лицо.
Так хочется выйти беспечно
Босой на сырое крыльцо
И, не успев одеться,
Отважно грозить грозе.
Переглянувшись с детством,
Вприпрыжку бежать по росе...

* * *

Среди отживших век вещей
Найдётся чай-нибудь подарок.
Среди рождественских свечей
Ютится сморщеный огарок.
Среди торжественных тирад
Молчанье скорби незаметно.
И среди доблестных наград
Есть присуждённые посмертно.
Среди измученных бродяг,
Мечтающих от жизни скрыться,
В потёртых сношенных лаптях
Тоскует странствующий рыцарь.
И смысла целостности нет
В разбитом на осколки мире.
Он – как забытый кем-то свет
В остывшей нежилой квартире.

* * *

Солнце съехало набекрень
С разморённого небосвода.
Вянет жёлтый пахучий день,
Лепестком опадает в воду.
Прорастает туман в реке,
Пьёт тепло ненасытный вечер.
И опять на моей руке
Новой линией миг отмечен.
Повторяющийся пустяк –
Будет странностью не забыть его.
Может быть, только жизнь спустя,
Я пойму, что он был Событием.

* * *

Замшелый ствол стареющей ольхи
Уже не даст упругого побега...
Что ход времён? Декабрь – и тот без снега!
Пусть вопреки – но – пишутся стихи!

И по стеклу сползает талый день –
Зимой-старухой скрупо проронённый,
Но жив очаг, Россией сохранённый –
Он дышит сладким дымом деревень.

Ещё мерцаёт Божия искра,
Слова набухли, как весною почки.
И даже там, где высохла кора,
Язык зелёный высунут листочки...

Юлия ПОКРОВСКАЯ

Москва

* * *

Так много забрала земля,
что замолчали птицы.
Жизнь начиналась не с нуля,
а с минус единицы.
И я была одной из тех,
детей в домах родильных,
кто должен был прожить за всех
сожженных, безмогильных.

* * *

В наушниках звучит бессмертный Цой,
предупреждает: мир жесток и жаден.
Но луг ярится золотой пыльцой
и зреет градус в сердце виноградин.
Хоть разорвись, душа, хоть разорвись!
Не склонная к расчёtlивому торгу
летай, всегда в виду имея высь,
как мотылек, от скепсиса к восторгу.
Шарахайся, гори и замерзай,
кровоточи и не считай занозы.
Дерзи, отроковица, и дерзай,
и принимай какие хочешь позы!

* * *

Томится под крышкою каша,
томится под бременем дух.
Вся жизнь сумасшедшая наша
и в прах разлетелась и в пух.
Но теплится что-то в остатке,
что держит ещё на плаву, —
хоть Рим этот третий в упадке,
я по распорядку живу.
Должно быть, бессмертна привычка
вить гнёзда, налаживать быт,
клевать на манок электрички
(он в мае манил, как магнит).
А эту двужильность воловью,
как плуг, свою лямку тянуть,
точней называла бы любовью,
звездой, указующей путь
в безвременье и бездорожье,
среди оголтелой грызни...
Любовь — это те ещё вожжи,
но намертво держат они.

* * *

Мелкий дождик моросит,
вкрадчиво и воровато.
По обычаю косит,
смотрит в сторону куда-то.
Пахнет чуть полынью он,
намекая, мол, в России
не с монгольских ли времён
завелись дожди косые?

* * *

С августа все взятки гладки,
и растут, и ширятся:
кабачки сидят на грядке,
огурец пупырится.
Всё весомее трофеи,
урожай невиданный.

Яблони стоят, краснея,
павами на выданье.
Будто прорвало плотины
садо-огородные.
Подставляй, народ, корзины
под дары природные.
Слива веткой помавает,
стол от банок ломится.
Кажется, не убывает
жизнь, а только клонится.
Вот и солнце тихо тает,
лес целуя сосенний.
Всё равно пересчитывают
всех цыплят по осени.

Юрий ПОЛЯКОВ

Москва

ЗАБЫТОЕ НОВОЕ

*Разбирая в канун 60-летия свой архив, я нашёл
несколько стихотворений, которые никогда не
публиковал и которые показались мне интересными. Надеюсь, эту уверенность разделят
со мной и читатели.*

МАЛЬЧИК «Я»

Где-то там, в конце пятидесятых —
Мальчик «Я» с веснушчатым лицом,
В курточке, в сандалях рыжеватых
Еле поспевает за отцом.

Сероглазый, с уймою вопросов,
(«Почему?» — и нет иных забот)
Мальчик «Я», пошмыгивая носом,
Улицей Бакунинской идёт.

В праздники Москва нетороплива.
Он читает вывески подряд.
Пьёт отец, покряхтывая, пиво.
Мальчик «Я», зажмурясь, лимонад.

Это может показаться странным,
Но шумят, толпясь перед пивной,
Очень молодые ветераны
С еле различимой сединой.

Мальчик не улавливает соли
Разговоров: что-то о жене,
О станке, о плане, о футболе –
Только ни пол слова о войне.

Мальчик «Я» не представляет даже,
Что до этой праздничной весны,
Воблою пропахшей, будет так же
Далеко, как нынче до войны,

Что бывают и другие дали
Их шагами не преодолеть,
Что однажды майские медали
Просто будет некому надеть,

Что, скользя, как тучи над водою,
Годы отражаются в душе,
И что «Я» останется собою,
Но не будет мальчиком уже....

1977 ГСВГ, 2014

БОГОБОРЧЕСКОЕ

И у меня смертельный недруг есть!
Вам интересно, кто и отчего он?
Букашка из господних министерств,
За судьбы отвечающий чиновник.
Когда-нибудь, войдя туда, с порога
Узнав его, хоть прежде не знаком,
Упомяну я всеу имя Бога,
И по столу ударю кулаком.
Спросу его, сурово взгляdom смерив,
«Зачем вся жизнь моя идёт не так?»
Он пролепечет, что сейчас проверит,
Косясь на мой грохочущий кулак.
И будет долго в картотеке рыться,
Фамилию для верности шепча,
Ежеминутно вскидывая рыльце
Из-за сухого хилого плеча.
Он карточку найдёт и, от испуга
Бледнея, растеряется совсем.
Он скажет, отступая в дальний угол,
Что не туда ушло моё досье!

Что это – лишь досадная издержка
И даже входит в допустимый брак,
Что я, всего скорее, не из здешних,
А то бы не расстраивался так...
...Бывает, что ж: судьба ушла к другому!
Я поплещусь домой, глотая пыль,
Засяду за «маляву» к Всеблагому
И буду совершенствовать свой стиль....

1978

НАСТАВЛЕНИЯ МЛАДШЕМУ БРАТУ

А знаешь, брат, и двойка не пустяк,
Когда ни дня нам не дано для пробы.
А детство, юность, зрелость, – это так...
В судьбе ориентироваться чтобы.
Из детства всё: умение дружить,
Любить, терпеть, врагам давать по шее,
И, как не высоко, уменье жить,
И умирать, поднявшись из траншеи.
И потому, братишко, не «пшено»
Твои, лентяй, позорные оценки!
...Но ты не слышишь, ты следишь в окно
Смешные переулочные сценки.
Есть мир, что виден лишь из окон школ,
Огромный, многоцветный, многошумный.
Звенит звонок – и всё, что ты прошёл,
С доски стирает в тишине дежурный.

1977, ГСВГ

* * *

Брат лежит в спокойствии мучительном.
Как же быстро минул классный час!
Навсегда ты стёрт с доски учителем,
Ничему не научившим нас...

2013

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ СТИХИ

У религий классовые корни.
Высшей силы не было и нет.
Я, как атеист, конечно, помню,
Что материален белый свет.
Так о чём же речь? Зачем же в ступе
Воду очевидности толочь?
Это днём...

А ночью вдруг подступит...
Сядешь на кровати: страх и ночь.
И тогда, не властвуя собою,
Разомкнув смешливые уста,
Я молюсь потёкам на обоях,
В темноте похожим на Христа...

1977, ГСВГ

ВЫСОЦКИЙ

Я был к нему не то, что равнодушен,
А мягко выражаясь, не влюблён.
Вино, табак, товарищеский ужин...
Высокий спор. В углу магнитофон.
Заветное своё стихотворенье
Пишу декламирует пиит,
А из угла в предвечном озверенье
Похмельный Гамлет песенки хрипит.

1984, 2014

МОСКОВСКАЯ ЮНОСТЬ

Ещё ты спишь, рассыпав косы,
Любимая...

Но мне пора!

Я выхожу в открытый космос
Из крупноблочного двора
И улыбаюсь сквозь зевоту
Всему, чего коснётся взгляд:
Вокруг меня компатриоты,
Подобно спутникам, летят,
Бег с циферблатами сверяя,
Гремя газетой на ветру,
Докуривая и ныряя

В метро, как в чёрную дыру.
Тоннель из тьмы и света соткан.
Но к солнцу лестница плывёт.
Растёт уступами высотка,
Напоминая космолёт.
Строку задуманную скомкал,
Я застываю в попыхах,
На миг влюблёнюсь в незнакомку
С печалью звёздно в очах.
И вновь спешу, прохожий парень,
Мечту небесную тая.
Я твой неведомый Гагарин,
Москва, Вселенная моя!

1983, 2014

Екатерина ПОЛЯНСКАЯ

Санкт-Петербург

МАХАОН

За еловой стеной,
за торжественным хором сосновым,
Где косые лучи меж ветвей
паутинку сплели,
Есть лесная поляна,
заросшая цветом лиловым —
Там танцуют стрекозы
и грузно пирут шмели.

День звенит и стрекочет,
кружится, мерцаает, мелькает...
Только перед закатом,
когда в золотой полусон
По стволам разогретым
смолистые капли стекают,
Приплывает сюда на резных
парусах махаон.

Он неспешно плывёт и,
как чистая радость, искрится,
Так несуетно-царственен
и от забот отстранён.
Всё встречает его:
и цветов изумлённые лица,
И гуденье шмелей,
и беспечных кузнецов звон.

С каждым вздохом крыла
отлетает он выше и выше,
Свет вечерний дрожит
над моим неподвижным плечом.
И взрывается время,
мешая не бывшее — с бывшим.
И душа вспоминает.
И не понимает — о чём.

* * *

Зимний рассвет в окне,
выстуженно-огромном,
Не позволяет мне жизнь
переждать в укромном
Месте, и, как сверчку, облюбовавши щёлку,
В ночь, в не свою тоску
просвиристеть — прощёлкать.

Утренний неуют звонок в пустой квартире,
Шторы — потуже в жгут,
двери — пинком пошире.
Холодно и светло, и чересчур просторно,
В тоненькое стекло ветер стучит упорно.

Тоненькое стекло, изморози иголки,
Остро и слишком зло бьётся
пульс на осколки.
И, смешав имена, судьбы и крошки хлеба,
Хлещет в провал окна
яростный холод неба.

* * *

Вьётся в тамбуре дым,
разговоров дорожных отрава
растворяется в нём и вдыхается
странны — легко.
Нет, вы не помешаете мне,
мой попутчик лукавый...
Да, конечно, — домой...
Далеко, ещё как далеко!..

Отчего я курю? –
Не сорваться с крючка у привычки.
Почему я пишу? –
Ах, сама я в потёмках бреду:
Не подходят ключи,
и ломаются напрочь отмычки,
Выбьешь дверь – и с рассудка
сорвёшься на полном ходу.

Растворяется сахар в стакане
крепчайшего чая,
Растворяется память в мелькании
дней и забот...
Да, скучают и ждут,
с нетерпением ждут и встречают.
Да, конечно, – везёт...
Очень тряско, и всё же, – везёт.

Мир, конечно же, тесен.
А мы, оставаясь чужими,
Распростимся и вряд ли ещё раз
увидимся в нём.
Но когда-нибудь я чиркну
спичкой и высвечу имя,
И мелькание станций, и тени
за мокрым окном.

И покажется мне, что не сказано
было так много.
Но насмешливый ветер
подхватит крутящийся хлам...
Улыбнитесь, попутчик.
Под нами грохочет дорога,
И сжимается время,
разрублённое пополам.

* * *

Памяти Д.С.

А жизнь – была. На даче в Озерках
Играли в бадминтон, чаи гоняли.
И смерть, казалось, вовсе отменяли
Улыбка, взмах руки, ракетки взмах.

А жизнь – была. Под выстрелом в упор
Чирикала себе беспечной птичкой.
Ломались копья, спички и привычки,
Летел воланчик за чужой забор.

Водой сбегая с лопасти весла,
Сухим песком сквозь пальцы протекая,
Нелепая, такая и сякая,
Она – была. О Господи, – была!

НАСТАВЛЕНИЕ СЫНУ

Не копи барахла.
Ты немного удержишь в руке.
От погони, к тому же,
вернее уйдёшь налегке.
И запомни ещё то, что я повторяла не раз:
Ни одна из вещей никогда
не заплачет о нас.

Одевайся лишь в чистое –
мы ведь не знаем с тобой,
И не знает никто,
когда примет последний свой бой.
В Бога веруй, и кланяйся только
Ему одному.
У людей не проси.
Подрастёшь – сам поймёшь, почему.

Если надо – дерись до конца.
Но лежачих не бей.
Уважай всех крылатых –
ворон, воробьёв, голубей.
И зверей уважай –
помнни, что и у них есть душа,
И всегда за душой –
что у них, что у нас – ни гроша.

И ещё: если сможешь,
стихом никогда не грехи –
Всё в бумагу уходит.
Очишься, вокруг – ни души.
Лучше просто живи,
не жалея ни сил, ни огня...
По родительским дням поминай,
если вспомнишь, – меня.

* * *

noli tangere cyrkulus meos!*
Архимед

В перестуке колёс всё быстрее и злей —
Никого не вини, ни о чём не жалей,
Ни о чём не жалей, никого не вини...
А навстречу, как жизни чужие, — огни.

А навстречу — горстями мгновений — кусты,
Полустанки, заборы, сараи, кресты.
Это — дерева стон, это — скрип колеса...
Ах, прожить бы ещё полчаса, полчаса!

Ах, прожить бы ещё!.. головою тряхни —
Ни о чём не жалей, никого не вини.
Слышишь? — в ровном дыхании
русских полей:
Никого не вини, ни о чём не жалей.

Это — сердце, сжимающееся во мгле,
Это — рюмка с отравой на грязном столе,
Это — в кранах бормочет слепая вода,
Это — по коридору шаги в никуда.

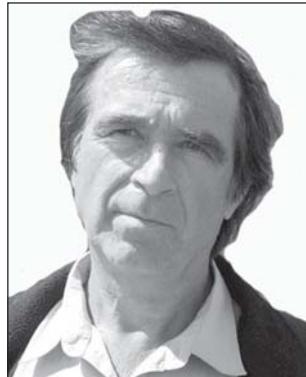
Это – времени бешеные виражи,
Это – «Бей, но не трогай мои чертежи!»,
Это лезвие ночи проводит черту
Сквозь ноябрьскую забинущую наготу.

Так присвистни, потуже ремень затяни,
И судьбу, словно глупую птицу, спугни.
И под крики «Распни!»,
и под крики «Налей!»
Никого не вини, ни о чём не жалей.

* Не трогай мои чертежи!

Евгений ПОПОВ

Санкт-Петербург

* * *

Плотвица ночи. Блеск. Изнеможенье.
Звонков блокада. Речи ожиданье,
Как тетивы натянутой скольженье,
Как взрывы — птичье пенье
утром ранним.

Как туча с градом,
чей-то взгляд сторонний
Колотит по измученным растеньям.
И голос в этом шуме страстном тонет,
И пробегают листьев светотени.

Когда садут в аренду день вчерашний,
Когда ручья услышишь заиканье,
Когда скворцы скользнут

Ты примешь белой ночи послушанье.
И в дом войдёт она неспешным шагом,
Уверенным, как чёткий абрис жизни.
И выпорхнет в окно цветущим садом.
Скороговоркой. Тайной. Укоризной.

* * *

И взор малиновый,
и речь без пунктуаций,
И сердце, торопящееся в гору,
И вся механика, и танец граций,
И телеграфный принцип разговора.

И вдох решительный, и окаянный ветер,
И самописец бортовой сознанья...
Вдруг стало тихо на родной планете,
И кружится вселенной рог бараний.

* * *

Посмотрел в микроскоп Луны,
И увидел душу свою.
Ниная она со спины,
А глаза... Как в строю стою.

А в строю-то меня трясёт.
Я не чин в строю берегу.
Здесь никто на меня не орёт.
Всё начальство на том берегу.

А шуга-то в реке шуршит.
Разгулялась нынче шуга!
Кто там звёздной рекой спешит,
Кто там прыгает с берега?

Оглянулся, увидел Смерть,
Помахала она рукой
И опять ступила на твердь
И пошла за целью другой.

Я отвёл микроскоп Луны
И закрыл его облаком,
Посмотрел на квадрат стены,
Бухнул по столу кулаком.

За окном шелестит листва,
Спутник тихо меж звёзд скользит.
Беспокойно блестит трава.
И ребёнок с улыбкой спит.

* * *

На полке лёжа, в девятиэтажке,
Глядишь за край, где облаков болонки.
Там женщина идёт в твоей рубашке,
Как будто бы по льду, он очень тонкий.

Всё держится на призрачной улыбке,
На перистом пространстве поднебесья.
Вот-вот проснусь —
и выскользнет, как рыбка,
Уйдёт под лёд, который резко треснет.

Нет ангелов под нашей светлой крышей,
Зато кружится снег огнеопасный.
Всё сказано. Всё холодней и выше.
И белый свет пока ещё не гаснет.

* * *

Нам было макдональдно, мнимо тепло,
Крупа ледяная стучала по стёклам,
И ветра широкое помело
Мело вдоль Невы — из далёко в далёко.

Мы в колбе стеклянной вели разговор,
Здесь все, как комарики, выются поштучно.
Но серая стайка берёт вдруг аккорд,
Увидев блистающей молнии кручу.

Бабахнуло. Заулыбался народ.
Тропическим ливнем дохнуло пространство.
Расправили плечи. Крутой разворот.
Мы чувствуем ярость и ласку баланса.

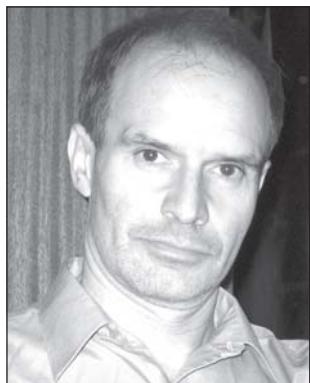
По тонкому льду, по шершавой лыжне,
По звонкой струне, колее танкодрома.
Под лодкой гребущего плавно Харона,
Внутри ощущая себя и вовне.

Атака! Косматая бьётся сосна!
И солнца корона блестает над нами.
Заглохна плотно слепая блесна!
Тяни за собой это яркое знамя!

Сергей ПОПОВ

Воронеж

* * *

ситро на запивку картошка рагу
окурки дымят в новогоднем снегу
отец гоношится с гитарой
замнач секретаршу снегуркой одел
за всю уминает отцовский отдел
пустой заставляется тарой
у нас беззатейно и тесно в гостях
зачем-то над окнами вывешен стяг
тусуются белые мухи
идут анекдоты ну полный улёт
с надрывом взавправдашним дядя поёт
про чьи-то сердечные муки
и телек рекорд и крутилка аккорд
и первый полёт и рекордный окот
мурлыжатся в тамошней ступе
детсадовский праздник и баба яга
а после до дому и вся недолга
пою с итэрами вкупе
ночной нескончаемый вкрадчивый снег
мучительно потно и дымно во сне
о лакомых планах на лето
какая в июле ужалит оса
по свежей тоске отпусканого отца
и море заплещется где-то
магнолии влажным огнём расцветут
пломбир разойдётся по нёбу и тут

пора на прогулочный катер
и станет смелей уменьшаться земля
и всё на земле мне ля-ля тополя
пока эта лодочка катит

* * *

в саратове городе жил алексеев поэт
ни много ни мало а скоро сто лет
как в обед

какими обедами он от души угождал
водил по музеям на волгу возил на причал

почти что кричал за столом
что печатают муть
но будем работать а там проживём
как нибудь

качок сочинитель ревнитель идей эскулап
ему ли судьбу упускать из накаченных лап

учили купчину в лихих девяностых зазря
сполна и по чину а он не глядел за моря

крутился втирая строил планы
копил капитал
какие проекты лелеял надежды питал

и дочерь далече и друг и забыто перо
проехали хватит казалось избыто старо

но бога смешить про себя
рассуждать наперёд
и сбудется проза и муга эвтерпа грядёт

всё будет всё будет чтоб кончится
вешней порой
обиду на бога затеять один геморрой

трамвай петербургский толстяк
новый мир би би си
кому не до фени доступны и на небеси

в усах и печатке чуть под сальвадора дали
он скажет ребятки и в небе довольно земли

* * *

Знамо дело, пагуба-куга.
Где они, иные берега?
Канны, Океания, Китай.
Губы спозаранку раскатай.

Знамо дело, можно – да нельзя.
Кровная бескрайняя стезя.
Радио орёт «ку-ка-ре-ку» –
в изморось рыси по утряку.

На рясах по жизни волокло.
Ныло запотелое стекло,
пело, до сопрано доходя
на краю рассветного дождя.

Голос – волос. Лопнул – и волна
ни единой суше не равна.
Берега гремучих облаков,
обложных – и был жилец таков.

Небо, небо – тёмная вода.
Штормовое наше никогда.
Смутен запад. Пасмурен восток.
Чёрной крови полон водосток.

* * *

Когда уходишь в небо по кривой
весенним днём над жухлою травой,
сочится вдаль безлюдная река,
где брезжат грозовые облака.

А ты и сам, нечуток и летуч,
уже вот-вот щекой коснёшься туч –
и заискрит небритая скула,
и кожа жизни выгорит дотла.

Над Пратером расправится огонь
и чёртово застрянет колесо...
Ребро кабинки судорожно тронь
и глянь непоправимому в лицо.

Не будет ничего и никогда –
суха неповоротная вода,
черны береговые небеса...
И всё, что можно смочь – глаза в глаза.

Аркадий ПРЕСМАН

Воронеж

ФОТОГРАФИЯ

На даче, где прописана синица,
Где переплёски света и теней,
Цветная фотография хранится
В поношенном портфеле, а на ней:
Толпа, фойе, и около буфета
Стоим, обнявшись, будто бы родня
Один актёр и сразу три поэта –
Слепых, Панкратов, Евтушенко, я.
И зыбкие мосты ещё не руша,
Упрямая, четырнадцати лет,
От объективов отвернулась Ксюша –
Авангардизма худенький поэт.
Ей безразличны и чужие лавры,
И вперемешку слава и битьё.
Мы для неё почти как динозавры,
Сходящие в своё небытиё.
Насмешница, ей всё легко даётся,
Но хочется поверить наперёд,
Что от страны она не отвернётся,
Не отстанится от её забот.
И, может быть, в случайном разговоре,
Припомнит с непонятной теплотой
О трёх поэтах, об одном актёре,
О давней фотографии цветной.

* * *

– Я люблю поэтов мёртвых, –
Говорил один профессор,
Фолиантов собиратель,
Член СП и краевед.

– Я люблю поэтов мёртвых,
В их твореньях больше веса,
В их посмертном поведенье
Никаких подвохов нет.

Ваши доводы, профессор,
Не запальчиво-поспешны.
Ваша мудрость осторожна,
Очевидна и проста:
Мёртвые не имут сраму,
Мёртвые – они безгрешны.
И надёжно-молчаливы
Их недвижные уста.

То, что ласточкой парило,
Что сиренью закипало,
Обрело сакраментальный,
Величаво-строгий вид.
И на скучные цитаты
Расслоилось и распалось
То, что радостью смеялось,
То, что плакало навзрыд.

По весенным переулкам
Ходит ветер, как повеса,
И ручьи под ярким солнцем
Разбегаются, звена.
И выступивает сердце:
Я покуда жив, профессор,
И, наверное, не скоро
Вы полюбите меня.

Алексей ПУРИН

Санкт-Петербург

РИМСКИЕ ДНИ**1. Circo Massimo**

Прекрасного должно быть до фига:
и шествия, и скачки, и бега;
согнать со всей империи рычащих
зверей, вождей плененных и слонов —
и двинуть в ров, — основа из основ;
с улыбкой слушать царедворцев лястящих

и удовлетворённый рёв арен.
А то, что ты — какой-то там Макрен,
Макрин, минутный повелитель Рима,
вчерашний всадник, завтрашняя снедь
ожесточенья, лучше не иметь
в виду; твоя судьба непоправима.

Сиди, смотри кровавые бои —
их любят все сограждане твои,
но распалённым этих зрелиц мало:
убить тебя — что кинуть конфетти! —
убить тебя — и бросить на пути
вступающего в Рим Элагабала.

Терпеть того в теченье лет пяти.

2. Palatino

Великое Ничто — то в мраморе крылатом,
то в золоте литом, — по храмам и палатам
расставленное здесь искуснейшей рукой
несметных мертвцев, несомых, как рекой
забвения, на миг явившейся минутой,
являет в суете красы свой облик лютый.

Не о глазницах терм реку — о полноте
Прекрасного, увы, подобной пустоте, —
о трепетной Пьете на фоне вечных сосен:
незнающим, им кряж могильный плодоносен;
но ты — как Пий, как Сикст —
лишь камень, щебень, тлен, —
запечатлён резцом иль не запечатлён.

Поверили бы отцам, пророчащим деревьям
о Царстве Неземном; но утым суеверьям
потворствуют собор, надгробие, плита...
Нет, здесь не дышит Дух;

Искусство — пустота.
Убогому уму оно — подмена Бога...
Боюсь, за это с нас никто не спросит строго.

3. Qurinale / Pinus pinea

И Сикст, и Пий, и Цезарь, и Нерон...
Процессия всеобщих похорон.
Ты — кладбище громадное всего лишь,
прекрасный Рим под небом голубым;
и странно мне, что ракурсом любым
ты мой недолговечный глаз неволишь.

Ужели персть земная — и титан,
кем потолок капеллы папской дан —
и грозная стена напоминанья?
Сменяются хозяева палат,
с творцами их соскальзываая в ад;
разрушатся и статуи, и зданья...

А я, чужак, как некогда Север
какой-нибудь, не знающий манер,
глядя на этот Голем с Квиринала —
и пинии, раскрытой в небеса,
твержу своё «Спасительна краса!»;
но и Петра она не понимала.

4. Pantheon

Отверстие, нацеленное ввысь:
не всем богам, небесным лишь молись.
Построил, пишут, щедрый Марк Агриппа,
друг Августа; а позже Адриан
украсил; был ободран и засран;
но выстоял, очнувшись, как от гриппа,

от бреда и беспамятства веков.
Величественнейший из потолков,
скажи, о чём молчат твои кессоны!
Где боги — Марс, Меркурий, Аполлон,
Юпитер?.. Ими космос населён
или Аид? Где слышимы их стоны?..

(За два тысячелетия никто
не посягнул на звёздное лото,
на домино небесное: ни Марка
нет, ни Петра, ни Павла, ни Луки
на зыбком своде; только светляки
язычников на нём сгорают ярко.)

Теперь тут церковь Мучеников всех
и Приснодевы... но, — прости мой грех,
Заступница, — неясные святыни:
могилы итальянских королей,
учёная окружность, а над ней —
не крест, но линза безответной сини.

5. Serapeum. Tivoli

Он приходил сюда по вечерам
один, — и воскресал прекрасный срам:
Александрия, грязный рай Канопа,
где Каллипиге вторит Каллиопа.

Всё совершилось в жизни, всё сбылось.
Он видел мир, как пифия, насквозь —
все чудеса, все страны, все чертоги...
И сам он — бог. И с ним сроднились боги —

Серапис, Марс, Асклепий, Антиой...
Он верит в них, как в зrimое: их знай
неугасим в сетчатках опалённых.

Солдаты спят никчёмные, жена.
И лишь Александрийская луна
всю ночь горит из вод жёлто-зелёных.

Алексей ПЬЯНОВ

Москва

МАРТОВСКИЕ ИДЫ*

Снова мартовские иды
Размыкают тесный круг...
Не тай на век обиды,
С днём рождения, старый друг!

Скоро лёд на речках треснет,
Зазвенит лесной ручей,
И весну восславит песней
Хор саврасовских грачей.

И пока не рухнул шаткий
Зимник с мартом заодно,
Левитановской лошадкой
Март приедет в Островно.

Мы не римляне... Однако
Нам с тобою повезло:
В наших судьбах добрым знаком
Стало древнее число.

Мы весенние с тобою,
Мы охочи на дела,
И удача нас обоих
Стороной не обошла.

Есть на будущее виды...
А теперь как в старину:
Ну – за мартовские иды!
За весеннюю страну!

ЗАБЫТАЯ СТРОКА

Из старой тетради,
С забытой страницы
Поблекшая строчка
Вспорхнула, как птица.

И эта забытая мною строка
Мне вдруг показалась
Ключом от замка,
Сомкнувшим дубовые
Створки
У Карло в убогой
Каморке.
За ними – стена,
За стеною – страна,
Всё так же волшебна,
Как в детстве она,

Весёлою песней
К себе нас маня,
Такая, как прежде,
Была у меня...

Иные, увы,
На дворе времена.
Хоть та же
И всё же
Другая страна,

В которую заперты
Двери,
И ключ безвозвратно
Утерян.

* В древнеримском календаре – 15-е число марта.

СУДЬБА

Судьба порой
За нас решает –
Безвестен ты
Иль знаменит –
И создаёт,
И разрушает,
И награждает,
И казнит.

То от беды
Оберегает,
Спасает от суда
Невежд,
То вдруг злодейству
Помогает,
Не оставляя нам
Надежд.

То незаслуженно
Возносит
В такие жуткие
Верха,
То вдруг в такую
Бездну бросит,
Не удержавши
От греха...

Так, может быть,
Сама судьба
Чего-то высшего
Раба?!

А вернувшись – без отсрочки
Раскрывал блокнотик свой...
Как пьяняще пахли строчки
Переделкинской травой!

Без него осиротели
Берега родной реки...
Там, где рифмы зеленели,
Проросли особняки.

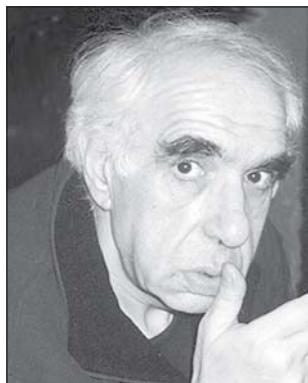
ВИДАТЬ ДАЛЕКО

Вспоминая Андрея Вознесенского

Он любил бродить над Сетунью,
Там, где заросли ольхи.
На погоду он не сетовал,
Выхаживал стихи.

Евгений РЕЙН

Москва

КАЗИНО «ИМПЕРИЯ»

Памяти В.Маяковского

...Прохожие проезжих реже
ещё хранит Москва деляг,
Тверскую рвёт, Тверскую режет
сокасильный «кадилляк»...
И от Строгинки до Таганки,
От Сретенки и до Кремля
Он видел лимузины, танки,
И полюс, где кругла земля,
Где падают его поэты,
Роняя на паркет наган,
Где оформляются билеты,
То на Париж, то в Магадан,
Здесь, в этом городе раскрашен
Последний очерк бытия,
И вот не нашим и не вашим
Переделить его нельзя.
Ты сам его руководитель
На фоне нэповской Москвы,
Последний грузчик и воитель,
Не опустивший головы.
Вот в окружении чекистов
Ты произносишь «Хорошо!»,
Рычишь, развязен и неистов,
Не понимая ничего.
Мост Бруклинский и мост Кузнецкий
Ты мнёшь подошвами во прах,

И свой последний козырь веский,
Выбрасываешь второпях.
Когда обойму набивая,
Ты заложил один патрон,
Когда от края и до края
Окончил страшный марафон.
Так спи, «постель постлав на сплетне»,
Спи и, оттрепетав, будь тих,
Красивый, двадцатидвухлетний,
Как предсказал твой тетраптих.

КОМАРОВО

От станции всего лишь полчаса,
Дорога к озеру ведёт через подлесок,
И я услышу ваши голоса,
Взлетающие возле занавесок.

Там, в комнате уже накрытый стол,
И кто-то говорит ещё невнятно,
Но ты настойчив, юный произвол,
Спирт на тебе не оставляет пятна.

И всё равно — июнь или июль,
А, может, август календарь тревожит.
Холодный борщ прольётся из кастрюль
И молодой картошки нам подложит.

Итак, товарищи, всё впереди ещё,
Планеты лютят лучи над головою,
И, опираясь на моё плечо,
Сидит Судьба и дремлет с перепою.

Сквозит в заливе мелкая вода,
Атлантика дымит за горизонтом,
Под утро засыпают города
В непроходимом воздухе азотном.

Но выпиты бутылки, и пора —
За лесом завывает электричка,
И гаснет под созвездьем Топора
У табака помедлившая спичка.

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА ВИНОГРАДОВА

«В государстве Гана есть своя богема?»

И ты ушёл, слагатель поговорок,
к богеме Ганы, в ленинградский тыл,
раздвинул свой неотвратимый морок,
дверь на цепочку старую закрыл.
На Пушкинской, а может, на Галерной
тебя я повстречал в последний раз.
С тех пор и выётся холодок неверный,
с прорехой совмещается рассказ
о том, как жили, где и как бывали
и Уфлянд, и Красильников, и ты,
что делали в вагоне, на вокзале,
в толпе, средь безразличной суеты.
В корыте сколько б ни было корысти –
не нам её оттуда доставать.
Ах, Лёня, Лёня, я без укоризны,
воистину хочу тебе сказать:
ведь лучшее, что было, белой ночью
стояли мы на Троицком мосту
и понимали, видели воочью,
как солнце набирает высоту.

* * *

Памяти Т.Г.

И мы сошлись. Какая чепуха,
Ещё я не прошёл дорог нисколько,
Но ощущенье смрадного греха
Меня тогда охватывало колко.
Экскурсии – она вела одну –
О том, что Пушкин всем обязан нянечке,
И мы бродили по сухому дну...
Умри, умри, моё воспоминанье.
Лет через десять вышел том её,
Столица ухмыльнулась кривовато,
Теперь уже французское бельё –
По гонорарам славная расплата.
Она вернулась к Киевской Руси,
Перун, Стрибог вошли в её словарик,
Своих нарядов чёрные трусы
Она сменила. Техник звался Марик.

Она всегда с евреями спала,
Через иных свои дела толкала,
И вот, разоблачившись догола,
Вошла в литературу, точно жало.
Ей шили в Переделкино пальто,
На воротник пошли крутые барсы,
Поэт из кругового шапито
Ей угодить по мере сил старался.
В газетах, где пылает экстремизм,
Она имела верную колонку.
Век шёл наверх. Она спускалась вниз,
И заболела – отошла в сторонку.
И вот стою я у её креста
На кладбище Ваганьковском и плачу.
Теперь, когда захлопнуты уста,
Её судьбу считаю за удачу.

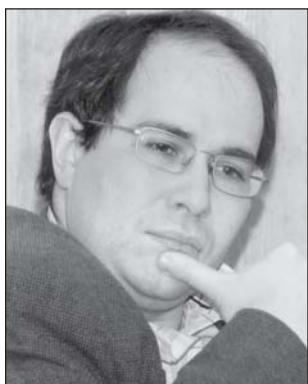
ПОЭЗИЯ

Памяти Г.А.

Зашли в кафе. Он заказал коньяк.
Под вечер фонари уже сияли.
За столиком уселись кое-как,
и мы свою беседу продолжали.
«Поэзия, дружок, совсем не в том,
чтоб выкрикнуть, ревнуя и перечая.
Она – намёк, а не роскошный том,
скорее не свидание, а встреча –
такая, как сейчас у нас с тобой
за этим столиком, в соседстве с баром.
На улице ты видишь проливной
дождь пополам с парижским всем угаром.
Так выпьем за поэзию. Она –
нечаянный и незаконный отблеск,
ещё полуоткрытая страна,
внезапного распада одинокость.
Я знал таких, немногих, перечесть –
хватает пальцев на руках. Однако
поэзия – письмо, шифровка, весть
от скрытого за тучей зодиака».
Мы выпили. Оркестрик заиграл.
Тьма утвердилась. В зале сникли тени.
Жизнь продолжалась, точно скромный бал,
всегда готовый к новой перемене.

Максим ЗАМШЕВ

Москва

ВЕЖЛИВЫЙ ФУТУРИСТ*К 125-летию со дня рождения Николая Асеева*

Он не стал кумиром ни одного поэтического поколения. Его стихи не заучивали наизусть, не зачитывали девушки, его биографию не мифologизировали. При его имени первое, что сейчас приходит в голову — это строки его друга и соратника Маяковского, надо сказать, чрезвычайно панибратские:

Есть ещё у нас Асеев Колька.
Этот может. Хватка у него моя.

А между тем Николай Асеев — одна из заметных и любопытнейших фигур в поэзии Двадцатого века. Сейчас мало кто считается с тем, что бесспорный поэтический авторитет Валерий Брюсов ставил Асеева выше Маяковского, а извечный его художественный оппонент Илья Сельвинский так писал о нём: «Сила Асеева в том, что это, прежде всего, личность. Можно не помнить его стихов, не знать ни одной строчки, но когда говоришь «Асеев» — перед тобой возникает силуэт, у которого нет двойника».

На его долю выпал редкий размах поэтических траекторий. От позднего символизма в его московском эстетическом воплощении до шестидесятнической оттепели. Без него никогда не обходились, — без его голоса, без его краски, без его интонации. Всю свою зрелую жизнь он прожил при Советской власти. Трудно предположить, чтобы он был так не просвещён, чтобы идеализировать её. Но антисоветчиной не пробовался. Считал неприличным. Все мы помним, как иные из отечественных литераторов умело совмещали лидерство по гонорарам и поездкам за границу за казённый счёт с бесконечным хулением тех, кто им эти блага обеспечил. Асеев был из другого теста. Из благородного.

Он родился 9 июля 1889 года. 125 лет назад. Ещё живы те, кто могли назвать его своим старшим современником. Имена тех, с кем он начинал свою поэтическую жизнь, вписаны золотыми буквами в историю мировой литературы. Уверен, что в этой литературной летописи есть страница и Николая Асеева, без которой общее понимание течения литературной истории будет куда как не полным.

Он никак не подходил под неизвестно кем созданный миф харизматического поэтического поведения. Все, кто с ним общался, отмечали его подчёркнутую вежливость и деликатность. Никаких постановочных запоминающихся скандалов, никаких эффектных, но бессмысленно вредных заявлений, никакой фронды ради фронды. Его жизненное кредо – поиск себя, поиск сути, и ощущение пути, где не оступиться важнее, чем вытворить прихотливое экспериментальное па. Вежливость – это первое ощущение от него его будущей жены, одной из пяти известных в то время в богемном кругу сестёр Синяковых, Ксении. В ней Асеев нашёл любовь всей жизни. И это обстоятельство тоже как-то не укладывалось в привычный миф. Где так свойственная поэту любвеобильность? Надо сказать, подменять яркостью биографии значимость творчества – подлая черта нашей публики.

А ведь для понимания поэта – есть только его текст. И для понимания его любви... Как трогательны стихи Асеева «Пять сестёр», написанные незадолго до кончины. В них он вспоминает знаменитых девушек-красавиц и радуется тому, какое счастье дала ему одна из них:

Я каждый день, проснувшись, долго думаю
при утреннем рассыпчатом огне,
как должен я любить тебя, звезду мою,
упавшую в объятия ко мне!

Просто и тонко. По-настоящему.

Его ранние стихи, написанные в его московский дореволюционный период, отмечены явными символистскими влияниями, которые сочетались с подчёркнутой новизной звука и тона. Он был своеобразным романтическим футуристом, он не скрежетал железом, а вырабатывал новую интенсивность звона.

Я знаю: все плечи смело
ложатся в волны, как в простины,
а ваше лицо из мела
горит и сыплется звёздами.

Но Первая мировая, неудержимо теряя бравурный героизм первых своих дней, прервала линию жизненного и творческого развития грубым перпендикулярным мазком. Его призвали на фронт. Война не поместилась в нём. Насилие для него не могло быть справедливым. И он, как и тысячи солдат, вдохновлённых большевистской пропагандой, бежит от войны, понимая губительность всего этого кровавого действия. Судьба заносит его во Владивосток, где он продолжает активно творчески работать. В стихах этого времени много терзаний, сомнений, попыток осознать то, что происходит с Россией, вкупе с горькой невозможностью сделать какие-либо окончательные выводы. Всей душой он рвётся в Москву. Там друзья: Маяковский, Пастернак. Но помнят ли они его? И вот, наконец, приходит телеграмма от наркома просвещения Луначарского с вызовом в столицу СССР. После своего второго и окончательного переезда в Москву он сразу же становится едва ли не ключевой фигурой в литературном процессе молодой Советской России.

Он входит в разные литературные группы, самой значимой из которых, бесспорно, является знаменитый ЛЕФ. Его мастерство оттачивается до абсолютного совершенства. Словом он владеет едва ли не лучше всех советских поэтов. Он бесспорный поэтический виртуоз. В 1925 году из-под его пера появляется, пожалуй, самая популярная его поэма «Синие гусары», посвящённая декабристам. Весь эта компактная, умная, очень энергичная по звуку, свежая:

Белыми копытами
лёд колотя,
тени по Литейному
дальше летят.
— Я тебе отвечу,
друг дорогой,
Гибель не страшная
в петле тугой!
Позорней и гибельней
в рабстве таком
голову выбелив,
стать стариком.

Страшным ударом стала для Асеева трагическая кончина Маяковского. Он, как человек с необычайно высоким порогом совестливости, винил в этом и себя, как участника окружения Маяковского, окружения, не сумевшего его сберечь. Переживал он и из-за того, что официальные культурные власти, на его взгляд, совсем не уделяли внимания памяти поэта, порой позволяя себе непростительную язвительность в адрес усопшего. И только после резолюции Сталина Ежову на письме Л. Брик, где вождь политический называет вождя поэтического «лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи», Асеев объявляет о начале работы над поэмой «Маяковский начинается», ставшей лучшим литературным памятником автору «Облака в штанах».

Он прожил долгую жизнь. Счастливую ли? Скорее да, чем нет. Хотя его преследовали и хоронили, и внутренние кризисы, но он не делал из них отдельной истории, снося всё мужественно и стойко. Асеев — это образчик поэтического антиэгоизма. Он не мыслил себя вне поэзии и поэтов. Судьбы других поэтов вдохновляли его на литературные подвиги. Прекрасны его стихи памяти Гарсиа Лорки:

Почему ж ты, Испания,
в небо смотрела,
когда Гарсиа Лорку
увели для расстрела?
Андалузия знала
и Валенсия знала,—
Что ж земля
под ногами убийц не стонала?!

Он помогал всем, кому мог. И тем обиднее появившиеся в 80-х годах прошлого столетия упрёки в том, что Марина Цветаева покончила с собой чуть ли не из-за него. Я никогда не верил в это, понимая, что распространившей эту версию Анастасией Эфрон могли руководить эмоции и неверные сведения. Слава Богу, несколько лет назад увидело свет исследование Веры Чикриной «Два дня десятилетьям равные», где Асеев полностью реабилитирован.

Он чувствовал каждую эпоху, с которой ему приходилось сосуществовать. Вот и годы оттепели он отметил неожиданным:

Ещё за деньги
люди держатся,
как за кресты
держались люди
во времена
глухого Керженца,
но вечно
этого не будет.

Это ли не предчувствие, которое до сих пор ждёт своего часа, чтобы сбыться?

Я часто думаю, почему мы склонны забывать таких поэтов, как Николай Асеев, не отдавать им должное, навешивать на них ярлыки, и за этими ярлыками прятать их от себя самих. Наверно, потому, что путь духовной распущенности и невежества, к которому всё пристальнее присматривается мир и пытается навязать его нам, – это путь в никуда, в беспамятство, в уродство, к крови и несчастьям. Красота, возможно, и спасёт мир. Но только в том случае, если мы её запомним. А Николай Асеев, его стихи и его удел – это часть мировой красоты и гармонии, неотъемлемая, немаловажная. И незабываемая...

Валентин РЕЗНИК

Москва

ЗА ЧТЕНИЕМ ШОЛОХОВА

Ночь ни звука не выдаст,
Мне сегодня не спится...
Умирает Давыдов
На трёхсотой странице.
Умирает взаправду,
Свинцом перемеченный,
Умирает за правду,
Непеременчивый.
Может, всё это кажется –
Хоронить ещё рано,
Может, дальше окажется –
Не опасная рана,
Может, чудо скрывается
В последнем абзаце?
Чуду так полагается –
Совершаться внезапно...
Но чудес не бывает,
На войне убивают.

ДАЧНОЕ

Выросшие на баланде
В чёрные деньки,
Две старушки на веранде
Чешут языки.

Косточки перемывают
Сгинувшей стране.
Ничего не забывают
В спорной болтовне.
Несмотря на все недуги,
Под шашлычный дым,
Воздают, кряхтя, подруги
Мёртвым и живым.
И как будто на проверке,
Не свихнуться чтоб,
Запасные пионерки
Крестят грудь и лоб.

* * *

Ну, а что мне, скажите, до жизни
Той, что будет уже без меня?
Я и в этой-то был чаще лишний
Чуть ли не до последнего дня.
Кем я только себе не казался,
Под кого только я не косил.
Даже и сиротою казанской
На Казанском вокзале служил.
Но кого б из себя я не корчил,
Как судьбы не петляла бы нить,
Я бы только на вас, Януш Корчак,
В этом мире хотел походить.

* * *

Здравствуй, фауна и флора
Дальней родины моей:
Шум берёзового бора,
Тиши картофельных полей.
Ничего не понимаю
Ни в деревьях, ни в цветах,
Но всем сердцем принимаю
Мир в садах и лопухах.

В перещёлке, в пересвисте,
В грохотанье соловья,
В хвойном сумрачном жилище
Родникового ручья.

* * *

Ещё я в ногах у тебя наваляюсь,
Ещё настоюсь со свечою в горсти,
Так что же я так кропотливо стараюсь
Реестр твоих прегрешений вести.
С какой-то тупой и трусливой отвагой
Лелею любой отрицательный штрих
И рву себе душу журнальной бумагой
О неблаговидных деяньях твоих.
Прости мне внезапное это затменье
И желчную душу мою остуди.
Прости запоздалое — слишком — прозренье
И плач на твоей милосердной груди.

* * *

Что за наказание такое?
Что за дар такой проклятый?
Норовить порой сказать такое,
Что и сам не рад ты.
Сколько раз бывало зарекался:
Не шутить со словом,
Но в припадке гнева забывался
И срывался снова.
И твердил и очно, и заочно
Всё, что болью живо
И за это мне платили срочно
Вежливым разрывом.

* * *

А что вы на него набросились?
Чем вновь он вам не угодил?
Тем, что цыплят считал по осени,
Иль нечто с пьяну городил.
Тем, что не очень-то старательно
Монтировал свою судьбу,
Ну и при этом обязательно
Случалось, вылетал в трубу.
В тепле или насквозь промёрзшие,
В беде или снискав успех,
Плохие вы или хорошие —
Он всё равно вас любит всех.

* * *

Я снова оккупирован весной,
Я снова доходяга и придурок
И конфликтую весело с женой
По поводу полуночных прогулок.
Теперь прощайте, Пушкин и Дидро,
Монтеня и Гонкуров откровенья.
Теперь я сам бумага и перо
И лучшее своё стихотворенье.

* * *

Занимайся своими делами —
Неотложными и пустяками.
Занимайся работой, которой
Ты обязан достатком в дому,
Занимайся и той бесполковой,
Что почти не нужна никому.
Занимайся шатаньем по «букам»,
Созерцањем небесных светил,
Занимайся хожденьем по мукам,
Может быть, самой главной наукой,
Без которой ты дня не прожил.

* * *

Мы были наивны в своих начинаниях.
Мы прожили век свой в пустых ожиданьях.
Мы выдали сами себя с потрохами
И сами себя обрекли на убий.
И не сокрушайтесь, не плачьте над нами,
Когда мы отчалим на вечный покой.

Наталья РОЖКОВА

Москва

НЕЗНАКОМОЙ МОСКОВСКОЙ СТАРУШКЕ

Дождь наискосок, промозглый ветер,
У погоды — дел невпроворот,
Бабушка в поношенном берете
Тихо мимо митинга бредёт.
Отчего её встречаю снова?
И хотя в глазах упрёка нет,
Бабушка, тебе отдать готова
Вместе с Крымом — новый свой берет.
И пусть капли падают за ворот,
Улыбнись! Ещё нам хватит сил,
Севастополь, вечный русский город,
Словно никуда не уходил.
Вспомним мы в неспешном разговоре
Светляков, магнолии и штиль...

Там, где ходим — завтра будет море,
Послезавтра — солнечная пыль.

СТЕРВЯТНИК

Ты почувствуешь запах кровавый,
Прилетишь из неведомых мест,
Покружишь над ослепшей державой,
И нагадишь, отрава, на крест.

Всё поймёшь, что не сбудется с нами,
Перепачканы перья золой,
Тень от крыльев, как чёрное знамя,
Над родной пронесётся землём.

* * *

На планете ещё молодой
Динозавры завязли в болоте,
Но Всевышний их видит останки
За прохладной музейной витриной.
Так и наши смиренные кости
Будут тихо белеть за стеклом,
А глаза неизвестных существ —
С любопытством разглядывать их.

В.Е. ТАТЛИН

Может, под кистью тонкой
Спрятан малярный валик?
В каждом эскизе звонко
Звякнет глазной хрусталик.
Я не любил прикрасы,
К чёрту кудрявые темы!
Я заключал в каркасы
Солнечные системы.
Ключ мой планета искала,
Сотни учёных погрелись!
Гнёзда я вил из металла,
Где вы, птенцы? Разлетелись...
Что же, полётов полезных,
Мир для полётов создан,
Градом с шипов железных
В Вечность падают звёзды.

* * *

Осанистая Анна в платье чёрном
Идёт по саду; белый шарф, как крылья,
Трепещет на ветру. Из-за забора
За ней следит Марина в ярко-алом,

Непримиримая. И взгляд её наполнен
Таким же восхищением, как у крохи
С картины давней —
«Всадница» Брюллова.

ПОДРАЖАНИЕ КИТАЙСКОМУ

Я забыла цветок погасить,
Тот, что осенью поздней цветёт,
Он, как Истина, долго горит
На моём одиноком окне.
Лепесток уронил на крыльцо,
А уже на пороге — весна.

* * *

Если завтра война...
Старая песня

Если завтра придётся и мне воевать,
И случится недобroe что-то,
Я родных попрошу мои вещи собрать
И уйду, как идут на работу.
Испугалась? Неправда.

Нисколько. Ничуть.
Мне ли быть «ограниченно годной»?
Вещи собраны. Скоро отправлюсь я в путь,
Если завтра... А может, сегодня?

Андрей РОМАНОВ

Санкт-Петербург

В возрождённом альманахе «День поэзии – XXI век» как-то сама собою сложилась традиция печатать стихи ныне здравствующих поэтов, а ушедших собратьев поминать подборками и литературными эссе к их мемориальным датам. Однако случаются и исключения...

«Прощай, весны нежданная утрата» – так абсолютно пророчески была названа последняя книга стихов Андрея Владимировича Романова, которую автор так при жизни и не увидел... 29 мая 2014 года, как раз на Вознесение Господне, его огромное, большое сердце сделало последний бешеный толчок в груди и остановилось...

Поэт Андрей Романов – личность совершенно примечательная и незаурядная в питерских издательско-писательских кругах. Литературный эрудит, который сам всю жизнь оставался большим ребёнком, с душой распахнутой настежь и готовой помочь каждому мало-мальски талантливому литератору. Скольких он воспитал чистейшим русским словом, которое только и сохранилось в культурной столице Родины. Да, он нажил множество врагов, будучи вспыльчивым и резким, стоя до последнего за истину, а вернее за то, что являлось безусловной истиной в его понимании, точнее – за ресноту. Сложно сказать, что больше привлекает в поэзии Андрея Романова. Неповторимая энергетика? Художественность? Загадочность? Да, безусловно. Однако самое главное, на наш взгляд, заключается в уникальном умении поэта любить жизнь во всех её проявлениях.

Андрей Владимирович Романов много сделал для отечественной литературы: воспитывал учеников, выпускал питерские журналы и альманахи, вёл передачи на Ленинградском радио, курировал литературную премию им. Бориса Корнилова, а в 2007 году удостоился чести быть главным редактором уникального альманаха «День поэзии «Санкт-Петербург – Россия». Благодарность, полученная им от министра культуры и массовых коммуникаций России, была вполне заслужена. До своего 70-летия, которое мы готовились отмечать в 2015 году, он не дожил всего 7 месяцев, однако свою новую подборку в «День поэзии. 2014» успел отправить в редакторат ещё в феврале с.г. Его похоронили под Ленинградом, в так любимой им Суйде, недалеко от могилы Арины Родионовны.

Прощайте, дорогой Андрей Владимирович. Вы ничего не задолжали поэзии. Скорее – это она задолжала Вам.

Андрей ШАЦКОВ, главный редактор альманаха «День поэзии – XXI век»

* * *

Прощай, весны нежданная утрата:
На Лиговку пробрался майский снег.
И в этом не гадалка виновата,
А со двора обрушившийся смех,

Который не согласен с нашим счастьем,
Но приказал разграбить Летний сад,
Где мы горды скульптурным соучастьем
Тех, кто красив, надменен и усат.

Тревожный жребий выпал из портфеля,
Рассыпав годы по земле сырой,
Давай, сбежим из царства Куршавеля,
Преодолев границу в мир иной.

И если Рим грозит нам Колизеем,
А взять нам Трою выпадет едва ль,
Давай рискнем представить мир — музеем
И воскресить московский фестиваль.

Сливай бензин, — трамвай в метро не ходит,
Гостиный двор навеки выключай...
На перекрёстке глобус колобродит,
Маршрутка денег требует на чай,

Но снег отведав, что же есть блокада,
Победно тает, вечность распознав,
Где вдоль кинотеатра «Баррикада»
Летит в зенит подорванный состав.

* * *

Не раскрывай сусальное окно,—
Сентябрьский день там засыпает в школу
Охрипших листьев злое толокно,
Согласно временному протоколу.

А Невский вдоль Гостиного двора
Ползёт к Садовой, от любви сгорая,
И, поглощая щи из топора,
Напрасно ждёт последнего трамвая.

Вослед ему студенты разбрелись
По выцветшим от времени районам,
Где аспирантки вдруг разобрались,
В чём прелесть аниона с катионом:

Где Летний сад, инфляции под стать,
Не отличает суффикс от приставки
И, листопад мечтая обуздать,
Повысит исторические ставки.

Но ты сокройся в дождевой воде, —
Нас ждёт Фонтанка, плача от безделья
И брак наш рекламирует везде
Остатками от лиственного зелья.

А нам бы вновь на паперти присесть...
Ведь, отрицая в свадьбе соучастье,
Мы школьный двор забыли, где он есть,
Вернув потомкам выцветшее счастье.

* * *

Ты зачем в тетрадке накропала,
Что, когда мы спим с тобой вдвоём,
Суетится память вдоль канала,
Сомневаясь в имени твоём?

Ведь блокадной мамы
не спросившись,
Не желая путать хлеб с весной,
Ты взошла на паперть, согласившись
С палачами площади Сенной.

Носоглотка на ветру не зябнет,
Локоточки больше не болят.
Оглянись! Весну приносит зяблик
Для ревнивой кучки дошколят,

Он, расправив крылья, запоздало
Распугал внеклассное враньё,
Отрядив с Московского вокзала
В Летний сад шальное вороньё.

Не ровняй наш возраст

с послесловием,

Где вотще бессмертью вопреки,
Нам, гордясь космическим здоровьем,
Угрожают звёздные стрелки,

Но, страшась тропиночки отвесной
И мечтая пришлых наказать,
Мы летим над пропастью словесной,
Не пытаясь правду рассказать...

* * *

Снежный мрамор во двор опустился,
Наслаждаясь булыжным родством,
И ему в подворотне приснился
Божий дар в одеянье простом;

Там любовь, на последнем дыханье
Скорость света мечтая постичь,
Межпланетных небес полыханье
От Садовой сумеет отстричь.

На студёном Литейном проспекте,
Растворясь в галактической мгле,
Пишут школьники в классном конспекте:
«Не желаем сидеть на игле...»

Но, продав криминальное место,
Чтоб пожизненный срок отложить,
Принимают ростральное средство,
Без которого смертным не жить.

Тяжело пробиваться сквозь тучи,
Обещая сподвижникам свет,
Где подруг восьмиклассница учит
Перед свадьбой готовить обед.

Там, где мрамор не просится в ящик,
Предназначенный вечному сну,
Где потомки людей предстоящих
В подворотнях не верят в весну.

* * *

Мой дед – он, богословие осилив,
Дворянский быт и Веру уравнял:
Служил у императора России, –
Именем закаспийским управлял.

И пусть в объятьях древнего Морфлота
Плынут на Марс ночные корабли,
Наш правнук обнаружит вдруг на фото
Наивных предков в Баирам-Али.

Гражданских войн и ужас революций
Нам, слава Богу, в Питер не вернуть,
Хотя провидец греческий – Конфуций
Сто тысяч лет сменить мечтает путь.

Но дед Андрей, – мой стопроцентный тёзка, –
В НКВД услышав приговор,
Скончался у блокадного киоска,
Осилив с «кулаками» Беломор.

Столетье – прочь! Я жив ешё, ребята,
И вы меня не смеете костить,
Пока в лесу бессмертные опята
Блокадный голод силятся простить.

Пока в Лесном, на сумрачной Сосновке
Гремит асфальт, сметая стебли трав.
И дед мой объясняется неловко.
И ловит вечность, смертью смерть поправ.

Роман РУБАНОВ

Курск

* * *

Провинция. Сирень и соловьи,
обшарпанные стены автостанции.
Здесь все друг друга знают, все свои,
встречают песней, провожают танцами.

Здесь с горя пьют, а в радости поют
и снова пьют, и машут кулаками.
Здесь в каждом магазине в долг дают
под запись, до получки. Стариками

становятся здесь рано. Но другой
судьбы никто не хочет — все довольны.
Здесь все стоят в земле одной ногой
и умирать поэтому не больно.

Здесь ходят в храм. Что небо ниспошлёт —
всё принимают. Чудо многолико.
Золою посыпают гололёд,
и транспорт ходит через день. Гляди-ка —

Провинция. Сирень и та поёт.
Сон чуточ, ночь перетекает в чудо:
Заутреню отслужат и Господь
на Пасху куличи разносит людям.

* * *

У колонки намёрзло льда.
Я в калошах иду по льду.
В мои вёдра льётся вода
и... суда по воде идут,

и растёт из воды камыш,
и дымок идёт из трубы,
и петляют следы от лыж
вдоль дорог, где столбы... столбы...

Постою, посмотрю в ведро:
вот он я, вон мои следы,
вон скользнул золотым пером
луч фонарика. Рвутся льды

и слышна перекличка рек...
...В вёдрах льдинки плывут, звеня.
Заметает деревню снег
и следы мои, и меня...

АНДРЕЙ РУБЛЁВ

Рассвет войдёт по пояс в реку.
На корточках, на бережке
сидит мальчионка. В лодке грека
плывёт по Яuze-реке.

Мальчионка по-рыбацки, просто,
на пшёнку жжёную плюёт
и ждёт улова. Как апостол.
И кто-то спросит: «Не клюёт?»

Да, не клюёт, но стоит ряску
пошевелить, и на воде
мгновенно заиграют краски
везде.

И этим он вполне доволен.
Над головой его плывёт
свет с отдалённых колоколен,
как мёд из раскалённых сот,

и облака, как будто фрески
владимирские, так легки,
пойдут над головой, над лесом,
над сонным зеркалом реки,

и берег Яузы отчалил,
земли уж под ногами нет
и Троицей Живоначальной
повсюду отзовётся Свет.

Травить Снегурке анекдоты,
Водилу в путь поторопить.
И после каторжной работы
Попасть домой и всё забыть.

Смахнув устало капли пота,
В дверях с подарками в руке
Застыть. Дочь спросит: – Пап, чего ты?
– Заело молнию в замке.

* * *

Андрею Болдыреву

Полдня убил на магазины —
Купил супруге сапоги,
«Советское» и мандарины.
Залез в сезонные долги.

Под праздник частник ёлки рубит,
На ёлках чтобы нарубить.
Мне проще — борода и шуба,
И лёгкий текстик — не забыть.

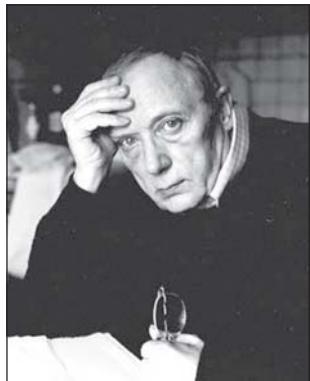
В декабрьском чёссе соучастник,
Опять придётся поднажать:
Мне предстоит чужое счастье
К осуществлению приближать.

И в день последний, покидая
Квартиру сотую уже,
Лифт по запарке вызывая,
На первом стоя этаже,

Очнуться, как от яркой вспышки,
С досады дверь подъезда пнув,
Стоять, курить на передышке,
Покрепче шубу запахнув,

Анатолий РЫБКИН

Москва

* * *

Мой шкаф на удивление хорош,
Пусть неказист он и уже не новый,
Стоит с увядшей розою лиловой,
На старомодный памятник похож.
Он неустойчив — как навеселе,
Скрипят его рассохшиеся дверцы,
А роза за стеклом — как будто сердце
В старинном потускневшем хрустале.
Хранятся в нём прошедшие года,
Он в доме существует как свидетель,
И я, под тихий звук латунных петель,
Приоткрываю дверцы иногда.
В шкафу на полке розы без воды,
Над хрусталём в безмолвии застыли,
И на осевшей прошлогодней пыли
Затейливые бабочек следы.
Следы ведут, указывая путь,
В далёкое стрекочущее лето,
Но прошлое оранжевого цвета,
Из отражений в створках не вернуть.
И всё, что было — время замело,
Летят года, невидимые глазу,
Лишь розы лепесток, покинув вазу,
Кружит порой, как бабочки крыло.

* * *

Созвездия ветшают,
Нет у Венеры блеска,
Луна за занавеской
Опять заснуть мешает.
Луна дорогой длинной
Гуляет обнажённой
И светом отражённым
Касается гардины.
Она от ветра слышит
Насмешки над собою
И прячется на крыше
От ветра за трубою.
Колонн минуя фризы
И огибая ниши,
Я прoberусь на крышу
По краешку карниза.
Я разгляжу планеты
И звёзды над собою,
И встречусь за трубою
С луною неодетой.
Я брошусь без опаски
В её моря и реки
И стану, словно в сказке,
Лунатиком навеки.
Под лунными лучами,
Для всех, кто смотрит снизу,
Я буду по карнизу,
Во сне бродить ночами.

* * *

Весна пришла — и небосвод
Лиловой тучею обрушен.
И снова дождь по наши души
Озёра переходит вброд.
Опять уставшие ручьи
По берегам стекают мшистым.
И в изобилии душистом
Цветы давно уже не чьи.

Вновь у террасы старый сад,
Как прежде, розами – украшен,
В соцветьях белых чувства наши
Тревожит ветер наугад.
Мы знаем, нам не избежать
Разлуки с розой безмятежной,
Зима цветок укроет нежный,
На клумбах будет снег лежать.
Пусть розы белые сейчас
Цветут, улыбки источая,
Благоуханием встречая
Любовь, проснувшуюся в нас.

Ольга РЫЧКОВА

Москва

ПОЭТАМ

Какая дьявольская сила –
Беспечной Музы ремесло:
Кого любовью опалило,
Кого печалью унесло.

Какие дьявольские сети –
Прожилки чистого листа.
А на Парнасе – только ветер
Да перекладина креста.

* * *

Какой незыблемый покой
Таится в древе одиноком:
Коснись ствола его рукой –
И тишина сойдёт потоком.

Зальёт собою дом и сад,
Дорогу, двор, калитку, лето...
Слова воротятся назад –
В гортань последнего поэта.

* * *

По берегу Леты,
по берегу Леты
проходят в волненье
младые поэты.

У этого люда
тревога одна:
кого набежавшая
смоет волна?

Кто волею рока
из общего хора
исчезнет до срока
в подводных просторах

и будет лежать там
в глубокой тоске?
И волны рассеют
следы на песке...

Но разве чудес
не бывает на свете?
Вот Мойры сплетают
рыбацкие сети —

и нет для тревог
ни малейших причин,
поскольку поэт
извлечён из пучин.

И снова сидит он
над водами Леты,
и так же в волненье
проходят поэты,

и солнце горит
над его головой...
Сидит он с живыми —
и сам как живой.

* * *

Литинститут. Молоденькие дуры,
мечтая о большой литературе,
украдкой примеряют пьедестал
нетленного курчавого собрата.
Литинститут: кому-то — alma mater,
но больше alma мачехою стал.

По тусклым коридорам общежитья,
где гость случайный кажется событием,
не говоря о мухе за стеклом,
под храп соседа, плеск паленой водки
всё дальше уплываем в лёгкой лодке
по Лете лет — с Хароновым веслом.

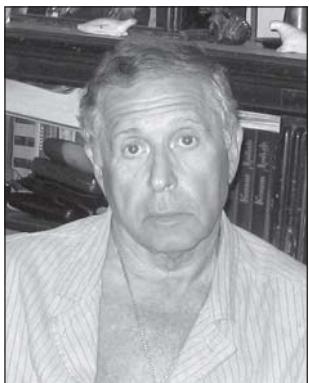
ПОЭТ И ГЕТЕРА

Однажды к поэту гетера
Приехала в белой квадриге
Взглянуть на поэты книги,
Но вовсе на них не глядела,
А вместо того непрестанно
Вино попивала из амфор,
Царапала пальчиком мрамор
И сделалась буйной и пьяной.
Кифару щипала искусно,
По комнате прыгала резво
(Поэт был нечаянно-трезвый
И вследствие этого грустный).
И, гимн распевая скабрезный,
Визжала, как будто менада.
Поэт отбивался: «Не надо!» —
Но было уже бесполезно.
Ну что оставалось поэту?
Гетере весёлой в угоду
Забросил он длинную оду,
В зелёную мутную Лету,
За что и спасибо гетере
От греческой литературы...
А с тёмных небес Диоскуры
На страсти земные глядели.

Юрий РЯШЕНЦЕВ

Москва

КОРОВА

У пегой коровы, похожей на карту Европы,
покрытой снегами,
такой недоверчивый взгляд.
Какие кровавые бойни, какие потопы
в коровиной памяти генной живут и грозят?

Ходила ль прабабка кормящей
на транспорте Ноя,
Козлу ль провокатору
верила в смертном пути,
Иль было в говяжьей судьбе
приключение иное,
но явен фамильный испуг.
Прекрати, прекрати

смотреть на меня, будто предок мой
на борт ковчега
тебя не пустил и козла
не забил под конец.
И так уж Творцу на меня
за «телегой» «телега»
идут и, похоже,
что всем им поверил Творец.

Всё рушится в жизни.
Всё рвётся и там, где не тонко.
Остыла и дружба.
Вконец оскудело родство.
О, дай мне обнять твоего
озорного телёнка,
дай мне заглянуть в несмышлённые очи его!

* * *

Ах, на Яике, на Яике
было дело, господа.
Ни на шлюпке, ни на ялике
не доплыть уже туда.
И река давно разведана,
и ретивое весло.
Всё — путём. Да мне неведомо:
и куда нас занесло?

Тот же берег, почва плотная,
дебри, чаща, бурелом,
да не та тропа болотная —
до станицы напролом.
И лазоревое облако,
что венчает вышину,
не казачьего, знать, облика,
как когда-то, как в войну.

И когда пристанешь к берегу
и придёшь, куда хотел,
так и тянет впасть в истерику:
ни знакомых душ, ни тел.
Лишь одно жилище бывшее
попадётся на пути.
Да мертвое крыльцо прогнившее:
лишь ступенька из пяти.
Тусклый отсвет стеариновый
не заметен за окном.
Тот же, вроде, куст малиновый,
да смородина на нём.

Ах, ты, сука оголтелая,
время, бешеная прыть!
Что же ты с пространством сделало —
не понять и не простить.
Только сон в дорожном шкалике
обretёшь в большом глотке,
ох, на Яике, на Яике,
на припадочной реке.

* * *

Стена напротив, жёлтая стена
с глубокой и опасной подворотней...
Какие наступили времена:
не вспомнишь жёстче и бесповоротней.

Там, в тёмной арке, воздух напоён
душком сырых ремней и конским мылом.
То с девкой там торчит валет бубен,
то дама треф взахлёб воркует с мильтом.

Но в трепаной колоде горожан,
в их мире странных прикупов и взяток
мне верно служит старый мой диван,
он ждёт, и потому я буду краток.

Всё, что хотел, я совершил. Почти.
И прилетел, куда мы все летели.
Как пели мы, «иного нет пути»,
а было их – не счастье на самом деле.

И потому мне слишком дорога
та форточка в окошке мутноватом
с дыханием простого четверга,
простого четверга перед закатом.

* * *

Не лето – западня.
Подсолнух, вон, иссох.
В стеклянном кубе дня
почти случаен вдох.
Уже невмоготу
раскрыть в беседе рот.
Вон чайка на лету,
того гляди, заснёт.
Жестокая страда,
с болезнью наравне,
без меры и стыда,
как всё в моей стране.

Но лучше ли зима?
Как вспомнишь, как дрожал...
Такая нам земля
досталась, либерал.
Ты, вероятно, прав.
Душой-то я с тобой.
Но чад палёных трав,
но ледяной разбой,
но страсть родных певцов
к осенним ровным дням,
не зря, в конце концов,
они достались нам...

Уже густеет мгла
в распахнутом окне.
Но ни одна игла
не дрогнет на сосне.
И довершив кошмар
у ночи на краю,
певец Руси – комар –
заводит песнь свою.

* * *

Кленовый шатёр,
и сквозь дыры горячее небо.
Последний четверг.
И последняя летняя нега.

В ветвях коммунальная свара
каких-то пернатых...
А осени дерево не принимает ни на дух.

Ах, эта ошибка,
она ведь и людям присуща.
Ты многоного хочешь от жизни,
наивная куща.
Не так ведь долга и древесная
доля чужая,
чтоб сущим бросаться, мечтами
весну приближая.

А сущее вот оно, рядом:

сентябрьские лужи,
и холод внутри, и промозглая
морозь снаружи.
И знанье того, что отныне и, чай,
до Покрова
вот это и есть нашей жизни пейзаж
и основа.

Да, солнышка мало на нашей
печальной равнине.
А воли и вовсе.
Покоя же нет и в помине.
Зачем мне покой, если дважды
в течение суток
От грустного счастья под клёном
теряю рассудок.

Константин САВЕЛЬЕВ

Харьков, Украина

* * *

...И звезда с звездою говорит...
М.Ю. Лермонтов

В простом и боги не вольны,
им — вечное стеречь.
Вершины не заселены,
там неуместна речь.

Шлифуй хоть мрамор, хоть хорей,
смотр проводи полкам, —
но одиночество острей,
чем ближе к облакам.

А дальше — звон гусарских шпор.
И Млечный Путь — как мост.
И молчаливый разговор
гостеприимных звёзд.

* * *

Я родом из сказки. Из той, где дурак
ходил за три моря на поиски клада.
И всех одолел. И досталась награда —
никак не пропьёт, не растратит никак.
Смущает домашних неясная речь
о львах, великанах, диковинных птицах...
и царская дочка Ивана боится,
и шепчет кормилица ей:

— Не перечь...

Полцарства – в придачу. Награда? Беда?
Он в сказке своей не поймёт ни бельмеса.
Полцарства тоски – дальние луга и леса
отсюда никто не ходил никогда.

Полцарства в покое живёт и в тиши,
полцарства довольно и кровом, и пищей.
Полцарства – за ту половину души,
что за морем отдал и здесь не отыщет.

* * *

Живу полжизни у реки,
куда воды испить шеломом
ходили Игоря полки,
а нынче ломит буреломом
прогресс, что жалует успех
тем, кто всегда противу всех.

А берег беззащитно-бел.
Ещё струя подмоет где-то
то ржавый оттиск русских стрел,
то позабытых стран монету.
А край курганами клеймён –
тенями сгинувших племён.

У нас то мор, то недород –
природа вздорных не приемлет.
Когда-нибудь иной народ
придёт и обустроит землю
у светлой узенькой реки,
где гибли Игоря полки.

* * *

До последней, обещанной Богом земли,
доберусь – как и все – без труда...
как друзья отплывали, по отмели шли,
словно вброд торопились туда.

Потихоньку в толпе становясь одинок,
привыкаю: на том берегу
и трава зелена, и прохладен песок,
и духмяная радость в стогу.

И когда меня здесь загоняют в углы,
когда смрадом несёт из окна,
вспоминаю, что ждут и сдвигают столы,
открывают бутылки вина.

И не страшен у волчьего века оскал,
если встретят на том берегу...
Я, в конце-то концов, почти всё написал
и исправить уже не смогу.

* * *

Был хозяин жаден до работы –
расшибётся, а своё возьмет...
И крутились в медогонке соты,
и стекал на дно тяжёлый мёд.

Гость незваный, я присел в сторонке,
я смотрел из дальнего угла,
как пчела тонула в медогонке –
сильная рабочая пчела.

В мареве плывя, блестели спины,
пыль и пот мешались пополам,
и хозяин улыбался сыну,
разгоняя солнце по углам.

Белозубый, языкастый, звонкий,
не батрак – хозяин на Земле,
солнечную тонкую соломку
протянувший гибнущей пчеле...

* * *

А когда забредёт чужеземец-мистраль
и замучат тягучие, липкие сны,
проводи меня в ту невозвратную даль,
где краплённые истины слов не нужны.

Из жилищ, где хранил умирающий Бог,
сквозь века, что свернулись, утробно урча,
от колючего глянца парадных сапог,
что светлы, как тяжёлая сталь палача.

Надоело в глаза узнавать подлецов,
не чураться затейливойвязи вранья...
Здесь не шабаш, не плач на могилах отцов —
лишь визгливый, бессмысленный ор воронья.

Я ещё ускользну сквозь гудящую мглу
в мир, что солнечно-юн, где истории — нет,
где мальчишка, смеясь, вынимает стрелу
и сбивает любую из вечных планет.

* * *

Я — кочевник, легко уходивший в набег,
ясырём получивший сполна.
Я, смеясь, останавливал времени бег
у копыт своего скакуна.

Ваши степи не выдохнут наших следов,
ваши реки запомнив на вкус,
мы тяжёлую, жирную гарь городов
на щеке приносили в улус.

А когда не осталось весёлой земли,
постноватый не жалуя рай,
наши хищные боги орду увели
в заповедный, клокочущий край.

Но гуляет, гудит гулкой крови разгул,
коль в живущих на крепкой цепи
проступает, смеясь, то распластанность скул,
то тоска по великой степи.

Я — кочевник, я — камень, ушедший на дно,
я — забытого времени страх,
я столетия выщедил, словно вино,
распластавшись в чужих зеркалах.

Елена СЕМЁНОВА

Москва

МУЖСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Глядя на ночь, глядя на ночь,
Все мужчины и коты
Так бессовестно и странно
Захотели вдруг еды.

Словно в ужин не кормили
Их вкуснейшей мусакой,
Словно нудно не твердили —
Кушать на ночь — вам на кой?

Но в ответ лишь смотрят грустно
Все мужчины и коты,
В душу мне вселяя чувство
Безраздельной правоты.

ВЕСЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Вот колокол звонит с изнанки бытия —
Сам чёрт не разберёт — с какого света?
Вот — я иду, сознанье растеряв,
В дворах весны, заточенных на лето.

Вот трескается лёд, весёлым мыслям в лад,
По речке вниз дрейфуя кораблями.
Вот я смотрю из-под, а вот уже по-над
Уютными Октябрьскими полями.

Все мужички с утра шагают во хмелью,
А кто-то и с портфелем – на работу!
И не отдам я тут за миллион валют
Весь этот мир, стремящийся к полёту.

ПОРТРЕТ

Естественных теней узор немой –
Волнист, продолен, поперечен.
И в линии любой характер твой,
Как карта, бережно размечен.

В них талый снег, стекающая тушь,
Горчинка слёз и грязь осенней муты,
Слиянье слов, расстолкновенье душ,
Сквозных морщинок перепутье.

В тайнинках их – слабеет доброта,
Сильнеет гнев, он расплавляет с ходу
Застывший воск душевного холста,
Формуя многослойную породу:

Страстей разгон и холодок интриг,
Удальства шум и комплексов вериги.
Коль под рукою нет приличных книг,
То лица можно изучать как книги.

ЦУНАМИ

A.K.

Судя по взгляду –
и ты был в кого-то влюблён,
Но прокатилась волна,
разрушая сполна, как цунами.
Если же не был твой дом
тем цунами снесён,
Надо понять – что же это цунами
наделало с нами?

Как изменились, набрякли водой берега,
Отмели всплыли,
подёрнуты радужкой синей.

Не отвергай, что земля,
как и прежде, тебе дорога
С мёртвой водой ли,
с дымящей её Фукусимой.

Только, вот, кто бы ты ни был –
шахтёр иль пиит,
Не усмирить тебе ярость
кипучей подземной геенны,
Что прихотливо меняет
исчерченность внутренних плит
И разрывает твой мир –
незаметно, подспудно, мгновенно.

Евгений СЕМИЧЕВ

Новокуйбышевск, Самарская область

* * *

От царевичей Дмитрия до Алексея
Горемычной мученической тропой,
Непорочные детские слёзы сея,
По России дождик идёт слепой.

И хотя идти по тропинке скользко —
Ажно целых две тысячи с лишним вёрст,
Но висит от Углича до Тобольска
Семицветной радуги дивный мост.

Под мостом гудящая Волга в плёсах,
И в скитах таёжных лежит Сибирь.
Этот дождь слепой — для России посох
И её божественный поводырь.

Разливанным облаком в небе хлёстко
Барабанит дождь над Россией всей.
И сидят на радуге два подростка —
Цесаревичи Дмитрий и Алексей.

И сияет благость на детских лицах.
Чтоб не плакать, ладонью зажали рот,
Потому что узнали в своих убийцах
Непутёвый и жалостный свой народ.

И вздыхают над русскими мужиками,
Что безропотно терпят казённый кнут.
И за дикий высокий уральский камень
Пронзившийся колокол волокут.

* * *

На верёвках волоком
До Тобол реки
Притащили колокол
Бунтовщики.

Чтоб, немой, в Сибири
Он перемог
Самый долгий в мире
Опальный срок.

Засадили глухо
Его в тюрьму.
Отрубили ухо
И язык ему.

Принародно били,
Чтоб смирился он.
Душу загубили.
Растоптали звон.

«Ты, разбойник лютый,
Будешь знать, урод,
Как на бунт и смути
Поднимать народ.

Получай, собака,
Углечский смутьян».
Был палач, однако,
На расправу рьян.

И плетьми поруган.
И клеймом клеймён.
По сибирским выюгам
Под кандалльный звон

На верёвках волоком
До Тобол реки
Дотащили колокол
Бунтовщики.

И на три столетья
Он сел в сугроб.
И на три столетья
Он впал в озноб.

И на три столетья
Свой звон забыл.
И тобольский ветер
В нём волком выл.

* * *

1

Над городами, весами,
Над грешною молвой
Печальный ангел свесился
С небес вниз головой.

Кровавой пыткой мученный,
Повергнутый хулой,
На царствие повенчанный
Петровскою петлёй.

2

Решением сената
Подписан приговор.
Тобольский губернатор –
Подлейший плут и вор.

Первопрестольный стольник.
Сибирский исполин.
Среди сынов достойных –
России блудный сын.

Любимец домочадцев.
Былинный богатырь.
До берегов камчатских
Раздвинувший Сибирь.

От островов японских –
Восточный край земли –
До островов чухонских
Гонял он корабли.

Гагарин, князь светлейший,
Исконный, русский, свой!..
И – висельник, висевший
В петле вниз головой.

В народных песнях ставший
Царём Сибири всей –
Печальный ангел падший
По имени Матвей.

3

А на лугу Царицыном
Трещат столы от блюд.
Пред царскими мздоимцами
Бьёт пушечный салют.

Сафьяновы ботиночки
Гарпуют по лужку.
Справляет Пётр поминочки
По стольному дружку.

Оркестр гремит неистово...
Шуты под визг и стон
Царём козла сибирского
Сажают на престол.

Пётр буйствует и бесится,
Катаясь по траве.
А падший ангел светится
В небесной синеве.

Кровавая испарина
На ангельском челе.
Смердящий труп Гагарина
Болтается в петле.

И всё же, не пропавшая
Российская страна,
Коль даже светом падшего
Она освещена.

Владимир СИЛКИН

Москва

НА ВОЖЕ

Снова ордынцы в набеге...
Непобедим и хитёр,
С войском карательным Бегич
Двигает к Воже шатёр.

Действий не предпринимая,
Ищет решенье и ждёт.
Грозная сила Мамая
Вскоре отыщет свой брод.

Только хвастливый и хитрый,
Бегич не верит глазам,
Что его коннице Дмитрий
Дверь затворил на Рязань.

Бегич падёт в этой сече,
Войско спасётся едва.
Иноплемённые речи
Вновь не услышит Москва.

С памятной битвы на Воже
Дмитрий придёт со щитом,
И свою славу умножит
Он в Куликовской потом.

НИЖНИЙ БУФЕТ*Памяти Николая Дмитриева*

Собственно, мы не дружили,
Пили и то иногда.
Равновеликими были
В жизни у нас города.

Он уезжал в Балашиху,
Я оставался в Москве.
Он подозрительно тихо
Строчки носил в голове.

И не читал за столом их,
Слушал и больше молчал,
Он не любил посторонних,
Попросту не замечал.

Видимо, сильно мешали,
Хоть обещали ухи,
А ведь под сердцем лежали
В эти минуты стихи.

И потому он не ехал
Рыбу ловить под Москвой,
И отказавшись, со смехом
Тряс над столом головой.

Пили? Конечно же, пили!
Кто же в буфете не пьёт?!
– Что, извините, спросили?
Дмитриев? Нет, не придёт.

ПОЛЫНЬЯ

Взирает женщина в пургу.
Она отчаялась увидеть
Того, кто по уши в снегу
Идёт к ней и никак не выйдет.

Идёт который год подряд
Из давней дали невозвратной
Прижать к груди своих ребят,
Расцеловать их многократно.

Но на реке бездушный лёд,
Мороз сковал судьбу и реку,
И он добраться не даёт
К своей любимой человеку.

Будь вы неладны, окуньки,
И полынья в ночи без света!
В неё уходят рыбаки
И никому возврата нету.

Взирает женщина в пургу,
Платок, как жизнь свою, сминая.
— Кто там стоит на берегу?!

— Тебе почудилось, родная!

СНЕГА

Со всех лесов ко мне слетелись птицы,
А день назад летели от меня.
В избе тепло, но почему не спится
Февральской ночью стылой у огня?

Зачем, не знаю, спешно улетали
Все птицы дружно улетали в лес.
Неужто, правда, эти птицы знали,
Что снег такой повалится с небес?!

Наверно, да, им ведома погода,
А где спастишь им, если не в лесу?
Но, как же ты обманчива, природа,
Когда весна почти что на носу!

Всё замело, рябины и репейник.
Хоть жизнь потрать, не откопать вовек.
А говорят, что научить терпенью
Способен в мире только человек.

А что же птицы, им же смерть без пищи,
Когда по грудь завалены леса?
Не ветер в поле, снова сладко свищут
И птиц в леса сзывают небеса.

Теплынь и вновь отаяли берёзы,
Рябина кровью капает на снег.
И плачут птицы, и роняют слёзы
За выживших, за раненых, за... всех.

МАЛОЕ ПЕТРИНО

Памяти Алексея Фатьянова

Алые губы у женщин обветрены,
Снова лютует февраль.
Малое Петрино, Малое Петрино,
Синяя, синяя даль.

Это отсюда, ветрами услышанный,
Мальчик ступил на крыльцо,
И не дождям над соседскими крышами,
Славе подставил лицо.

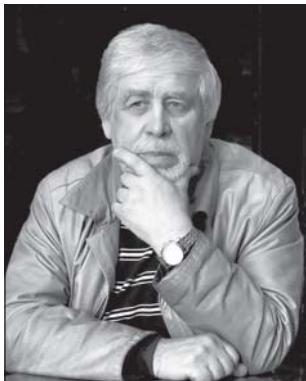
Все соловьи ему пели неистово,
Пели берёза и лён.
Шёл он по жизни, и тихо посвистывал,
И не состарился он.

Вновь на стихи у России поветрие,
Но не в почёте поэт.
Малое Петрино, Малое Петрино,
Сказочный, сказочный свет.

Владимир СКИФ

Иркутск

ЛЕРМОНТОВ

В стихах он был и вправду – равен Богу,
Он не творил – он с Богом говорил.
И, приближаясь к смертному порогу,
В бессмертие трону свою торил...

Мертвел Мартынов, леденел от света
Его стихов и жажды – мир любить.
Он не затмил великого поэта,
И превосходства не сумел добыть

В стихах,
в остротах непомерно-шалых.

И на балах – среди друзей-кутил –
Казался тем начищенным шандалом,
Который не горел и не светил.

Он, мстительный, напыщенный,
в черкеске,
Стелил поэту смертную постель...
Под Машуком в ближайшем перелеске
Уж скоро грянет чёрная дуэль.

Нам не успеть к поэту на подмогу...
Он упадёт в ночную тьму лицом.
Кремнистый путь дотянется до Бога,
Гора Машук подёрнется свинцом.

И будут сниться каждому отрогу,
Как дождь идёт, как Лермонтов молчит...
И «Выхожу один я на дорогу»,
Как Божий гром, над Машуком звучит.

* * *

Кто чашу горя накренил
Над Машуком тем смертным летом?
Кто дождь тяжёлый обронил
Над умирающим поэтом?

А ветер бился и кричал,
И тело травами окутал,
Чинары древние качал
И гибель с колыбелью путал.

О, этот гром над головой!
О, сердце, принявшее выстрел!
Гремит Кавказ, а под Москвой
С деревьев – раненые листья.

Сплетались волосы с травой,
Со смертью жизнь переплеталась.
Природа смыть позор людской
Грозой полночною пыталась.

Но ей убийства не избыть,
Как не избыть молвы в народе,
Что кровь Мартынову не смыть
И супостату Нессельроде.

Их тени бродят у черты,
Где навзничь тело распростёрто,
Где чёрный демон высоты
Сам на убийца накликал чёрта.

* * *

Полёт немыслим. Город тесный.
Разводят судьбы враг-вокзал.
«Мороз и солнце! День чудесный» –
Влюблённый Пушкин написал.

Уйду в деревню. Там я – местный.
Сквозь поле тянется рубец.
«Мороз и солнце! День чудесный».
В конюшне пляшет жеребец.

Сияет путь земной, небесный,
Иглой пронизывает дни...
«Мороз и солнце! День чудесный».
И свистнул Пушкин: – Догони!

О ВЕЗЕНЬЕ

Алмазный блеск везенья
Всё не спешит ко мне.
Мои стихотворенья
Кустятся в тишине

Меж сердцем – и геранью,
От неба – до окна,
Во сне или за гранью
Несбывшегося сна.

Я спать не буду ночью,
Своей тоской упьюсь
И Ангела воочью
В ночном окне дождусь.

Он тихо стукнет ставней
И радугой крыла
Стихи мои достанет,
Не повредив стекла.

Он прочитает строчки
О боли и любви
И скажет-напрочит:
– Душою не криви!

Страдай из-за России,
Страдай из-за любви,
Отринь своё бессилье
И злобу не зови.

Печалься, как Есенин,
Как Гумилёв и Блок.
Страдай – и путь к везенью
Тебе укажет Бог.

ВДОХНОВЕНЬЕ

А вдохновенье – это что-то свыше,
Оно ударит сразу мощью всей,
И сразу строчка, как земля, задышит,
И засвистит метафор карусель.

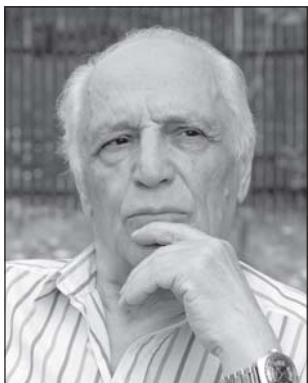
Оно себя как будто бы обрушит,
Устроит в кабинете сущий гнёт.
И наизнанку вывернет мне душу
И нежным светом с неба полыхнёт.

К черновику, к работе вдохновенье
Меня гвоздями острыми прибьёт,
Помучает, родит стихотворенье,
Как будто в небо Ангела взовьёт.

Валентин СОРОКИН

Москва

МОЛИТВА

Я молюсь тебе. Господи,
и не перестаю молиться
Среди неуютной ночи,
среди безутешного дня,
Ты помоги мне, Господи, подняться и
распрямиться
От бед и болезней, внезапно обрушенных
на меня.
Вспомню детство: бураны,
дожди да скалы,
Да реки, клюкочущие в таёжную тишину.
А мама смеётся:
«Тебя опять солнышко утром искало,
Вот умоешься и на вершину
встречать его полетишь!..»
А на вершине – ветер,
изуродованные берёзы,
Лбы рукавом прикрывая,
движутся через мороз и чад,
И не их ли, не их ли,
не их ли тяжёлые слёзы
Золотыми листьями в окошко моё стучат?
А мама за мною, седым, глазами
Следит, Богородица, в заоблачном серебре,
И не её ли, не её ли,
не её ли багряными ягодами-слезами
Рябина тропу мою госпитальную
осыпала на заре?

Я лёг бы и упокоился
на той позабытой вершине,
Но ведь есть, которая любит меня,
и Господа просит сберечь.
И хутора мои растворились
в чилижнике и крушине,
И над горным простором
истаяла русская речь.

Теперь туда не спешат
и не торопятся люди,
Долина обилья разграблена,
брошена и пуста,
И боюсь я, боюсь я, Господи,
вдруг рядом с моим не будет
Ни одного чёрного,
идущего к звёздам креста!..

ГРУСТЯТ БЕРЕЁЗЫ

А под Москвой гуляет осень...
В ней столько тайн и волшебства.
На длинных иглах старых сосен
Повисла бусами листва.

Грустят берёзы над обрывом.
И перезвон и непокой.
И, словно огненные гривы,
Схлестнулись травы за рекой.

Холмы угрюмо и мохнато,
С тяжёлым клёкотом внутри,
Свалили каменные латы,
Как перед сном богатыри...

Соборы тяжкими крестами
Подпёрли дымчатую грусть,
И золотистыми устами
Здесь разговаривает Русь.

И одиноко на опушке,
Ещё не дав разбег перу,
Беспречно бродит юный Пушкин,
Рассыпав кудри на ветру.

* * *

Не боюсь я ни беды, ни смерти,
Жил, как дрался, плача и круша.
Выноси меня из мелковерти,
Русская, отважная душа.

Никого не хаю, не ругаю.
— Здравствуйте! — открыто говорю.
Всем, кто пал на фронте, —
    присягаю,
Кто меня травил — благодарю!

Вот сомкну глаза — куда же деться! —
Разрывая сумерек струну,
Вновь стучит ошеломлённо сердце
Через полуночную страну.

Уличаю, а не обличаю,
Жду я славы для своей судьбы,
Родину пою и величаю,
Вскинутую мощью на дыбы.

Давче в небе самолёт крутился,
На равнине колосился хлеб.
Я родился — враг перекрестился,
Черный ворон вздрогнул и ослеп!

* * *

Я видел сон: смуглы и загорелы
От злых пустынь и августовских дней,
Кочевники
    в меня вонзали стрелы,
Прицеливаясь медленно с колен.

Была земля шатрами их покрыта,
Повытоптаны травы и леса.
Храпели кони, щокали копыта,
И хотели щурые глаза.

Команда раздавалась учащённо,
А я, свою беспомощность кляня,
Стоял один, ничем не защищённый,
Тебя от них собою заслоня.

Бежал огонь по каждому суставу,
Горели раны — красные цветы.
И думал я: когда ж стрелять устанут?
Нельзя мне падать, ведь за мною ты.

Очиулся — день, в траве горланят птицы.
Трецит костёр, и вот твоя рука,
Плечо,
    щека
        и влажные ресницы,
В которых ночевали облака.

ВСЁ ИЗ ОГНЯ

— Всё из огня, и всё уйдёт в огонь! —
Мой дед, бывало, молвил на гулянке.
И высекала глыбная ладонь
Огонь любви из крохотной тальянки.

Огонь любви к берёзам и полям,
К застенчивой девчоночьей улыбке,
К нахимовским ревущим кораблям
И к русичам, что полегли у Шипки.

Но умер дед внезапно ясным днём,
Прославя мир гармошкой и делами.
И я зажег в знак памяти о нём
Огромное, неистовое пламя.

Оно южжит, вскипая и звеня,
Гудит и стонет, как в грозу антенна.
И полонила юного меня
Клокочущая музыка мартена.

Огонь, огонь, то розовый с краёв,
То рыжий под седыми небесами,
От всполохов, багряных соловьёв,
И жуткий свет и тьма перед глазами.

О соловьи, жестокие огни,
В искрящемся, текучем, звёздном иле!
...Как я боюсь,
чтобы меня они
В нежданный миг совсем не ослепили.

Евгений СТЕПАНОВ

Москва

РАЙЦЕНТР МОЕЙ ЮНОСТИ

Наташа Лихтенфельд

1

То было мне судьбой отмерено.
Я помню, не тая любовь:
Кирпичный дворик, площадь Ленина,
Районку «Трудовая новь»,
Рожденье моего ребёнка,
(Он там, в райцентре, был рожден!)
А длинноухая колонка,
А блеск усадебных колонн!
Там жил, как местный Крез, прекрасно я,
Там из меня клан тёмных сил
Не стал тянуть рублей и жил.
А если было что ужасное,
Так то давно я позабыл.

2

В районном центре проживая,
Как Зоркий Глаз, узреть я смог:
Большая площадь городская –
И есть районный городок.
На ней соседствуют спокойненько,
Точно в системе инь и ян,
Горком и церковь с колоколенкой,
Медвытрезвитель, ресторан.
Там есть «КООП», «Комиссионный» и
Кафе, продмаги, туалет,

Избушки и дома бетонные.
Ей-ей, чего там только нет.
И было время: каждый день я
Ходил-бродил там молодой.
А в чём же смысл стихотворенья?
В том, что, вне всякого сомненья,
Мне площадь сделалась родной!

3

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕЧЕРНИХ СЕАНСАХ В РАЙОННОМ КИНОТЕАТРЕ

Там запросто курили. Не украдкой.
И в туалет ходили взад-вперёд.
Там доблестный (поддатый) страж порядка
Храпел, смеша честной народ.
Там вспыхивала ярким светом финка,
Коль звук (хоть на секунду) исчезал.
Там обсуждали каждый кадрик фильма.
Отборным матом. На весь зал.
И – плакали, и – плакали по-детски
Над бедной мелодрамой по-советски
И над индийским (тут – навзрыд!) кино.
Я плакал с залом заодно.

КУСКОВСКИЕ МРАМОРНЫЕ ЛЬВЫ

*Кусковский парк ничем не виноват,
что уроженцу невских берегов
напоминает он то Летний сад,
то Царскосельский парк, то Петергоф.*
В. Британишский

Мы ревились, плескались, шальные ребята,
Прописавшись в пруду, точно стайки плотвы.
Нам до чуда Москвы было дел маловато.
Нас за это не грызли кусковские львы.
Мы взрослели, и девушек мы целовали,
Мы смотрели на них – не на чудо Москвы.
А потом уезжали в банальные дали.
Нам прощали и это кусковские львы.

Мы не вечны, и нетути в этом секрета,
И когда-то Аид нас призреет, увы.
Все же львы, я надеюсь, простят нам и это.
И, быть может, поплачат любимые львы.

ЗАМОРОЗКИ ДУШИ

Кондуктор юности
нажал на тормоза.
Всей прытью лезут
брови на глаза.
И в нелюдимости
уподобляюсь зверю.
Мне тяжело.
Я более не верю,
что некоей
чудесною порой
наступит то,
что не бывало,
и будет мир
пропитан синевой,
точно холсты
кудесника Шагала.

ДАЧНЫЕ МЕМУАРЫ

это памяти засечки –
лента крошечной реки
стеариновые свечки
паровозные гудки
плюшки осетинки Рины
и гориличка, кагор
Грини – хлопца с Украины –
вечный русский разговор

никакой цивилизации –
ни газетки, ни tv
воздух, полный информации
и любви

НО БУДЕТ ЧАС

вспылил — мораль прочёл злодею
решился рубануть сплеча
но будет час — я пожалею
о том что вякал сторяча
а вот прослушал ахинею
пигмей и — молчок-молчок,
но будет час — я пожалею,
что рубануть сплеча не смог

**ИЗ СТАРОЙ
ПАРИЖСКОЙ ТЕТРАДИ**

— в Париже зимуешь — поди же
хорошее значит житьё
кого же ты встретил в Париже?
— я встретил себя самоё

и стала тошней чем отрава
горчащая каша стыда
нет лучше бы лучше бы право
себя не встречать никогда

и я — дабы намертво слиться
с весёлой толпой — побежал
в жующий хот-доги и пиццу
в поддатый Латинский квартал

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
БЛУДНОГО СЫНА**

У родного моего квартала —
Новый вид.
Где пивная бредила, рыгала —
Чинный общепит теперь царит.
Где таскал мормышкой я ротанов,
Намывал неонам мотыля —
Зданиями, как в заморских странах,
Нынче понапичкана земля.
Где гулял с любимой допоздна я,
Где и с нелюбимой я гулял —

Юная компания иная
Правит бал.
Изменений и других немало,
С изумленьем я смотрю на них,
Потому что жил в иных кварталах
Много лет, увы, не золотых.

ПРОСТО ТАК

я кручуясь как белка — но
денег не скопил
дачу в Переделкино
так и не купил
и на хату в Питере
не собрал банкнот
я в дырявом свитере —
грешен — круглый год
и напастей воз поди
и в стране бардак
но я счастлив Господи
как-то просто так

Наталья СТРУЧКОВА

Кстово, Нижегородская область

* * *

Мы однажды отбились от стаи,
Разделившие зиму вдвоём.
Мы отстали с тобой, мы отстали...
И по чёрному небу плывём.

Нас забыли уснувшие крыши,
Заслонявшие солнце вчера.
Мы уже ничего не услышим
И не вспомним с тобой до утра.

Только эти зовущие дали,
Только грусти косые дожди...
Оттого, что когда-то отстали,
Мы с тобой и теперь впереди.

МУДРОСТЬ

Мудрость меня обнимает за плечи
И проступает морщинкой на лбу.
Я понимаю, что жизнь быстротечна,
Но изменить ничего не могу.
В каждую строчку вплетается тонко.
То повисает ночной тишиной,
То разливается плачем ребёнка,
Чтоб утешать его вместе со мной.
Зябкие плечи укутает шалью,
Жар сохраняя живого огня.
Мудрость придёт, если ей не мешают,
Светлою радостью нового дня.

* * *

Всё тайное станет явным...
Господь, сохрани, помилуй!
Мне верится – не случайно,
Не зря по земле ходила.
Кто любит, тот судит строго.
Но то, что могу и знаю,
Хочу пронести дорогой,
Идущей от края к краю.
И пусть это всё не ново:
И сказки мои, и были.
Позволь только молвить слово,
Напомнить, о чём забыли.
Оставить чужие тени
Обыденной суматохе,
Познать облаков ступени
И солнечный мир на вдохе.
Когда же сомкнутся вежды,
А вот разомкнуть нет силы,
Готовь для меня одежды –
Я белые здесь носила.

* * *

В принуждены ли, на свободе ли,
Задевая о кромку земли,
И надежды отхороводили,
И метели своё отмели.
Для чего тогда хмурым вечером
Потревоженный робкий свет
Только выхватит незамеченный
И неизвестный силуэт?
И отпустит
куда-то маяться,
В бесприютный чернильный мрак,
Где стирается, забывается,
Где не встретимся мы никак...

* * *

Я пред тобой ни в чём не виновата.
 Светлеет на восточной стороне,
 А я осталась в отблесках заката
 Уже в ушедшем, пережитом дне.

Ведь я тебя оттуда окликаю,
 Где разминулись даже свет и тень.
 Не говори теперь, что я другая,
 А возвращайся в наш осенний день,

Где на подушки разметали пряди
 Ветра и дождь, в твоё окно звена,
 Когда понятно всё – к чему и ради...
 И ради Бога не суди меня.

Там прежний клён на землю листья крошил
 И барабанил веткой по стеклу
 В потустороннем незабытом прошлом,
 Где я припала к твоему теплу.

ОСЕННИЙ МАРАФОН

Уснувших мух глотает кот.
 На дереве – ворона сытая.
 А дождь идёт... И жизнь идёт...
 И вся земля листвой усыпана.
 Лишь потому, что дворник стар,
 Дорожки выметены дочиста.
 Ведёт вечерний тротуар
 От суеты до одиночества.
 Осенний марафон иль кросс
 Нельзя измерить расстоянием,
 А жизнь задумана всерьёз
 И даже на одном дыхании!
 В ночь за небесный окоём,
 Лишённый напрочь всякой звёздности,
 Хочу бежать с тобой вдвоём
 Во избежание серьёзности.

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

ЮНЕСКО, Париж

НА ПЛОЩАДИ ПУШКИНА

Поэт красивым должен быть, как бог.
 Кто видел бога? Тот, кто видел Пушкина.
 Бог низкоросл, чёрен, как сапог,
 с тяжёлыми арапскими губами.
 Зато Данте был дьявольски высок,
 и белолиц, и бледен, словно память.
 Жена поэта – дивная Наталья.
 Ее никто не называл Наташей.
 Она на имени его стояла,
 как на блистающем паркете зала,
 вокруг легко скользили кавалеры,
 а он, как раб, глядел из-за портьеры,
 сжимая потно рукоять ножа.
 «Скажи, мой господин,

чего ты медлишь!..

Не то и я влюблюсь, о, ты не веришь!..
 Она дурманит нас, как анаша!..»
 Ох, это горло белое и плечи,
 И грудь высокая, как эшафот!
 И вышел раб на снег в январский вечер,
 и умер бог,
 схватившись за живот...
 Он отомстил, как отомстить не смог бы
 ни дуэлянт, ни царь и не бандит,
 он отомстил по-божески:
 умолк он,
 умолк, и всё. А пуля та летит.
 В её инерции вся злая сила,
 ей мало Пушкина, она напла...

Мишеней было много по России,
мы их не знали, но она — нашла.
На той, Конюшеннай, стояли толпы
в квадратах жёлтых окон на снегу,
и через век стояли их потомки
под окнами другими на снегу,
чтоб говорить высокие слова
и называть любимым или милым.
Толпа хранит хорошие слова,
чтобы прочесть их с чувством над могилой.
А он стоит, угрюмый и сутулый,
цилиндр сняв, разглядывает нас.

ПОСЛЕДНИЕ МЫСЛИ МАХАМБЕТА, УМИРАЮЩЕГО НА БЕРЕГУ УРАЛА ОТ РАНЫ

Мне удивительно: когда я весел,
что ни потребуется, — всё дают,
когда захочется унылых песен,
мне их с великой радостью поют.
Бываю рад, и все
бываю рады,
я отступлю, и все —
за мной в кусты.
Когда в жару я вижу дно Урала,
мне кажется, что все моря пусты.

И потому, когда кочевые выманят
все моё племя, —
я один пашу,
когда никто не смеет слова вымолвить,
мне рот завяжут —
я стихи пишу.

Эх, если бы сказали мне:
«Великий,
прости людей, уже пора простить,
мир будет счастлив от твоей улыбки!»
Тогда бы я старался не грустить.
Сказали бы смущённые мужчины:
«Моря полны водой, пока Урал
не высохнет.
Пока ты жив, мы — живы...»
Тогда бы я, клянусь, не умирал.

АТМОСФЕРА

A. Межирову

Вверху —
когда глядишь с холма
на вечернее небо —
горят воздушные дома,
построенные так нелепо.
И солнце катится с вершины
в прозрачный пальмовый лесок —
пылающее колесо
бесшумно взорванной машины.
Журча текло вино Испании
из веерно прошитых фляг,
и прострочила вязь названия
густейший зелёный флаг:
какой-то птах, а может, ляг,
в траве назойливо называл
серебряное имя

Кванза.

Внизу —
когда глядишь с холма —
цвета бильярдного сукна,
соотнесённые однажды
навеки, с берегов до дна
с белёсыми мазками Кванзы.
Квадратный парус под холмом
скользит надменно,
и на нём —
на полотне пока пустом —
иная видится картина!..
И не понять — о чём она?
Зачем? Кто знает!..
Но — была!
Плыла, светлее полотна,
ушла, невиданно бела,
холм за собою увела,
луго шинельного сукна,
изношенные имена,
туманные извины Кванзы —
туда,
куда глядишь с холма.

РАЗГОВОР О ВЕРЛИБРЕ

20 июня 1970 г. мы опрокинули машину. «30 метров полёта, пара переворотов». Выбравшись из развороченной груды металла, все ещё не веря в то, что мир существует, договаривали о свободном стихе.

...Как в мелочах мы громогласны!
 Возможности черновика
 потрачены, чтоб сделать главным
 перипетии пустяка.
 И в дебрях слов потерян бой,
 мы простоту вогнали в сложность,
 так прячет рукоятка в ножнах
 обломок лезвия тупой.
 Свободу пробую вещами,
 слезой увязывая речь,
 вещали мы и обещали,
 клялись себя не уберечь.
 И колеся, и куролеся,
 мешая спады и подъём,
 мы превращали мелколесье
 в пропахший кровью бурелом.
 И в этом пьяном исступленье,
 сметая рёбрами бугры,
 насаживаясь на углы,
 мы находили искупленье.
 Свободой головы морocha,
 мы долго говорим о том,
 что надо бы сказать короче
 о самом главном и простом:
 строчи, поэт, любым калибром,
 сади слова любой обоймой –
 стих может быть и не верлибром.
 Поэзия была б свободной.

Строка из стихотворения А. Вознесенского
 «2 секунды июня 1970 г. в замедленном дубле».

Светлана СЫРНЕВА

Киров

* * *

Под раскидистым сияньем месяца
 травы белые растут.
 И в грозу берёзы эти мечутся,
 наклоняясь прямо в пруд.

Говорлива и ничем не связана
 тёмной рощи мощь,
 и живёт природа безнаказанно
 там, где жить невмочь.

Чаща шла вперёд стеною сильною,
 вытесняя сруб избы.
 Здесь сегодня заросли лосиные
 и во множестве грибы.

Полон, по корзинам не вмещается
 безыскусный дар земли.
 Так и на поминках угощаются
 все, кто б ни пришли.

Ты взгляни из рая обретённого –
 не отыщешь своего следа:
 надо всем сомкнулась роща тёмная,
 как в реке вода.

Космос есть, где за одно мгновение
 пролетают сотни лет.
 И Земля окутана в забвение,
 как в зелёный плед.

МАРСЕЛЬЕЗА

Былые вехи сердце вспомнит,
заглянет в прошлые века.
И «Марсельезу» хор исполнит
на сцене сельского ДК.

Десяток хрупких изваяний
поют, сомкнувшись в полукруг.
Самозабвенно на баяне
ведёт мелодию худрук.

Он рад приветливой погоде
и скажет, робкая душа:
«Я знаю, что слова не в моде,
но песня хороша!

Что ни пошлют — всё принимает
неприхотливый наш народ.
Лишь одного не понимает:
назад идём — или вперёд?

Что ж раньше! Раньше, безусловно,
порядка больше было тут.
А этот хор у нас церковный,
они и в храме все поют».

И вот церковная ограда,
сплетенье чистых голосов.
Душа непомнит — и не надо —
противоречья разных слов.

И в купол улетает пенье,
и те, что пели о борьбе,
поют всё так же о терпенье
и о покорности судьбе.

И звук, рождённый в этом хоре,
лучом вернётся по стене
к иконе, где святой Егорий
всё скачет, скачет на коне...

* * *

Долгих осенних ночей чернота
спрячет тебя, словно в стоге иголку.
Тьма во Вселенной густа: неспроста
маленький джип заплутал по просёлку.

И по ухабам сползая в кювет,
в битве бессмысленной силы транжирия,
мечется фар лихорадочный свет,
словно последний оставшийся в мире.

Ночь ли застигла, иль ты их застиг —
знаю я, ведаю: не для забавы
из темноты выступали на миг
остолбеневшие серые травы,

куст придорожный да в поле ветла,
вросшие в землю с нехитрой поклажей, —
будто судьба на секунду дала
видеть твоих сострадательных стражей.

И вразноряд они шли, и гурьбой,
словно видения дальнего детства.
Для неожиданной встречи с тобой
не успевали они приодеться.

Чем же ты раньше свой путь размечал,
чем несущественным был озабочен,
если не помнил, не различал
скопом стоящих у грязных обочин?!

Выйди, прислушайся! Там, впереди,
тёмного мира скопилась громада.
Чёрная роща под ветром гудит,
как несмолкающий шум водопада.

Мог бы и ты сквозь погибельный сон
рушиться в пропасть, сознанье теряя.
Если прислушался — значит, спасён
и остановлен у самого края.

Марина ТАРАСОВА

Москва

* * *

Что наша жизнь, наши пылкие чувства?
Оперной арии рваный оскал.
Падают на пол хрустальные люстры,
но продолжается сумрачный бал.
Словно бухой похоронный оркестр
вдруг заиграл Аргентинское танго,
словно какой-то безумный инвестор
полнит счета прогоревшего банка.
Вот уж и клоун глотает опилки...
Кто виноват? А ответа всё нет.
Время припасть к запотевшей бутылке
с терпким названьем Русский Сюжет.

* * *

Жара, жара – лиха беда начало,
и замерли засохшие слова.
Хотя бы свежий ветерок с Урала!
Приникла к веткам жухлая листва.

И пыльный дождь, который пахнет рыбой,
землёй, картошкой, подполом сырым,
не засинеет треугольной глыбой,
не развернётся парусом тутим.

Пройдут, трясясь клюкой, десятилетья,
а не века – в наморднике жары,
и пауки сплетут пустые сети,
когда уже исчезнут комары,

реликты.

После долгого загула
мир будет выбрит, как последний панк.
И заиграет на свирели Пан
в ребристой короне саксаула.

* * *

Райское яблочко, сладкая паданка,
тусклый, червонный, застенчивый блеск.
Ты на груди моей тёплая ладанка,
ты – надо мной нависающий крест,

синяя стынь над сухими берёзами.
Словно куда-то протянутый мост,
словно не палой листвой, а вопросами
густо усеян осенний погост.

* * *

Ты приходишь мне чем-то помочь,
и опять я боюсь зарыдать,
нам обоим, обоим невмочь
в эту странную дружбу играть,
эту странную дружбу лепить,
как горбатого, в сумраке дня,
ах, любовь, молодая Лилит
в синих искрах чужого огня.
И трещат кастаньеты фламенко,
твоё платье похоже на сеть...
Ах, любовь моя, невозвращенка,
без тебя как мне жить, как стареть?

* * *

Жасмин зацвёл, и в кипени жасмина
клубится сад подобием ворот.
Как будто жизнь прошла до половины
и в дальний путь зовёт экскурсовод.

О, подожди, внимательный Вергилий!
Я не вернусь уже на божий свет,
лишь различу в зернистой, чёрной пыли
мерцанье перевёрнутых планет.

Но я ни дня, ни часа не отрину.
Пускай жасмин обманчиво цветёт.
Я раскусила жизни сердцевину,
я заслужила этот горький мёд.

* * *

Тёмный свет упадает на лес,
властный голос я слышу с небес,
и клубится под ветром листва,
и звучат роковые слова:
— Как могла ты божественный дар
разменять на сердечный пожар?
Почему не садилась за стол,
как садятся на царский престол?
Где неверные други твои,
звездочки короткой любви,
что осталось от них на земле?

— Всё во мгле, Боже мой, всё во мгле...

Владимир ТЕПЛЯКОВ

Москва

ПОЭТ

Беспечен. Люб страстей своих гостям.
Но, если взят властями на заметку,
Приходит время плакаться в жилетку,
Жалеть о том, что потакал страстям.

Ведя игру, угодную властям,
Он словно ветку славит вагонетку;
Пеняет на судьбу-марионетку,
На верность века скверным новостям...

Судьба поэта подлинного в том,
Что суд над ним отложен на потом,
Когда неугомонные потомки

Из тьмы веков или недавних лет
Благоговейно извлекут на свет
Не всё ещё сказавшие потёмки.

ТАЙНА

Мечтающий не расставаться с клёном,
Желтеть не собирающийся лист
Недолго будет щеголять в зелёном
И вдруг поймёт, что путь его тернист...

Поэт весны необъяснимо грустным
Предстанет. Увяданью хризантем
Сполня воздаст, блеснув пером искусствым, —
Как воздавал цветенью перед тем.

Такая вот, листающая рощу
Дотошная частица бытия,
Постичь пытаюсь, действуя на ощупь,
Каким задуман кажущийся я?

МАРТ

Разбрызгивает лужи грузовик,
Вовсю пренебрегая тормозами.
Столицу подметающий таджик
Уже несёт метлу свою, как знамя.

Дела зовут на Чистые пруды,
Но сердцем я — в кафе на Патриарших:
Тебя смешил с азартом молодым,
А шутки были бармена постарше...

Я вновь во власти бесшабашных дней,
Безбашенных... Продлить бы эту сказку! —
Пока слова не стали бить больней,
И горизонт не поменял окраску.

ДАНТЕСЫ

Захватывает дух от кутежей;
Слепят огни и — плечи баронессы...
Не жалуем докучливых мужей
И обожаем ветреные пьесы...

Галантны и блистательно-пусты —
И потому их разум не заносчив.
А нас уже заносит на холсты.
Роняют рифмы болдинские рощи...

Не дремлют кавалеры из европ:
Вскользнется молва, как муть в колодце,
И вскоре чернореченский сугроб
Услужливой метелью наметётся.

Замрут непримирамые курки.
Мелькнуть успеет та, что промелькнула.
И холодом, сжимающим виски,
Дохиёт из предугаданного дула.

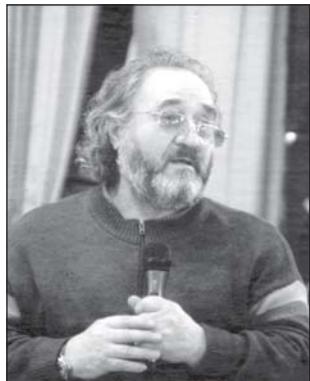
.....

Былое мстит. И, годы теребя
Вблизи непроницаемой завесы,
Спасенья ищем от самих себя...
И в Петербург являются Дантесы.

Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН

Москва

СЕВАСТОПОЛО

Я в праздник выпью
горькой водки
стопку.
(У прошлого не может быть конца!..)
Мой старший брат Педрос
под Севастополем
Потяжелел на девять грамм свинца...
В республике,
где митинги дешёвые,
Бери славян, Россия, под бочок!
В могиле братской
в бухте Камышовой
Лежит мой брат –
отважный морячок!
И время незаметно
катит
волнами,
Но мы не забывали слёзы лить!...
В земле,
в которой спят герои-воины,
Не смогут чужеземцы покорить!
В той стороне,
где офицеры-тополи
Стоят по стойке «смирно» у дорог...
Я гражданин твой,
город Севастополь,
И дорог мне твой голубой порог.

Здесь море изучает утром гаммы
На клавишах прибоя, взяв аккорд,
Отсюда уходил в другие страны,
Но возвращался я в родимый порт.
Где чайки кружат
над портовым пирсом,
И плащ восхода надевает кран,
И в летопись войны навеки вписана
Фамилия Педрос Тер-Маркарьян.
Где склоны сопок солнышком заштопаны,
Напоминают взрывы мне кусты...
Мой старший брат
погиб под Севастополем,
Теперь могу я
положить цветы!

БАЛЛАДА О ТОПОЛЕ

А в степи давно цветы завяли.
Стала осторожной тишина.
Как старик в тулупе
на завалинке,
Прислонился тополь у окна.
И сидит, шумя листвою сонно,
В гости, приглашая облака.
Что поделать – возраст пенсионный:
Отдыхай да грей себе бока.
Слушай скрип весёлого порога,
На забор ветвища положив,
Да смотри на стёртую дорогу,
Хитрые глаза свои смежив.
Не спешат ли через мостик шаткий
С гиканьем да свистом холода...
На затылок
сдвинута
ушанка
тёплого грачиного гнезда.
И когда вечернею порою
Приумолкнут ветры на реке,
Речь ведёт с пернатой детворою
На своём зелёном языке.
«Незаметно вёсны проходили,
Кружевной оставили рассвет.

Всяко было. Годы не щадили
Мой когда-то щёгольский вельвет.
Нынче шрамы вряд ли дождь залижет,
И тревожно чувствует листва:
Поселились люди к нам поближе,
Чтоб рубить
зимою
на дрова.
Не уважат вечную прописку,
Что дала земля моим корням:
Скоро вспыхну алым обелиском,
Молодое
небо
накреня»...
И замолк.
И было слышно только,
Как гремела за селом гроза...
Что сказать?
Прощай, дедуся-тополь,
Стыдно мне смотреть в твои глаза.
Кряжистые сумраки вставали,
На распашку
шли
по борозде.
Видел я,
Как слёзы запутались
В жёлтой от махорки бороде...

РОСТОВСКИЙ БАЗАР

Прилавки южные кричали,
Народ сбивали в полукруг,
Где, словно стрелы из колчана,
Выглядывал
упрямо лук.
И сотнями стеклянных бус
Свисали кисти винограда.
И грудь матросскую
арбуз
Выпячивал,
как на параде!
... Сквозь уксусный
шашлычный дым,

Пропахший перцем и петрушкой,
Увидеть можно

горы дынь,
Как горки ядер у Царь-пушки.
... Когда грабаркою из кузова
Могучий грузчик

Грёб
и скрёб,
Горел початок кукурузный –
Как будто мини-небоскрёб!
О, месяц август! –
Краски яркие –
У неба,
у земли,
у дней...

Снабдил бесплатно ты,
как яблоками,
Румянцем утренних детей.
Дал цвет – огурчикам,
горошинам,
свекле,

Всем травам целины!..
Мне –
Подсказал слова хорошие,
Которым не было цены!

СЕНТЯБРЬ

Всё улетает! Ну и пусть.
И сад представится оленем,
И сквозь кору услыши пульс
Румяных яблокобиений!
Еще синё. Толпится лето
Дождём у водосточных труб...
Кропает сторож заявление,
Чтоб выдали ему тулуп!
И, распахнув подвал, мгновенно
Седеют, ахнув, мудрецы:
Ведь на жилплощадь Диогена
Вселились нагло огурцы!

Геннадий КРАСНИКОВ

Москва

ИСПОВЕДЬ НА МИРУ

К 90-летию со дня рождения Николая Старшинова

Иногда кажется, что Николай Старшинов не оставил после себя никакой тайны. Весь он на виду — в своих делах и в своём творчестве; высказался сполна, ничего недосказанного, потаённого, запрятанного глубоко в письменный стол — нет. Даже как будто безоружно *весь на виду* — перед друзьями и врагами. У него не найдёшь теневого лица, двойника, который всплывёт из какого-нибудь посмертного дневника, как это ныне со многими ушедшими писателями случается, когда извлечённое наследниками на свет Божий «неопубликованное и не забытое» открывает вторую (двойную) жизнь человека, где положительные оценочные и мировоззренческие знаки часто мелочно и мстительно меняются на отрицательные и наоборот.

Слишком прост — и в поэтике, и в бесхитростной открытости чувств, мыслей, и в рыцарской приверженности однолюба к традиционной школе русского стиха, классической русской литературы, к народной культуре, к народному мировосприятию и миропониманию, к национальной самобытности исторической России. Так считали и до сих пор считают иные присяжные эстеты из последней околовературной инстанции, вменяя Старшинову его кажущуюся простоту в грех некой второсортности, закрывающий ему, по их высоколобому вердикту, путь в большую литературу.

Но, как выясняется при более глубоком и непредвзятом взгляде на литературный путь Николая Старшинова, его человеческая и творческая доступность, открытость — из самого высокого ряда, из нравственной и эстетической материи высшего достоинства. Это замечательно точно почувствовал и передал Давид Самойлов в одном из лучших стихотворных посвящений Старшинову, товарищу по фронтовому поколению:

Ты в стихе, как на духу,
Ты открыт, как на юре,
Ты доверился стиху —
Исповеди на миру.

Так задуман дивный труд
Ради вразумленья чад.
Что, наверное, поймут.
И, наверное, простят.

1981

Не по этой ли причине «исповеди на миру», Николай Старшинов в собственных стихах, давно уже ставших хрестоматийными, вошедших в лучшие поэтические антологии XX века, всегда честен перед собой и перед читателем, стыдясь пафосности и неискренней интонации. Известны его поэтические формулы из стихов о войне: «Никто не крикнул: «За Россию!..» // А шли и гибли // За неё» (притом надо иметь в виду, что стихотворение начинается строкой, словно попавшей сюда из великой прозы Константина Воробьёва или Виктора Некрасова: «Пониже голову пригни // И, как шальной, не лезь под пули»); или другие строки: «А нам судьбу России доверяли, // И кажется, что мы не подвели» (даже фонетически — какое интонационно верное это старшиновское *«и кажется»*, в котором вся народная этика, тант, душевное целомудрие, столь отличные от нахрапистости и комплекса полноценности нынешних вершителей судьбы России...).

Искренность в литературе, как и в жизни, дар весьма драгоценный и редкий, не случайно на него так радостно отзываются самые разные люди. В воспоминаниях о Николае Рубцове мемуарист Н. Старичкова приводит такой эпизод: когда в доме у них появлялся Рубцов, её трехлетняя племянница постоянно крутилась рядом, забиралась к нему на колени: «И что было особенно приятным для Коли, она любила стихи... Особенно любила она стихи Н. Старшина «Про цыплёнка». На новогодней ёлке 1967 года за чтение получила приз-игрушку — «золотую рыбку». Тогда все присутствующие удивились, что такая маленькая (ей два годика исполнилось), а знает такое большое стихотворение. Обо всём этом я рассказывала Коле, он с интересом слушал. А когда произнесла фамилию поэта Старшина, он даже в восторге вскинул руки вверху: «Так это же мой друг!...»

Тут примечательно и детское неподкупное чутьё на живое настоящее поэтическое слово, и тот непосредственный эмоциональный отклик Рубцова на дорогое для него имя Старшина. Обоих поэтов, хотя их встречи были эпизодическими, связывали дружеские отношения. В неистощимой копилке памяти Николая Константиновича хранилось несколько ярких, слышанных мной, сюжетов, в которых присутствовал Рубцов, но пересказывать их ещё не пришло времена. Помнится только рассказ Старшина, как в журнале «Юность» напечатали его стихотворение «Рябина от ягод пунцова...», посвящённое Рубцову, для чего-то «поправив» одну строку. Авторский вариант одного из четверостиший звучал так:

Летели, летели недели,
Да что там недели — года!..
Не раз в ЦДЛе сидели,
А вот у реки — никогда...

В журнале третья строка выглядит иначе: «И где только мы не сидели». «Получается, — говорил Николай Константинович, — что мы с Колей Рубцовым из тюрем не вылезали, везде успели посидеть... А я действительно до сих пор жалею, что не удалось мне его вытащить на речку — посидеть с ним на берегу с удочкой, поговорить без московской литературной суэты».

Другой пример. Много лет работавшая в ленинградском театре имени Ленсовета знаменитая Алиса Фрейндлих тоже могла оценить обаяние поэтических строк Николая Старшинова. Как писал в своё время журнал «Театральная жизнь», в спектакле «Эльдорадо» финальная сцена идёт под песню: «Песня грустная, лирическая, про «реку любви», которая «вдруг утихла, обмелела». Напетая А. Фрейндлих на стихи поэта Н. Старшинова, она рождает на сцене особую атмосферу. «Река любви, река любви..., — много раз повторяет знакомый голос, — река любви нам песни пела...» Песня начинается тихо, идёт аккомпанементом диалогу, но постепенно нарастает, и вот уже всё на сцене подчинено ей. Её слушают как заворожённые. «И вдруг утихла, обмелела», — горько выговаривает, именно выговаривает актриса» (Театр Алисы Фрейндлих, «Театральная жизнь», № 8, 1979).

Но чтобы ещё шире представить диапазон аудитории Н. Старшинова и показать, сколь необычен эстетический круг поклонников его поэзии, нельзя не упомянуть и весьма любопытную переработку раннего его стихотворения «Не спутните... Ради Бога, тише!..», обретшего новую жизнь под названием «Голуби летят над нашей зоной...» Стихотворение вошло в песенный репертуар, звучащий, что называется, в местах не столь отдалённых. Интересно, что в сборник «Фольклор ГУЛАГа» (СПб.: 1994, публикация М.В. Калашниковой) текст этого стихотворения Н. Старшинова взят в конце 1980-х годов из альбома воспитанника Пермской ВТК (Воспитательно-Трудовой Колонии) для несовершеннолетних...

Я думаю, Николай Константинович был бы растроган до слёз, если бы мог узнать о необычной истории своего стихотворения, строки которого о целующихся на крыше голубях когда-то крыла критика, обвиняя их в сентиментальности и мещанстве, но которые вот оказались нужными чьей-то изломанной детской душе... Хотя за 20 лет нашей дружбы и совместной работы в альманахе «Поэзия» издательства «Молодая гвардия», а пережито за эти годы было немало, я только один раз видел слёзы в его глазах. Это уже во время болезни, за несколько месяцев до его ухода из жизни. И не о себе, не о своём несчастье думал он тогда. Парализованный Старшинов лежал в военном госпитале, но всех приходящих к нему спрашивал: «Как там Генаша Касмынин?» Его ученик и младший товарищ, поэт Геннадий Касмынин в это время умирал от рака. Когда Касмынина не стало, мы не решились сказать об этом тяжелобольному Старшинову. Несколько раз получив на свой вопрос уклончивый ответ, он, видимо, всё понял, заплакал и больше уже не спрашивал о нём...

О Николае Старшинове можно рассказывать (и рассказывают, и расскажут ещё) много весёлого, озорного. Он был лёгок на подъём, с одного поезда или самолёта мог в тот же день перескочить на другой и отправиться в очередную командировку или на рыбалку. Когда в «Молодой гвардии», где Старшинов возглавлял альманах «Поэзия», меня спрашивала скрипучим голосом Эраста Гарина остроумнейшая вахтёрша Ольга Георгиевна:

«Николай Константинович опять в командировке?», я отвечал: «Фигаро здесь, Фигаро там...» — «Нет, — возражала О.Г. — Летучий Голландец!..» И Старшинов, узнав о такой характеристики, хохотал по-юношески задорно и заразительно, как умел смеяться только он.

Замечательный рассказчик, своим искусством он не раз спасал наш альманах от убийственных покушений цензора. Как только мы получали рукопись альманаха, испещрённую страшными пометками красного карандаша известного нам лица, мы сейчас же шли с Николаем Константиновичем в кабинет без таблички и Старшинов с порога, не дав опомниться цензору, начинал выдавать очередную порцию своих баек, частушек... Серёзная женщина, Нина Федотовна, забывала о своей суворой профессии, смеялась, хохотала вместе с нами, а потом, махнув рукой: «Да ну вас!..», подписывала альманах, прося лишь внести незначительные исправления. Так, в альманахе были впервые напечатаны неопубликованные (абсолютно непроходные, всюду зарубленные) стихи Марины Цветаевой, Николая Глазкова, Леонида Мартынова, Ярослава Смелякова, Марии Петровых, Николая Тряпкина, Арсения Прохожего, Александра Сенкевича...

Ничего никогда никому не навязывая, Старшинов сам умел слушать других, уважать иное, не близкое ему мнение. Поэтому мне достаточно легко удалось убедить Николая Константиновича в праве на существование чуждой ему поэзии верлибристов, метафориков, концептуалистов. В альманахе стали печататься Иван Жданов, Владимир Бурич, Карен Джангиров, Нина Искренко, Виктор Коркия, Алексей Парцеков... Блестящее знающий русскую поэзию и прозу, ещё в доперестроечные времена читавший нам наизусть Гумилёва, Ходасевича, пробивавший запрещённые стихи Цветаевой, глубоко знавший поэзию Пушкина, Некрасова, Блока, Есенина, Пастернака, Старшинов с интересом относился к появлявшимся на страницах альманаха философским беседам с А. Лосевым, к переводам эссе Шопенгауэра, Кьеркегора, стихов Кортасара, Г. Гессе... За несколько номеров до закрытия альманаха в состав его редакции вошли Н. Матвеева, Е. Витковский, А. Сенкевич. Другом редакции и автором альманаха стал выдающийся русский философ, поэт и переводчик Владимир Микушевич, приезжавший из Америки Наум Коржавин любил наведываться в альманах к старому своему товарищу по Литературному институту...

Настоящей радостью последних лет Старшина стала его дружба с Юрием Владимировичем Никулиным, который нашёл Николая Константиновича по сборнику его озорных частушек. Помню, как впервые нагрянул Никулин без предупреждения в альманах вместе с Эмилем Кио. Два фронтовика, Юрий Владимирович и Николай Константинович, вблизи оказавшиеся поразительно похожими друг на друга, с первой минуты нашли общий язык, словно всю жизнь были знакомы. Никулин принёс составленный им сборник анекдотов, предложив обмен на сборник частушек Старшина. И тут, наперебой, пошла в ход демонстрация содержимого этих сборников, смех стоял такой в кабинете, что в дверь стали заглядывать издательские сотрудники, интересуясь причиной такого веселья. Рассказы анекдотов и пение частушек перемежалось воспоминаниями и фронтовых сюжетов... Потом Старшинов и Никулин много раз встречались, вместе снимались в телевизионных передачах, поздравляли друг друга с праздниками. Никулин написал прелестное предисловие к одному из сборников частушек из коллекции Старшина...

Вспоминая о светлом таланте дружбы Николая Константиновича, я почему-то думаю, что и там, куда ушёл Старшинов в феврале 1998 года, ему, наверное, так легко встретиться с теми, кого он любил при жизни, о ком писал, чьими стихами делился со своими друзьями и учениками. Легко и дружески, должно быть, встретили его и Державин, и Пушкин, и Некрасов, и Кольцов, и Никитин, и Блок, и Цветаева, и Ахматова, и Есенин, и Твардовский, и Глазков, и Сергей Марков, и Леонид Мартынов, и Ксения Некрасова, и Николай Рубцов... В отличие от Юрия Кузнецова (которому, видимо, ох, как тяжко там!..), ни с кем он не поссорился в этой жизни, никто ему не загораживал солнца поэзии!..

...Когда похожим на весенний, печальным февральским днём, из храма Вознесения после отпевания мы выносили гроб с телом нашего дорогого старшего товарища и друга, на паперти стоял, опираясь на костили, какой-то нищий бородатый мужчина. Он крестился и, кланяясь над гробом, несколько раз повторил: «Прощайте, Николай Константинович!..», а на вопрошающие взгляды присутствующих, добавил: «Он был моим Учителем! Когда-то я у него учился в Литинституте...»

Был в этом странном эпизоде некий символический знак судьбы, знак завершающегося двадцатого века. Но при всей трагичности нашего пути, куда бы нас ни задвигала жизнь, нам, всё же, остаётся счастье и радость вот так просто и спокойно сказать: «Он был моим Учителем!»

Виктор ТИХОМИРОВ – ТИХВИНСКИЙ

Санкт-Петербург, Тихвин

НОВЫЙ ДЕНЬ

Не встанет на дыбы...
Земля – не дура...
И лишь закусит крепче удила.
Здесь самая печальная фигура –
Душа, что плоть живую обрела.
Похоже, что опять рассвет вернулся
В закатный край, где холод да обман,
Где старый дед,
    тот, что с ума свихнулся,
Ведром дырявым черпает туман.
Видать ночесь в луга туманы пали
Тяжёлые, как дедова печаль,
С невидимой небесной магистрали
На эту вот земную магистраль.
Простая сущность замкнутого круга –
Она в любом событии видна:
Вот новый день, как новая супруга
Откинула штору бережно с окна.

СМЕРТЬ НА СКЛОНЕ НОЧИ

Я видел: осень в дебрях ночи
Листву печально подожгла,
Как будто миру смерть пророча
За чьей-то душенькой пришла.

И потому, на перекрёстке
Осенних дней и злой зимы,
С обрыва жёлтые берёзки
Себя швырнут в объятья тьмы.

За жизни эти – кто в ответе?
И упрекать кого – потом?
Но знаю я: на этом свете
Нужней берёзы, чем на том...

От страха в чаще филин ухнет...
...И, после спячки вековой,
Весь бренный мир однажды рухнет
Землёй, что гроб накроет мой...

Сегодня я опять к нему уйду...
И в прошлое столетие врастая,
Ни горе не замечу, ни беду,
Ни журавлей рыдающую стаю.

НА СЕННОЙ ПЛОЩАДИ

На старой площади темно и – ни души...
Как одинока в эту ночь Сенная.
А в небе месяц светит, хоть пляши,
Спеша в рассвет, дорог не выбирая.

Здесь по ночам пустынно и мертво,
Как будто вечность в сеть времён попала.
И крепко спит закрытое метро
На месте церкви той, что здесь стояла.

Тревожит душу вечный непокой
И, небо петербургское вздымая,
Явилась церковь Спаса на Сенной,
В земную твердь родимую врастая.

И снова у Вселенной на руках
Я вижу храм на склоне вербной ночи,
А белый ангел о шести крылах
Судьбу народу новую пророчит.

Галина УМЫВАКИНА

Воронеж

ЛЕРМОНТОВ. ДАВНЕЕ

1

Прихлёбывать холодный чай,
скучать в жаре аэропортской...
И вдруг помчаться к Пятигорску –
бездумно, будто б невзначай.
Случайный слушать разговор
и в электричке дребезжащей
внезапно принимать как счастье
явленье облаков и гор.
Ступить на старенький вокзал,
найти автобус современный,
отдаться радости мгновенной
езды – куда глядят глаза.
Боярышника тронуть куст,
следить зрачком травы волненье
и воздуха прикосновенье
на запах пробовать, на вкус.
И у подножья Машука
вдруг понимать неосторожно:
душа моя была тревожна
и дума вовсе не легка.

2

О чём тревожусь? Что за пытка?!
Зачем я плачу на горе
о молодом, о неубитом,
ещё живущем на земле
великом юноше...

О сплетнях,
о нежелательных стихах,
о жизни плачу – не о смерти,
о днях пекусь – не о веках.
О ежечасной плачу боли,
ненапечатанной строке,
о воле плачу и неволе,
о страхе и бунтовщике.
О вездесущей фарисейской
и похвале, и клевете,
о лбах влиятельных расейских –
творцах дозволенных идей.
О преступившем, о мешавшем,
о посягнувшем – на века!
Ещё живом, ещё не павшем
здесь, у подножья Машука.

* * *

Валентину Нервицу

Ангел летящий,
Ангел плывущий...
Дольние чащи,
горние кущи.

Места не знает,
где притулиться,
птаха земная –
грустная птица.

Вольная воля
или ограда
дикого поля,
райского сада?

Пой, где придётся:
в высих и хлябях –
в мире без лоций
и астролябий.

Быль или небыль?
Дни или годы?
Грозное небо,
светлые воды.

Плачется чаще,
жалится пуще.
Ангел молчаний...
Ангел поющий!

ПЛАТЬЕ АХМАТОВОЙ

*На фотографиях 1940 г. и 1946 г.
А.А. Ахматова в одном
и том же платье.*

1
Сносилось, истлело,
забыло уже
про гибкое тело,
про голос и жест.

И корпией ветхой
пришлось ему стать,
чтоб века прорехи
и боль бинтовать.

2
Петербуржскую красавицу,
плакальщицу Ленинградскую
позови — и враз представится
стать прямая, доля лядская.

Поминальщица, печальница,
 сострадалица, верижница —
 для читателя. Начальничкам —
 пакостница, чернокнижница.

Но, сколь свору ни науськивай,
калачом сколь ни заманивай, —
не носившая холуйского
ни наряда, ни прозвания.

3
Быть с народом — без изъятья:
и душой, и телом — всем.
И семь лет всё в том же платье...
Или, может, семью семь?!

Где узнать, каким аршином
мерить, в годы вперив зрак,
как из душ тянули жилы
войны, казни, голод, страх?

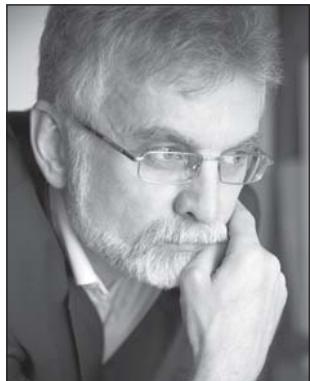
Горький хлеб беды искрошен,
счастья разлито вино...
А вот платье то, в горошек,
знать, сменить не суждено

той, чья быть — во время татье
Анной быть всея Руси
и одно и то же платье,
словно вретище, носить.

Владимир ХОХЛЕВ

Санкт-Петербург

ТИШИНА СОСЕН

Я люблю в тишине сосен писать стихи,
когда не лают собаки, не кричат петухи,
когда я чётко слышу
каждый!
продиктованный слог,
когда из каждой притихшей сосны
молчит Бог.

Тишина неба, воздуха, света.
В тишине — сердце размеренно
бьётся где-то,
грудь неслышно вдыхает
морозный воздух.
В маленьком небе тихо искрят звёзды.

Слова сплетаются
в стройные предложения,
текут душою, требуют к себе уважения,
на бумагу ложатся, как снег белую.
Кажется, я — в тишине сосен —
главное!
делаю.

* * *

Из времени выпал. Стою.
Внешне — без дела.
Душу — забытую миром — свою
вывел из тела.

Какие-то звуки, голоса...

не пробиваются.

Вижу разверстые небеса —
контуры рая.

Струи жизни — как дождь —
моют душу.
Любви и веры жёсткая мощь
мысли сушит.

Под ногами уже не земля...
воздухи, ветры.

Я — как будто — уже не я,
незаметный.

Растворяюсь, теку... куда?
ходом тайным.
Льёт сухая в глаза вода
утром ранним.

УРОК ДЫХАНИЯ

*Дух дышит, где хочет, и голос
его слышишь, а не знаешь,
откуда приходит и куда уходит:
так бывает со всяким,
рождённым от Духа.*
Евангелие от Иоанна 3,8

Дышу... Молчу.

Синяя лампада.

Ничего не хочу — здесь не надо.

Здесь Слова-хлеба место.

За окном — небу тесно.

Кадило... ладан.

Душа и тело в ладе.

Тишина в уме — ни ветра.

Свет в голове, много света.

В свете Дух!

Дышит!

И, кажется,

мою

молитву слышит.

РУШАТСЯ ДЕРЕВЬЯ

Рождаются слабыми,
тонкими.
С прозрачными ладонями,
подвижными головёнками.
Обрастают кожицей,
шершавой кожурой.
Вверх обращают рожицы,
занятые игрой.
Ласкают небо ветками,
щекочут, смеются.
Сеют жёлудями-детками,
с ветром бьются...
Склоняются, уставшие,
лопаются корой.
Богатыри вчерашние
теряют строй.
Ломаются пальцы,
локти, предплечья.
В последнем танце
сжимаются плечи.
Дрожат колени, ноги трясутся.
Подошвами безжалостно мнутся
листья, сорванные за день.
Рушатся деревья, на мир глядя
С чистыми взорами,
как в детстве...
Рушатся деревья...
С людьми вместе.

Светлана ХРОМОВА

Москва

* * *

Мой рай из яблок и пустых ветвей,
Из предосенней медноти полей,
Где я стою с улыбкою блаженной.
Здесь так светло, что не добыть огня,
И на всю жизнь хватило бы и дня,
Одной улыбки вольной и неверной.

Мой яблочный непоправимый рай,
За что мне этот лес, осенний край,
Рябины вкус, наличники резные?
Вот дом. Не мой. Но я вхожу туда,
Пока ты даришь эти города,
Заморские, заречные, сквозные.

Вот пёс привычно машет мне хвостом,
А я последним яблонным листом
Встаю на цыпочки и наклоняюсь набок.
Прости меня, какой теперь я друг,
Жизнь выпала из ослабевших рук,
И вся земля в ковре из красных яблок.

Всё это так, что только б лечь ничком
На землю райским сорванным дичком
И жить без ветки радостно и смертно.
Я – дерево, я – осень, посмотри,
Мой рай в тебе, он у меня внутри,
И жизнь глядит на нас немилосердно.

* * *

Сесть в самолёт, отключить телефон
И лететь, где ты навсегда любим.
Где нечастые встречи как долгий сон,
Там, где свет и воздух неповторим.

Не уходит из памяти тёплый дым,
Из волос, одежды, озябших рук.
Как теперь поверишь, что ты один,
Заступая в долгий сердечный круг?

«Я хочу домой», – говоришь и спиши.
И впервые в жизни ты знаешь всё:
Для чего ты едешь, куда летишь
Где искать тебе всё своё.

...Руки пахнут кедровым орехом
И в полётном живом полусне
Вдруг привиделось – что приехал.
Дальше ехать не нужно мне.

* * *

Томик стихов на моём столе.
Свет монитора некстати гаснет.
Вот я, живущая на земле,
В мире, которого нет прекрасней.

Мир без любви, без войны – это не
Может с тобой и со мной случиться.
Мне приснилось – истина не в вине,
Я проснулась, а за окном синица.

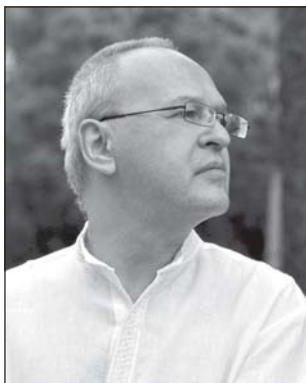
Золотая грудка, чёрный глазок,
Кем мне надо быть, чтоб опять родиться?
Кушай, птичка, хлебушек, сахарок,
Но не пой о том, что ещё случится.

Оглядишься – начало века, какая даль!
А придут другие и скажут: «Какая древность».
Улетай на небо и там меня выручай,
Не за хлеб и сахар, но за любовь и нежность.

Евгений ЧИГРИН

Москва

* * *

*В дождь Париж расцветает,
Точно серая роза...*
Максимилиан Волошин

По Волошину: серая роза
Расцветает... Спускаюсь в метро,
Там дымится ничья папироса,
Грязновато и как-то мертвое.
Впрочем, только минуту-другую,
Вот ворвалась орда китайчат,
Словно реку прорвало какую,
По-китайски китайцы шумят.

Только два перегона к музею,
Называется «Оранжерим».
...Выхожу, чтоб пройти сквозь аллею
Исторического Тюильри.
Расцветает, как серая роза...
Дождь стучится по крыше кафе.
На листву точно сыпнула оспа —
Это осень. Апаш подшофе

Улыбается Пьером Ришаром?
Бельмондо — из какого кино?
Это всё поразительно даром
(Будет вечер — шарахну перно).
Вижу встречу, влюблённых обятья.
Я в хорошем Париже, один...

Но — меня, словно старшие братья,
Скоро встретят Гоген и Сутин.

* * *

*Припоминая картину Гюстава Курбе
«Хижина в горах»*

...Теперь не исключить ни облака,
Ни хижину Курбе — в мозгах музей,
В котором тихо... Робкая тоска
Тихонько входит в свете фонарей.
В такой каморке, в логове Курбе,
Остаток дней хотелось бы прожить
И прибавлять словесное к судьбе,
Чудесное хоть что-то сочинить,

Смотреть, как Сущий затемняет свет.
«В горах темно? В горах уже темно», —
Шептать себе и слушать ветра бред,
В деталях видеть это полотно
И пить простое крепкое вино,
И запивать холодною водой...
«В горах темно? В горах уже темно», —
Шептать себе, сливаться с темнотой,

И слушать чайник — чайничек споёт
На тоненьком свистящем языке,
Любую ноту в тишине возьмёт,
Подсказывая музыку строке.
И видеть жизнь воочию в стихе,
Как некогда в холсте провинциал,
И засыпать от мира вдалеке,
Как в старину художник засыпал.

ВИНО

...Как в масть эта полночь
примятому взморью,
«Омара Хайяма»* закушай фасолью
И взглядом лагуну приметь.
Луна сургучом нависает над пальмой,
С которой совсем не рифмуется дальний
Пейзаж, что венчает мечеть.

Эль Гунна вдали шевелился огнями,
Смотри, минарет прилепился к рекламе,
Буквальнее — наоборот.
Смешай эту полночь с кебабом, тагином,
Как воздух сошёлся с неместным жасмином,
Как многое жизнь раздаёт...

Захочешь — пиши на папирусе строфы,
На пылком Востоке не тешились профи! —
Зато — превратились в вино,
В пустынную повесть — волынку ребаба,
Который смекает, как ухо араба
Пленять, — и пленяет давно.

Блуждают (незримо) затейники-джинны,
С кальянами кайфа засели мужчины,
Вкуснее инжира слова.
Из розовых листьев напиток горячий
Спешит наливать

Возьми настоящее в крепкую память,
Когда приключится в досадное падать,
Войди в эту полночь опять,
Пускай Аладдином покажется лето
В стихах, на которых везучая мета,
Верблюжьих миров благодать.

Когда кругом бессонница сквозит —
Ни двойника, ни женского обличья.
Кастальский ключ лакает алфавит
(На кухне демон в мойке шебаршит),
Но к ангельским дверям не та отмычка...

Когда кругом бессонница глядит —
В кенийской маске прячутся виденья,
Кто свет потусторонний объяснит,
Когда глагол под ложечкой болит,
Когда в сиротстве музыки Спасенье?..

---

* Здесь: вино.

* * *

Во всех углах бессонница стоит,
Сопливый ветер задохнулся в коме.
Снега листают белый манускрипт,
Светило – фантастический нефрит,
Желтеет плоть в космическом капроне.

Я в комнате, как в шаре под водой, —
Животное, особенно во взоре.
Зависнув в ноутбуке стрекозой,
Кому сказать спасибо, что — живой,
В живительном сдыхая алкоголе?

Андрей ШАЦКОВ

Москва – Руза, Московская область

ПРОСКОМИДИЯ

Памяти Андрея Романова

Друг далёкий, как скорбен
    tot древний погост,
Где умолкла твоя петроградская лира...
Млечный путь опадает слезинками звёзд.
Ты об этом мечтал, отрешаясь от мира?

От безумного мира, где каждый был рад
Подтолкнуть тебя в путь
    к роковому порогу.
Ты об этом скорбел, мой ушедший собрат,
Так внезапно собравший
    пожитки в дорогу?

А пожитки поэта – как воздух легки,
Но порой тяжелее, чем камень Сизифа.
Ты зачем не подал на прощанье руки,
А исчез в лихорадке весеннего тифа,

Купоросную зелень газонов кляня,
На которые вылились майские струи?
Ленинград не пройдёт мимо Судного дня,
Если память поэта забудется всye.

Мне останется –
    съездить в гранитный удел,
Ощущая, как горло сдавила рубаха.
И увидеть, что стол от стихов твоих – бел,
От стихов оперенья лебяжьего праха!

СКАЗ ОБ ОСЕННИХ ИВАХ

Входит месяц – задирист, хоть мал,
И в куте освещает болото.
Как шумит на ветру чернотал,
Словно плачет погинувший кто-то!

Входит огненный солнца кристалл,
Обжигает багровые ветви.
Ими машет речной краснотал
Уходящим плотам на рассвете.

Чернотал, краснотал, белотал –
Однокровники матери-ивы.
Листья падают в чистый хрусталь
Водных струй и плывут молчаливо.

Это осень пришла с Сиверов.
И в затерянной в волости Рузе
Посреди деревенских дворов
Грустно бродят домашние гуси.

Им бы в стае пролётной нестись,
Но не видно откормленных в стае.
Ведь в такую далёкую высь
Только ивы листва долетает.

Листодёр, листобой, листопад
Гонят вспять нерешительных споро.
Им, как мне, ни вперёд, ни назад
Не взлететь над затёсом забора!

И становится жизнь не мила,
Хоть ты в омут беги головою...
А всего-то шальная ветла
Манит шали осенней листвою.

РЕЧНОТА*

Под золотой обителью небес
Одна тщета... И голубь в аэр круто
Уходит, а внизу – разор и смута,
И поднял в схватке пики – чёрный лес,

Как трудно скорбным разумом постичь
Горящие в огне – страны уделы.
И ядом смол отправленные стрелы,
И диких тварей полуночный клич!

Когда на мир спускается беда,
И словно волны – подступает горе,
Справляют шабаш ведьмы Лысогорья,
И цепенеют в страхе города.

Когда на Русь текли орда и лях,
И угрожал тевтон клеймёной сталью,
И сеял дождь кровавою печалью,
Чтоб плесенью взошли грибницы плах –

Гремел набат! И трубный выси глас
Рёк истину в скрижалях прописную,
Что будет рядом с Богом – одесную
Тот, кто за други примет смертный час!

Земля моя! Приходит твой черёд!
Оставь врагу сомнения и страхи.
Тверды клинки и так белы рубахи.
И правое плечо «Марш-марш» вперёд!

* Истина – старорусское.

СЮЖЕТ ДЕКАБРЯ

Декабрьское солнышко волчье –
Вся жизнь прокатила под ним.
На самой закраине, молча,
Считаю остатние дни.
И веет шальная позёмка,
Твои заметая следы.
И узится, узится кромка
Ещё не застывшей воды.
На пальцы, не сжатые в стуже,
В единий, как прежде кулак,
Дышу, а дыханье всё глуше,
И с сердцем не сладить никак.
Но всё же, но всё же, но всё же
Былое нельзя обновить,

Сменить, как змеиную кожу,
Отринуть, как отчую выть.
В нём были шальные рассветы,
Черёмуха мая цвела.
И счастье касалось поэта
Размахом жар-птицы крыла.
Но птицы не стало... Туманный
Пал вечер угрюмым сычом.
И только Андрей Первозванный
Тебе подставляет плечо.
А снеги ложатся всё толще
На волосы и на живиё...
Декабрьское солнышко волчье –
Любовь и отрадо мё!

ДОРОГИЕ МОИ...

Две любимых души
надо мною кружат в поднебесье.
Два хранителя дум и поступков
обычного стихо-творца.
Запорошено снегом до крыши
заповедное наше полесье,
И не видно следов на тропинках
и всходах крыльца.

Вы далече теперь – моя мама
и старый учитель-товарищ.
Там, где вряд ли нужны
даже лучшие строки стихов...
Одиноко без вас...
И в глазах лихорадка пожарищ
Полыхает всё дольше –
до первых с утра петухов.

А отец, тот, что выдался удалью,
ростом и статью,
Под которым не дрогнул
губительный жизненный лёд –
Тоже в небе, которое призрачной гладью
Вышивает не сбитый врагами
его самолёт.

Дорогие мои, я годами от вас недалече
И уже заучил наизусть литию,
приготовил свечу.

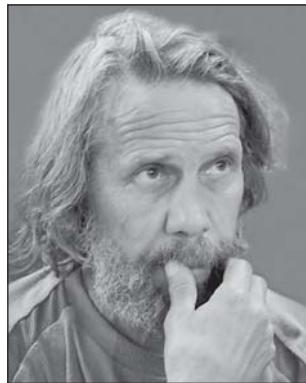
Не печалюсь о встрече,
печалюсь о таинстве встречи.
По плечу ли она будет мне? По плечу?

И звенит моё сердце, как благовест
в пост предпасхальный.
И наполнено сердце –
печалью и горькой виной,
Пережившего вас, что ушли
в одночасье с печальной,
Но прекрасной,
как детская сказка страной!

Владимир ШЕМШУЧЕНКО

Санкт-Петербург

ПО ОТВЕСНОЙ СТЕНЕ

1

Выглянул месяц, как тать, из тумана,
Ножиком чиркнул – упала звезда
Прямо в окоп... В сапоги капитана
Буднично так затекает вода...

Через минуту поодаль рвануло...
Замельтешили вокруг «светлячки»...
Встать не могу – автоматное дуло
Прямо из вечности смотрит в зрачки.

2

Белый день. Белый снег.
И бела простыня.
Бел, как мел, человек.
Он бледнее меня.

Он лежит на спине,
Удивлённо глядит –
По отвесной стене
Страшновато ходить.

«Помолчите, больной. Не дышите, больной», –
Говорит ему смерть, наклоняясь надо мной.

3

Меня спросили: кем ты был?
Я не ответил. Я забыл.
Меня спросили: кем ты стал?
Я не ответил. Я устал.
Меня спросили: чем ты жил,
Какому богу ты служил,
Какого сына воспитал,
О чём несбыточном мечтал?
Жена в глаза взглянула мне –
Как страшно ты стонал во сне.

МАРИНЕ

Перебранка полешек, бормотанье огня
И волос твоих рыжих волнующий запах...
Я тебя назову: свет осеннего дня
Или, лучше, – предзимье на заячьих лапах.
А ещё... Из камина возьму уголёк,
И на белом листе (только бы не проснуться!)
В простоте напишу всего несколько строк,
До которых потом не смогу дотянуться.
Полутон, полусвет – между явью и сном...
Только ты помолчи, а иначе разбудишь...
Это снег! Это первый, большой за окном!
Я его полюблю так, как ты его любишь!

* * *

Украинская ночь домашним пахнет хлебом.
Здесь время не идёт, а тянется, как мёд.
На брызги молока, раскрасившие небо,
Все глаза глядят ленивый старый кот.
Его пра-пра-пра... мурлыкал фараонам.
Он по-кошачьи мудр. Без всяких там затей
По одному ему лишь ведомым законам
Он выскользнул из рук докучливых детей.
Он ведает, зачем туман сползает с кручи,
И то, о чём поют метёлки тростника.
А я у костерка под ивой неплакучей
Всё не пойму никак – зачем течёт река?
Динь-динь, динь-динь, динь-динь –
проснулся сторожок!

(Похоже, крупный лещ
польстился на наживку...)
Удилище – в дугу! Он сам себя подсёк!
И я веду его... как кралю, на тропинку.
И вот он – золотой!
Должно быть, в два кило...
Танцует на песке последний
в жизни танец...
Украинская ночь вздыхает тяжело,
И на её щеках – предутренний румянец.
Лизнула сапоги неспешная волна,
И лещ – пошёл, пошёл,
качаясь с бока на бок...
Иди – мне жизнь твоя сегодня не нужна.
И сладок этот миг,
и тёплый ветер – сладок.

* * *

Ни хвалы, ни хулы не коплю
И не маюсь имперской виною.
Говори, милый Киев, со мною –
Я тебя по-сыновски люблю.

Ты баюкал меня на руках
И поил допьяна тишиною.
Если я заносился в стихах,
Ты смывал их днепровской волною.

Снятся мне: и Владимир с крестом,
И капитанов высокие свечи,
И Крещатик в убранстве простом,
И украинок смуглые плечи.

Если в ярости смутных времён
Позабуду – кто я и откуда –
Пусть укатится солнца лимон
С голубого небесного блюда.

* * *

Петь не умеешь — вой.
 Выть не умеешь — молчи.
 Не прорастай травой.
 Падай звездой в ночи.
 Не уходи в запой.
 Не проклиниай страну.
 Пренебрегай толпой.
 Не возноси жену.
 Помни, что твой кумир —
СЛОВО, а не словцо,
 И удивлённый мир
 Плюнет тебе в лицо.

* * *

Я скользящей походкой сам —
 друг возвращаюсь домой —
 Муза канула в ночь и свела (вот зараза!)
 Пегаса.
Рядом кашляет город —
 он пахнет тоской и тюрьмой —
 И ещё недержаньем горячей воды
 в теплотрассах.

Это надо же —
 вляпаться в эту чухонскую рань,
 В этот выжатый воздух
 с душком тополя и сивухи,
 И в уме сочинять не стихи,
 а тотальную дрянь,
 И заснеженным львам, осердясь,
 раздавать оплеухи.

Просыпается город —
 ему на меня наплевать,
 Мною он пренебрёг и бесстрастно
 зачислил в потери...
 Дома ждут меня стол, абажур
 и складная кровать,
 И некормленный кот,
 и ворчливые старые двери.

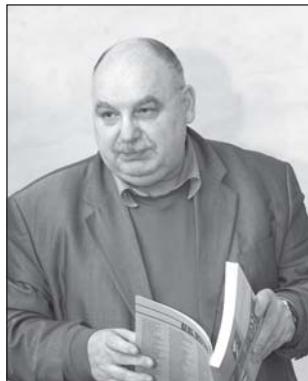
Я домой возвращаюсь,
 и тёплое слово — домой —
 Языком непослушным
 по нёбу сухому катаю...
Я чертовски богат
 надоедливым задним умом,
 Потому даже псы мне, рыча,
 отказали от стаи.

Я домой возвращаюсь.
Я ранен. Я болен тобой,
 Мой продутый ветрами,
 чахоточный, каменный город.
 Знаю, ты не зачтёшь
 этот наглый словесный разбой
 И снежинку прощенья уронишь
 за поднятый ворот.

Виктор ШИРОКОВ

Москва

ДЕНЬ ТИГРА

Новелле Матвеевой

Продолжается звёздное сеево.
Прорастает былое жнивьё.
Я читаю Новеллу Матвееву
или слушаю тоже её.
Вновь стихи заструились как семечки,
и никак шелухе не отпасть.
А меж тем за окном на скамеечке
злое время ощерило пасть.
А меж тем льётся рыжая ржавая
застоялая в трубах вода.
Вот и смерть подошла моложавая,
неужели выходят года?
Все майн-риды и куперы, диккенсы
и жан-поли забыты во мгле.
Лучше сразу в окошко ты выкинься,
нет спасенья на этой земле.
И уже не рукою, а лапою,
как пушной и диковинный зверь,
я случайных гостей оцарапаю,
ну не надо выламывать дверь.
Неужели нашло наваждение,
тигра день провожать не спеши;
начинается перерождение
бесконечно косматой души.

ЭПИГРАММА

Пребывают давно в неизвестности
все защитники русской словесности.
Боже мой, до чего же им хочется
с кем-нибудь разделить одиночество.

* * *

Брать уже сейчас примеры не с кого.
Снег прощально упадает с крыши.
Умерла Наталья Горбаневская.
Вздох последний сохранил Париж.
Как она легко совпала с временем!
Это просто видеть с высоты...
Каково же выходить беременной
на защиту правды и мечты?!
Зная, что орудуют дубинками
да и могут стрельнуть втихаря...
Проще знаться с книжными новинками,
ездить all inkluziv за моря.
Извините, что пишу банальности.
Частности известны всем давно.
В нашей искривившейся реальности
остаётся только пить вино.
Красное. Как кровь артериальная.
Брызнувшая летом на траву.
Я читал её стихи печальные...
Виноват ли в том, что я живу?

МЕЧТА

Поэзия, греческой губкой в присосках,
ты мне не была... Отражая нападки,
я вырос, как Слуцкий,
в пыли и в обносках,
хотя и размахивал чистой тетрадкой.
Сейчас, вспоминая вдруг камские воды,
я чувствую кожей былые мурочки,
как плыли по морю легко пароходы,
и с ними мечта в капитанской фуражке.
Сегодня не скажешь, чего же ты хочешь,

когда размышляешь бессонно ночами;
уплывшее, друг, никогда не воротишь,
мечтаньям сопутствует только молчанье.
Чуть солнце окрасит небесные своды,
проснись и не дай мальчуковой промашки,
ещё по морям проплынут пароходы
и ты на одном в капитанской фуражке.
Не зря же вздыхалось когда-то досадно...
По-взрослому с новыми волнами споря,
ты встал за штурвал и, руля безоглядно,
отчаянно вышел в открытое море.

МОДНЫЙ ПРИГОВОР

Что нынче выбирает мода?
Фактуру метко ценит Бог.
И вот перед лорнетом года
полоска, клетка и горох.
Что первородно? Актуально?
Мысль модельера горяча.
Так мини выглядит банально,
ушла в отстой каракульча.
Стиль милитари стал немодным
и люрекс тоже заклеймён;
зато востребован сегодня
цвет государственных знамён.
Из красных, белых, синих клеток
микс вызвал истинный фурор;
вот подойдём поближе к лету,
тогда продолжим разговор.
И чтоб была улыбка манкой,
чтоб вытянуть из подружек лесть,
я гимн готов пропеть шотландке,
и в килт самозабвенно влезть.
Так хочется прослыть хорошим
и модником со всех сторон...
Надеюсь, вас не огорчу
тем, что горошек вышел вон.
Идёт мужчина, полный лоска,
аж фото просится на стенд;
кричит: и клетка, и полоска
вновь самый актуальный тренд.

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Весну я помню... Ты была
в раздумье... Ах, на что решишься?!
И блузка свежая бела,
как гроздь черёмухи душистой.
Потом легко вошла в вагон,
молчала, словно кто обидел...
Напрасно я бежал вдогон,
твоей улыбки не увидел.
Уехала в Днепродзержинск...
И мне сегодня неизвестно,
как там прошла другая жизнь,
в которой не было мне места.

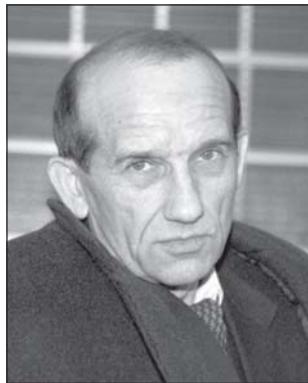
СОНЕТ О СОВЕТСКИХ ПЕРЕВОДЧИКАХ ПОЭЗИИ

Рабы подстрочника и слуги языка
с мольбой о гонораре засыпали,
о Божьем даре думали едва ли,
ломалась трижды каждая строка.
Зря цензор им оглаживал бока,
нет этих книжек нынче на развале,
давненько ничего не издавали,
да и не будут уж наверняка.
Кто выжил, тот пиарщиком слегка
иль сценаристом шпарит трали-вали,
пока труды халтурой не назвали,
взашей его не выгнали пока.
А я ещё валяю дурака,
пока, друзья, вы слушать не устали.

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ

Москва

НА ОБРОТЕ СТАРОГО СНИМКА

Вот фото юных лет.
Они сидят в обнимку.
Один из них поэт.
Он видит мир сквозь дымку.
Другой – в быту артист.
Дитя войны и леса.
Прозаик-реалист,
Он смотрит зло и трезво.
Теперь они враги.
Не верьте фотоснимку.
Но факту вопреки
Они сидят в обнимку!

* * *

Когда тоска за глотку схватит,
Для лучшей песни слов не хватит.
С другим любимая уйдёт,
А ночью дворник заскребёт
Своей железной лопатой
По дну бессонницы проклятой, –
Страданьями не упивайся.
Не расслабляйся, не сдавайся, –
Окно морозное открои,
Чтоб хлынул воздух ледяной,
Чтоб в душу свежести нагнало
И с головой под одеяло,
Под одеяло с головой!

Не горькой водкою и дымом,
А чистым холодом лечись,
Назло беде своей проснись
Весёлым и непобедимым!

* * *

На Северо-Крымском канале,
Где жёлтая грязь и вода,
Гармоники глухо рыдали –
Случилась большая беда.
Накрапывал серенький дождик,
Скрывая лихую судьбу,
А рыженький мёртвый бетонщик
Лежал в кумачовом гробу.
От СМУ до степного погоста
В толпе провожавших людей
Лежал он спокойно и просто
И в серое небо глядел.
Начальник сказал: «Не увянут
Цветы на могиле твоей,
И дни золотые настанут
Для этих безводных степей.
А мёртвый ему улыбался
И в серое небо глядел,
Как будто со всем соглашался
И только добавить хотел,
Что будут и дни золотые
И всякие там чудеса,
Но списывать надо гнилые
И новые ставить леса.

* * *

Прямо в кузове я засыпал!
Мои волосы в небе шумели.
Подо мною ухабы гремели,
И попутчик мне что-то кричал.
Бочка прыгала рядом со мной –
В щели масло текло голубое.
И по доскам стучал головою,
Я летел на свиданье с тобой.
Непривычной работой распят,
Я, наверно, во сне улыбался,

А когда начинался асфальт,
С непривычки я вдруг просыпался.
Кулаками в кабину стучал.
Тормози! Получай и отчаливай.
А попутчик мне шляпой махал,
И глаза его были печальными.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

На больничной койке засыпаю,
Будто вниз на падубу лечу...
Руки в кровь о ванты раздираю,
В небо что-то жуткое кричу...
И опять от смерти убегаю!
На широких лыжах ухожу.
На рыбацкой лодке уплываю.
Собственною шкурой дорожу.
Я не шкурник, и своею шкурой
Я не собираюсь торговать.
Просто шкура новая, и сдуру
Неохота мне её терять.

* * *

Журавль, хромающий в небе,
О чём он так хрюшко трубит?
О воле, о доле, о хлебе?
О том, что товарищ убит?

А может быть, рощу срубили —
Родные места не узнал!
От холода крылья заныли,
Устал и от стаи отстал.

А может, его журавлиха,
В предчувствии новой беды,
С другим подружилась и тихо
Кружит возле талой воды!

Никто никогда не узнает,
Зачем за пустынной рекой
Свободное небо рыдает
И сводит с ума синевой!

* * *

Спасибо тебе, Елена,
За всё, что было со мною.
Душа улетит в небо,
А тело станет землёю.
Но этот ожог рябины,
И тонкий лёд на стерне,
И гул деревянной плотины
Ты всё же оставила мне.
И палой листвы забытьё,
И грустный туман у дороги
Оставила мне, как тряпьё,
В бессмысленной той суматохе.
Но странное дело, Елена,
И винная горечь стогов,
И ярко-морозное небо,
И лодки у чёрных дубов —
Всё это осталось любовью,
Но только уже не к тебе,
А к родине, к тихому полю,
К рябине в седом декабре.

* * *

Ночью стукнула глухо бадья.
Ты проснулся...

А где твои годы?!
Слишком долго ты возле бабья
веселился под шум непогоды.

Первый в доме добыл телефон.
Через год стала тесной квартира.
Ты мечтал —

накоплю миллион,
а потом переплюну Шекспира!

Что задумано было — совершил.
Обеспечил немилость и старость.
Ха-ха-ха!

Остаётся Шекспир...
Хе-хе-хе!.. И слоны не осталось.

Маргарита ШУВАЛОВА

Кстово, Нижегородская область

ТВОЁ ПРИТЯЖЕНИЕ

Между волей и долгом сраженье,
Но одно лишь по жизни я знаю:
Ты — земное моё притяжение,
Ты — молитва моя неземная...

От разлуки до точки сближенья
Снова вёрсты.

Безумные вёрсты...
Ты глядишь на своё отраженье,
А оно улыбается чёрство.

Льдом затянутся пруд лебединый,
Но откроются старые шрамы.
Приложи берег к ним единый —
Фотографию старенькой мамы.

Пусть собака — твой друг молчаливый,
В утешение лапы возложит
На колени,
и мордой счастливой
Грусть на время отгонит, быть может.

Не имеет задача решенье,
Лишь одно я по-прежнему знаю:
Ты — земное моё притяжение,
Ты — молитва моя неземная...

* * *

То слагали красивые пазлы,
То задачек сводили ответы,
В суете пронеслось и угасло
Лето.

Но ни дня не пройдёт без движений:
На поляне траву уже косит,
Как арену для новых сражений
Осень.

Все отложены игры на время,
И над детской площадкой повисла
Тишина... Развиваются в теме
Мысли.

Как узоры на девичьих бантах,
Так причудливы школьные грёзы,
Обратится стихами в диктантах
Проза.

Всё уверенней буквы выводят
Молодое моё поколенье...
Жизнь сама по себе переходит
в продолженье.

МЁРТВЫЙ СЕЗОН

Конец предзимья. Зябкая строка
Возникла и застыла в хладной дали.
О, как она близка и — далека,
Как уязвима в дни поры печали,

Скупой поры без яркого огня,
Что теплотою согревает слово.
Глухой поры, не слышащей меня
Из-за дождей, идущих бестолково.

Им ничего уже не оживить,
Травинки не поднять с остылой пашни.
Но всё-таки, ещё держусь за нить,
Что жизнь соединяет с днём вчерашним.

Вчерашним солнцем, небом и мечтой,
И чым-то светлым, дружелюбным взглядом,
Сентябрьской вдохновенной красотой,
Мелодией души и листопада.

Всё это, словно пёрышко в руке
Сберечь пытаюсь, веря непреклонно,
Что жизнь вот-вот затеплится в строке,
Возникшей в пору мёртвого сезона.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Пускай не в яблочном году,
Пускай без твёрдого решенья,
Я с яблоком в руках приду
К тебе, где ждёт преображенье

Двух заблудившихся людей,
Что друг за другом шли по кругу,
Так долго, средь земных страстей,
Не находившие друг друга...

Всё, знаю, будет без прикрас:
Без лишних слов, и без движений,
Лишь Божий Свет прольёт на нас
С небес высокое прозренье.

Всё встанет на круги своя.
Надежд закончится крушенье.
Твоя в моей,
В твоей — моя
Душа найдёт преображенье.

Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ

Москва

ПРО КАПЛУНА, КАПЛАНА И КОЕ-ЧТО ЕЩЁ

Евгению Лесину

В магический день единенья двух лун
И звёзд, уцепившихся в звенья
Меня в точку мудрости клюнул каплун,
И было мне тут же знаменье.

Я понял, что точка, куда он клевал, —
Моё Золотой Сеченье.
А раньше я просто на этот овал
Бездумно искал приключенья.

С понятием этим — не всё просто так.
Ведь это — топоним и званье,
И вывод, и довод, и символ, и знак,
И качество, и состоянье.

У сфер запредельных — неведомый план,
Неясный, мистический даже...
Но был бы на месте каплuna — каплан,
Меня бы он ранил туда же.

ПЛЫВИ, МОЙ КИРПИЧ!

Я опущу свой кирпич, как корабль, на воду.
Я помашу ему вслед и скажу: «Плыви!»
Я подарю ему вместо стены свободу,
Он так устал от стен и хотел любви...

В дальних мирах ты найдёшь
своё тайное счастье,
Выйдет оно, как коралловый риф
к кораблю.
Ты об него разобьёшься на мелкие части,
Соединившись опять, ты воскликнешь:
«Люблю!»

Всё это будет — за лесом,
за морем, за краем...
И, завершая свой громкий
и радостный спич,
Благословив, я его из руки выпускаю
И повторяю с восторгом:
«Плыви, мой кирпич!»

ДЕВА НАНОСИТ ОТВЕТНЫЙ УДАР

От усердия пряди волос теребя,
Нити строчек сплетая в кольцо,
По законам кино я придумал себя.
И раскрасил своё лицо.
И примерил костюм — лучше, чем от кутюр.
И обследовав множество мест,
Я натуру нашёл — лучшую из натур —
И уселся придумывать текст...
Только мне не давался сюжет ни хрена!
Зря листы покрывали мой стол.
Нет кино без любви! Героиня нужна! —
Я к спасительной мысли пришёл.
И о том, чего нет, безутешно скорбя, —
В мыслях: только б сюжет не пропал —
Я без всяких законов придумал тебя.
Кто бы мог предсказать мне финал...
Ты ворвалась в сюжет, ты испортила текст,
Ты листы побросала в окно...
И один я брожу средь придуманных мест.
Вот такое у нас кино.

ВТОРОЕ ТРАМВАЙНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

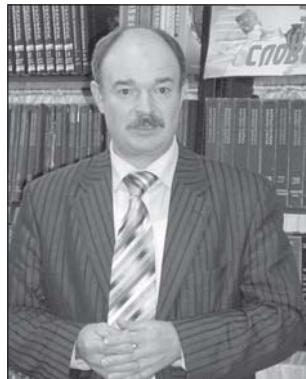
Трамвай пустой, ты мой храм,
И свят твой холодный свет.
В тебе я молюсь богам,
Которых, наверное, нет.
Мы связаны, как друзья —
Нам не разойтись никак —
В тебе — один только я,
Во мне — лишь одна строка.

Все прочие либо ушли,
Либо ещё придут.
И пусто у нас внутри,
Но главное в нас – маршрут.
Темно, не видать огней,
Лишь рельса ведёт, как пёс,
И мы, как слепцы, по ней
Плетёмся под стук колёс.
На карте твой путь, как жгут,
Проложит чья-то рука,
Но карты, как правило, лгут,
Если ими играть в дурака...
Ты слышишь, как бьют часы?
А это ведь наших бьют...
Трамвай, я твой блудный сын,
Но я не вернусь на маршрут.

Иван ЩЁЛОКОВ

Воронеж

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА ЛЕРМОНТОВА НА КАВКАЗ. 1841 ГОД

Пусты дороги Черноземья.
Печален юноша-гусар.
В походном скарбе – груз презренья,
В душе – священный неба дар.

Ужель поэт в России – странник?
Иль званья все в одном сошлись:
Избранник – то же, что изгнаник?..
Иных судеб не терпит жизнь!

Неспешна музыка степная.
И далеко ешё Кавказ.
И в небе тучка золотая
Торопит к югу тарантас.

«Прощай, немытая Россия...»
И степь лазурная, прощай!
Донской волной плеснул над синью
И скрылся в дымке милый край.

«Монго, Монго, мой друг прелестный!
Тоска на сердце, как свинец...
Ужели тучкою безвестной
Мелькну в лазури – и конец?!»

Верлибр нынче — тренд.
А Шекспир? А Венера?
Нет повести горше, чем слабые нервы.
Нельзя без надежды, ужасно без веры,
Коль вместо любви — пустота и манеры.
И по боку рифмы, и к чёрту размеры.
Верлибром — в Шекспира,
кувалдой — в Венеру...

* * *

Когда не бывает дождя,
Мы устаём от солнца,
Когда не бывает солнца,
Мы проклинаем дожди...
Когда я не вижу тебя,
Я ощущаю сердце,
А если ячу сердце,
Значит, и боль впереди.

Когда не бывает войны,
Мы забываем о мире,
Когда нас лишают мира,
Мы жить привыкаемвойной...
Я крайностей этих раб,
А ты им — весы и мера...
Мы оба по высшей мере
Несём этот груз с собой.

КАШТАНЫ

Плюхнись, сентябрьская спелость,
каштанами,
Выкатись с гиканьем на тротуар,
Будто чумазая и голоштаниная
Сотня малосеньких Килиманджар.

Все мы корнями оттуда, из Африки...
Все мы каштаны — сдерни кожуру,
И обнаружится без географии
Близость по духу и крой по нутру.

Знает нас осень, мудрейшая тётенька:
С ветки стряхнёт, не посмотрит на сан —
И кто родился плюгавым и кротеньким,
И кто в дородный сложился каштан.

Радуюсь чуду наивно и искренне.
Дни урожайные — срок, а не страх.
Лучше ли разве каштаны парижские
Тех, что росли на донских берегах?

В тайном родстве,
как язычник для суженой,
На береги сую их в карман...
Зрелость сентябрьская — правда досужая:
Падает, падает спелый каштан.

Ирина ЮТЯЕВА

Электросталь, Московская область

ТАРХАНЫ

Я мечтала сбежать –
и сбежала из этой эпохи,
Второпях замарав сарафан
в придорожной пыли.
После смрада вагона
и нудной людской суматохи
Я дышу ароматом простой
и прекрасной земли.

В поселковой гостинице окна
с утра нараспашку,
А на газовой плитке
вот-вот убежит молоко.
Серый кот на окне умывает
смешную мордашку –
И зевает, пройдоха,
так сладко и так широко!

Пожилая хозяйка в расшитой
цветами косынке
Накрывает мне завтрак на грубом
дубовом столе,
И поит молоком из коричневой
глиняной крынки,
И приносит мне кашу
в огромном чугунном котле.

А за окнами – праздник,
за окнами – знойное лето,
И гуляет народ, и от песен гудят небеса.
И приносят ромашки к могиле
Большого Поэта,
И слезами любви омыает ромашки роса.

Несчастливый Поэт!
Ты пришёл из счастливого века!
Ваше время рождало поэзию,
наше – клише.
Ваше время пускай не героя,
но хоть человека
Осуждало за бури,
кипевшие в мрачной душе.

Моему поколению чужды тревожные бури,
В безмятежных умах
мы не носим мятежных идей.
Мы не знаем дуэлей –
но часто на клавиатуре
От безделья стреляем
в сердца виртуальных людей.

Ты стихами оплакивал
долю пророка-поэта,
А сегодня поэт даже больше
уже не пророк.
Он навечно увяз в распостёртых
сетях Интернета,
И плюётся оттуда столбцами
безжизненных строк.

Но послушай, Поэт!
Остаются безумцы на свете,
И сегодня они принесли тебе эти цветы –
И читают стихи,
вспоминая о грустном Поэте,
Разрыдавшимся тучам подставив
цветные зонты.

Я пойду туда к ним,
постою под цветными зонтами...
Невезучий Поэт, посмотри,
как тебе повезло!

Ты опять говоришь –
ничего, что чужими устами,
И опять тебя слушают,
громам июльским назло.

Не разгонит толпу ни гроза,
ни неистовый ветер,
Изломались зонты,
но безумцам уже всё равно.
Улыбался Поэт на промокшем
от ливня портрете,
И гремело со сцены бессмертное
«Бородино».

Евгений Юшин

Москва

ИЮНЬ

Какой поэт тебя придумал?!
Каким ты вырвался огнём?!
Май полыхнул, пропел — и умер,
И скачут зори день за днём.

Срывает шапку одуванчик,
Дорога прячется в пыли,
И колокольчик в свой стаканчик
Мёд поднимает из земли.

И всё гудит: поля пшеницы,
И в жилах кровь, и дальний гром.
И шмель велюровый кружится
Над полыхающим цветком.

Ныряют на верёвке майки.
Кружки, июнь, меня, кружки!
По-женски вскрикивают чайки,
Стрижи черкают чертежи.

И, обомлев под небесами,
Склоняются на водопой
Коровы с волчьими глазами
И кони с бархатной губой.

Я здесь родился: в этих травах,
В счастливом щебете лесном,
В искристых волнах-переправах —
Лучом на листике резном.

Здесь вечерами свет старинный
Зари тягучей, словно мёд.
В мохнатой шубе комариной
Июнь по берегу идёт.

Его мы ждали с новостями
От земляничных бугорков.
С туманом, с полными горстями
Росы в ладонях лопухов.

И он пришёл! Ликуют птахи!
Густы и пенны острова,
И реки синие рубахи
С утра вдеваются в рукава.

Пасут мальков Ока и Кама.
Хрустят кабаны камыши.
О дорогой и близкой самой
Малинник шепчется в типши.

И сладковато тлеет сено.
Я жду, любимая, когда
Твоих кудрей густая пена
Меня заманит в невода.

Звезда сорвалась, словно кречет,
И на стожок туман прилёг.
И сердце бьётся и трепещет,
Как подфонарный мотылек.

И ты горячая, родная,
У костерка, где сон и тишина,
Зарёй колени поливая,
Меня, конечно, соблазнишь.

И долго будет вечер жгучий
Ночью заметать золой
Певучий луг и сад кипучий
Под самоварною луной.

НА ДОНЕ

Пахнет степь простором Дона,
Той травой из-под подков,
Что взошла на пепле дома,
На густой крови веков.

Грозы пушки заряжают,
Пыль за конницей гудит.
Бабы мальчиков рожают,
А за ними смерть глядит.

Пахнет степь костром кипучим,
Конским потом, чабрецом.
Только тучи, только тучи
Пролетают над лицом.

Любо, братцы, право, любо
Слышать ветер за спиной!
Горячи казачки губы —
Жарче пули огневой!

А когда зимой поутру
Высокой склонены пути,
Я нырну в густые кудри —
Степью пахнут — не уйти.

Словно стрелы печенега,
Словно сабли Ермака,
Травы рвутся из-под снега —
Прорывают облака.

* * *

Оглянешься — полжизни пройдено,
Но светят детства маяки:
Тысячеглазая смородина
И ежевика у реки.

Я не похож на неудачника,
Хоть не нажил златых камней.
Мне гладит щёку мать-и-мачеха
Ладонью нежною своей.

И я люблю вас, подорожники,
И вас, холмы, и синий пруд.
Мне только страшно, что безбожники
И вас, как души, продадут.

И продают! Земля распорота.
Но не купить небесный свет.
Как не греби деньги и золото,
А у гробов карманов нет.

И за туманами, за деревцем
Густеет солнце над рекой:
То золотой икринкой светится,
То плещет рыбкой золотой.

* * *

О любви сказать ещё желаю,
О своей негаснущей любви
К снегом запорошенному краю,
К сёлам, почерневшим на крови.

К этой вот истоптанной дороге,
К трепету весеннему реки,
Потому что на земле не многим
Светят изб родные огоньки.

Вспыхивает лодка у причала,
Яблоня касается руки.
Мне ночная птица прокричала,
Что дороги к детству далеки:

Через дымку сумрачных вокзалов,
Через кровь успехов и потерь,
Через холод ложных пьедесталов —
Ко всему, что дорого теперь.

Этот путь, быть может, в жизнь длиною.
Но за весь сердечный непокой,
Может быть, глаза рукой прикрою,
И увижу маму молодой.

Нина ЯГОДИНЦЕВА

Челябинск

* * *

Маме

Спит в кувшине молоко,
Дочь уснула в колыбели.
Половицы заскрипели...
Оглянулась — никого.

Только дышит глубоко,
Белоснежна, как невеста,
Тоненькая занавеска —
И за нею никого.

За окном сплетает сад
Полудённую прохладу,
А по самой кромке сада
Колокольчики звенят.

Кто-то ходит стороной,
Просит птиц угомониться,
На узорчатые листья
Осыпая лёгкий зной.

Пригляделась — никого,
А прислушалась — молитва...
Тихо скрипнула калитка
Где-то очень высоко.

* * *

Холодно сердцу, не видно ни зги.
 Жизнь воробышного пёрышка легче.
 Кто-то несёт по дороге навстречу
 Белый светильник январской пурги.

Оберегая неровный огонь,
 Вьются и стелятся тонкие ткани,
 То приникая к мерцающей тайне,
 То разлетаясь неровной дугой.

И заметают невидимый след,
 И обнимают, и прячут в пелёны
 Тымою немыслимой усыновлённый
 Свет одинокий, покинутый свет...

* * *

Непогода пришла как отряд батьки Махно:
 Гогоча, из горла прихлёбывая,
 прикладом стуча в окно,
 Выгребая запасы осенние
 из подвалов и с чердаков...
 Да не боись, чего там —
 ноябрь всегда таков.

Если воля и холод сойдутся —
 родится смерть.
 Ничком на овчинку неба падает степь,
 Серая, буранная пустота,
 Но сердце уже не обманешь — родная, та,

Где не за что ухватиться душе слепой,
 Где — если заплачешь,
 в сердцах оборвут: не пой!
 А замёрзнешь, тряхнут за шиворот: встань!
 Россия моя, Россия, свиданье тайн

Непостижимых! Когда по снежной стерне
 Ведут, матерясь, к обрыву или к стене,
 На сквозном перекрёстке иных дорог
 Свернут напоследок цигарку:
 курни, браток...

И ты вдыхаешь дымок и не помнишь зла.
 О жизни ли горевать, если всё — зола?
 О смерти ли, если даже махра — сыра?
 Крайнему: докурите, а мне — пора.

* * *

За три дождя одежда трижды промокла.
 На повороте была деревенька Ёква.
 Дальше стеной стояла тайга, и в неё река
 Уходила, как птица под облака.

А в деревеньке было печально пусто,
 Только сырой смородины злое буйство
 У тёмных срубов,
 продавленных небом крыш...
 И казалось, ты не идёшь, а спишь:

Тропа на глазах зарастает
 гусиной травкой,
 В буряне в прах рассыпается
 ржавый трактор,
 По ветхим заборам
 струится ручьём выонок —
 И только над самой дальней избой дымок

И женский взгляд за белою занавеской —
 Беспечальный, пронзительный,
 занебесный...

Литературно-художественное издание

День поэзии. XXI век
2014 год

Ежегодный альманах

Стихи, статьи

Технический редактор **В. КОРНЕВ**

Корректор **Л. КОБЕЛЕВА**

Дизайн обложки **И. ВОВЧАРЕНКО**

Подписано в печать 30.09 2014

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная

Гарнитура Bodoni. Печать офсетная

Усл. печ. л. 31,3. Тираж 1000 экз. Заказ № 5277

Издательство журнала «Подъём»
394036, г. Воронеж, пр.Революции, 3а

Тел: +7(473) 253-11-34, 253-11-28

E-mail: podiem@mail.ru

<http://www.podium.vsi.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета в ОАО
«Воронежская областная типография – издательство им. Е.А. Болховитинова»:
394071, г. Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а.